

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

8 '85

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

Следопытский телеграф

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика



ВЫСОТЫ ОТЦОВ — ВЫСОТЫ СЫНОВЕЙ!

Читайте стр. 4—7.



Пятьдесят лет назад на донбасской шахте «Центральная-Ирмино» забойщик Алексей Стаханов вырубил 102 тонны угля, перевыполнив норму в четырнадцать раз.

Стахановское движение всколыхнуло всю страну. Подхватили почин и уральцы. Вскоре медеплавильщик Николай Лобацевич (на снимке) установил мировой рекорд.

Они, стахановцы тех лет, взяли такие высоты — профессиональные, нравственные, дали такие ориентиры!..

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТЫ



8 '85

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В НОМЕРЕ:

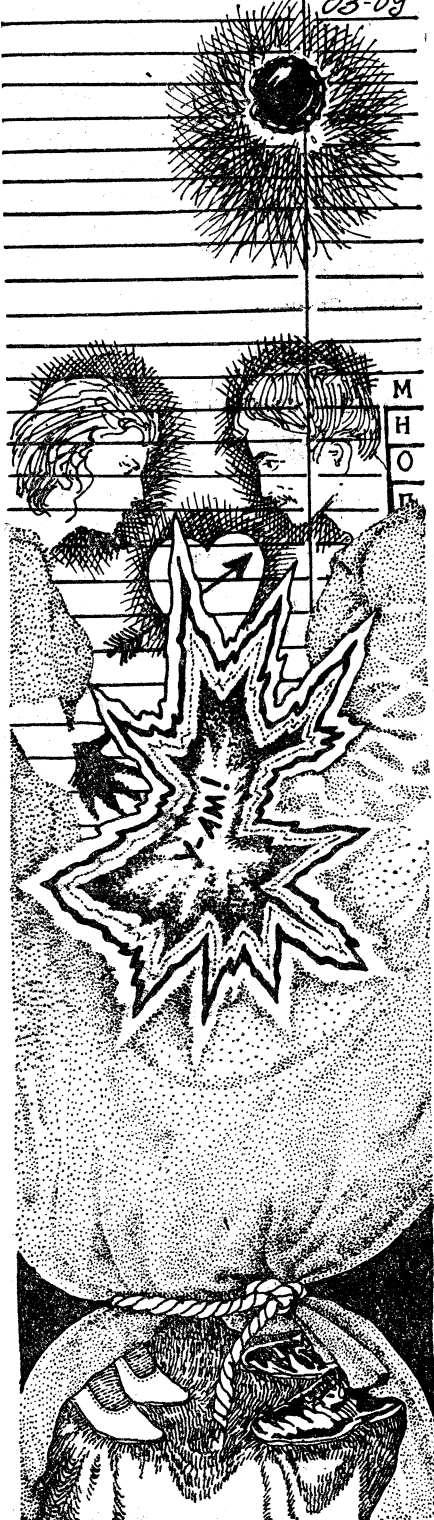
- 2/ С. Марченко
НАЧИНАЛАСЬ ЖИЗНЬ... Стихи
- 4/ А. Мотырев
РАБОТАТЬ ПО-СТАХАНОВСКИ
- 5/ Л. Матвеева
ВЫСОТЫ ОТЦОВ — ВЫСОТЫ СЫНОВЕЙ
- 7/ Ю. Дунаев
ИМЕННЫЕ ЧАСЫ
- 8/ Ю. Останин
ПО ПРИМЕРУ ПЕТРА КРИВОНОСА
- 8/ М. Черненко
ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ. Повесть. Начало
- 30/ Г. Зайцев
«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЮВЕЛИРОВ
- 35/ АРКАДИЮ СТРУГАЦКОМУ — ШЕСТЬДЕСЯТ
- 36/ Н. Андреева
ПРОФЕССИЯ ДЛЯ НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН
- 38/ А. Карташкин
СВЕТ СОЛНЕЧНЫЙ. Рассказ
- 41/ А. Тимергалин
СКАЗКА. Рассказ
- 43/ Е. Сыч
ПАРАЛЛЕЛИ. Рассказ
- 46/ А. Морсков
СОПУТСТВУЮЩИЙ ЭФФЕКТ. Рассказ
- 50/ МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА. КАЛЕЙДОСКОП
- 52/ СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ
- 54/ О. Квирквелия
ИДТИ ИСЧЕЗНУВШИМ СЛЕДОМ
- 61/ М. Семенов
ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ
- 64/ А. Матвеев
ВВЕРХ ПО РЕКЕ ЗАБВЕНИЯ
- 70/ А. Новиков
УКРАСИТЬ КНИГУ...
- 71/ В. Столицин
ЗВОНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА
- 71/ Ю. Останин
ЛЕСНАЯ СТРАЖА
- 72/ Л. Сергеева
«ПОСЛЕДНЕГО ВЗМАХА НЕ БУДЕТ У ВЕСЕЛ...»
- 74/ Л. Жаров
СЛОВАРЬ ХОРНБИ
- 77/ И. Никольский
ГОЛОСА В ЛЕСУ
- 78/ МИР НА ЛАДОНИ

На 1-й стр. обложки — рис. С. Копылова

фамилия

телефон

03-09



начиналась

Светлана МАРЧЕНКО

* * *

Вещий август мне тебя послал —
В августе сбывалось все на свете.
Я не помню часа и числа,
Только помню — улицу и ветер...

И твои бездонные глаза
С их печальным, ласковым сиянием.
Ах, как много ты тогда сказал
Тишиной своей, своим молчаньем!

В ничего не значащих словах
Затевалась исповедь такая,
Что пронзил мне сердце сладкий
страх:
Начиналась жизнь совсем другая.

* * *

А я тебе стихи писала,
Когда тебя еще не знала,
Когда не в снах, а наяву,
С разбегу падала в траву...

Кругом кузнечики звенели,
И плавал зной, и птицы пели,
И солнца шар — тугой, горячий —
Катился по небу, как мячик...

Ах, эти детские приметы
Безоблачности бытия —
В кругу обыденных предметов
Почти сиротского житья!..

Жалела я жуков унылых,
Шептала бабочке: «Живи!»
А это — вместе все — и было
Предвосхищением любви.

* * *

В оконном створе ветка из куста —
Случайно заглянула и застряла,
Как будто ей пространства было мало
Иль чем-то поманила теснота...

Как бедности та ветка удивилась:
Был душным воздух, мертвым яркий
свет...
Земля вольна — скажите же на
милость,
Зачем дома, когда в них солнца нет?

ОТТЕПЕЛЬ

Тихо, сердце, смотри — не убейся,
Посвист ветра приняв за свирель.
Бродит изморозь в звездном замесе
И далек ясноглазый апрель.

Ты на струях тепла воспарило —
Чем-то кончится этот полет...
Ведь земная ревнивая сила
За отлучку сторицей берет.

* * *

1.

Я шла вчера по нашей улице,
Но — не с тобой!
Нет, не с тобой,..
И было грустно мне, что курится
Все тот же сумрак голубой,
И тот же серый снег,
исхоженный,
И та же клинопись ветвей,
И люди — на тебя похожие
Густыми крыльями бровей...

2.

Ну вот и разлука — нежданна,
как выстрел,
С мучительным привкусом
жестких запретов...
Не слишком ли явно? Не слишком
ли быстро?!
Ну, ладно, не буду. Не надо об этом.
Не помнила я о случайных недугах —
С тобой я всегда обо всем забывала...
А нынче мне только не сбиться бы
с круга.
Не слишком ли много я радости
знала...

* * *

Луна не ведает, помог ли
Земле ее неверный свет,
Когда все краски дня поблекли
И сам закат сошел на нет...

И мы в своем смятенном быте
Не все той участи бежим —
Скользить по заданной орбите,
Сияя отблеском чужим...

ЖИЗНЬ...



* * *
Это клич был — как выстрел, как бич...
Я вняла глубиной подсознания,
Что какой-то зазор в мирозданье
Вечность силится мною постичь.

Я была начеку. И однажды
Властный зов ощутила сполна...
Я не знаю, как звать эту жажду,
Но я знаю, какая она.

* * *
Мы часть, но не частность,
Скорее — подробность
Огромного мира,
Презревшего дробность.

Мы только похожи
На капли и звенья,
Но в нас — непрерывно
Бессмертье мгновенья.

* * *
Как любит неделимое дробить
Пытливости бесовское копыце...
Мы выглядеть хотим, боимся быть,
Ничуть не опасаемся не сбыться.

Как наши заблужденья непросты:
Нелепицы сливая воедино,
Мы лепим божество из пустоты
С упрямой маетой престолюдина.

* * *
Тайгой запахнут ветры —
Я словно с цепи рвусь
Туда, где километры
Безмолвные, как грусть...

Люблю брести на ощупь,
На случай, наугад.
Урманы, а не рощи
Мне душу полоняют...

И жаркий трепет в жилах:
Тайга, прими меня!
Нас в предках жизнь сдружила,
Здесь все — моя родня:

И страха рысьи очи,
И звездный дождь в ладонь,
Костров твоих полночных
Языческий огонь...

Ах, мне теперь не к спеху,
Мне у огня тепло.
Горит литым орехом
Большой луны чело.

И все не гаснет небо
Над кромкою воды,
И полночь, словно небыль,
Таит свои следы...

Гудит валун покатый,
Алеет птичья бровь...
Сродни твоим закатам
Моя густая кровь.

* * *
На синем небе — белые стволы,
На серых крышах — черные потеки...
Еще ветра разгульны и жестоки,
Но вечера прозрачны и светлы.

Весна близка. И благостен закон
Смиренной маеты предвосхищенья —
Немытых окон тусклое свеченье
И первой мухи выморочный звон...

Рисунки С. Копылова



РАБОТАТЬ ПО-СТАХАНОВСКИ!

Анатолий МОТЫРЕВ

Есть имена, которые входят в сознание как символ времени. Алексей Григорьевич Стаханов — один из них. Рядовой шахтер, сын бедняка поднялся на высшие ступени почета, всенародного внимания.

В знаменитой статье «Как организовать соревнования?» В. И. Ленин прозорливо указал, что освобождение трудящихся от эксплуатации не может не вызывать у них глубокую материальную и моральную заинтересованность в результатах труда, в развитии общественного производства, не может не прививать навыки социалистической дисциплины труда, творческого отношения к делу. Форму выражения такого отношения победившего пролетариата к труду Ленин назвал социалистическим соревнованием.

В апреле 1929 года XVI Всесоюзная партийная конференция, одобрявшая первый пятилетний план, принимает обращение «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза» с призывом развернуть массовое социалистическое соревнование.

Обращение XVI партконференции, а также постановление ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов» положили начало массовому движению ударников.

2 сентября 1935 года в «Правде» было опубликовано сообщение, которое с высот сегодняшнего времени можно назвать историческим.

«Кадиевский забойщик шахты «Центральная-Ирмино» тов. Стаханов в ознаменование 21-й годовщины Международного юношеского дня поставил новый всесоюзный рекорд производительности труда на отбойном молотке. За шестичасовую смену Стаханов дал 102 тонны угля, что составляет 10 процентов суточной добычи шахты, и заработал 200 рублей. Стаханов обогнал непревзойденных до сих пор мастеров угля Гришина, Свиридова, Мурашко».

В ночь на 4 сентября партгруппорг участка «Никанор-Восток» Мирон Джуканов добыл 114 тонн, 5 сентября Матвей Канцедалов — 125 тонн, 9 сентября Алексей Стаханов вырубил 175 тонн, выполнив 25 норм. А спустя некоторое время забойщик Горловской шахты №1 Никита Изотов, прервав на несколько дней учебу в Промакадемии, дал за смену 640 тонн угля...

В ту осень один рекорд следовал за другим во всех

отраслях социалистической индустрии, на транспорте, в сельском хозяйстве. На Горьковском автозаводе отличился кузнец Александр Харитонович Бусыгин, который при норме 675 валов отковал в смену 966, а затем довел до 1050 валов за смену. Токарь Московского завода шлифовальных станков Павел Борисович Быков, начав применять высокие скорости резания, выполнил нормы на 250—430, а затем на 580 и даже на 720 процентов. В обувной промышленности отличился Николай Сметанин, в текстильной — ткачихи фабрики имени Ногина Евдокия и Мария Виноградовы, которые стали обслуживать по 144 станка. Петр Кривонос показал образцы вождения тяжеловесных поездов. Сталеваз Мариупольского металлургического завода Макар Мазай добился невиданных результатов в съеме стали с каждого квадратного метра пода печи...

На Урале не было завода, шахты, фабрики, где бы рабочие не подхватили новое движение — работать по-стахановски!

В 1971 году я побывал в городе Торезе, в гостях у А. Г. Стаханова. Высокий, седой, Алексей Григорьевич встретил меня приветливо и гостеприимно.

— С чего началось-то? — улыбнулся он. — Все началось с лаптей. Привязал я покрепче бедняцкую обувь и подался с односельчанами-орловцами в донецкие края. Думал, подзашибу деньжонок и перво-наперво справлю сапоги со скрипом да фуражку с лакированным козырьком. А потом, глядишь, и на лошадку соберу. Но судьба распорядилась иначе. Мечта моя скромная вскоре осуществилась — сапоги я приобрел и фуражку тоже, но земледельцем не стал. Поглянулось мне на руднике, в рабочей семье...

Алексей Григорьевич вспоминал те далекие годы, и морщинистое лицо его светлело...

Сошелся он на шахте с душевными льдями. Смекалистого и работающего, его быстро научили шахтерскому делу. Забойщику Стаханову доверили один из первых отбойных молотков — новинку техники. И тут он понял, что в небольшом уступе, на какие разделена лава, с новой техникой тесно, что пришла пора удлинить уступы, дать полную нагрузку отбойному молотку, креплением пусть занимаются специально выделенные для этого люди...

Предложение забойщика приняли, выбрали удобную смену, и вот в ночь с 30 на 31 августа 1935 года Стаханов спустился в забой...

— В газетах много тогда писали о нашей работе, о рекордах и подвигах. Я очень удивился, даже растерялся, что движение назвали стахановским. Ведь дело не в моей фамилии, видимо, все дело состояло в новаторском строе нашей новой жизни...

Закончив Промакадемию, А. Г. Стаханов продолжал работать в Довбассе, он немало сделал для распространения передовых приемов труда.

В 1970 году А. Г. Стаханову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

ВЫСОТЫ ОТЦОВ — ВЫСОТЫ СЫНОВЕЙ

Людмила МАТВЕЕВА

Рисунок Е. Таршич

Портреты, как признают все, видевшие Лобацевича, удивительно точно передают его облик: пытливые глаза, порыв... Неугомонный характер! Вот он с бригадой. Чувствуется: лидер. А вот — с летчиком Титовым из агитационной эскадрильи имени Максима Горького. А здесь — среди коллег...

Да, время, история как бы обнажили суть его трудового подвижничества: он боролся за новые, коммунистические отношения.

...Трудные тридцатые годы. Нападки кулаков из-за угла, троцкистско-бухаринские вредители... Но в напряженном ритме первых пятилеток формировался и сам рабочий класс.

Николай Лобацевич приехал из Белоруссии на Урал по оргнабору. В Калате поднимался среди лесов и болот первенец советской медеплавильной промышленности, который в мае 1922 года дал продукцию. В 1925 году Николай поступил на этот завод разнорабочим. В прошлом деревенский парень, батрак, сапожник чутким сердцем потянулся к пролетарскому костяку. Биографию начал строить основательно: отслужил в Красной Армии, потихоньку перетянул на Урал братьев.

Главное же началось в 1934 году, когда Лобацевич устроился в металлургический цех. Калатинский медеплавильный завод, правда, еще не справлялся с государственным планом. Как работать?

В августе в Калату приехал Серго Орджоникидзе. Побывал и в металлургическом цехе. Там-то он и поразился необыкновенной захлапленности рабочих мест, плохой организации производства. Вечером в Доме культуры собрали партийный актив, специалистов.

«Мы думали, — вспоминал потом Николай Лобацевич, — что нарком всех нас снимет за плохую работу, но товарищ Орджоникидзе сказал: «Мы подняли черную металлургию, подняли Донбасс, неужели же мы не сможем поднять медь? Беритесь, товарищи, за дело понастоящему, и оно пойдет. Мы вам поможем».

Вскоре после отъезда Орджоникидзе директора Ленинградского завода «Севкабель» перевели в Калату на прорыв.

Новый директор взялся за работу без суеты. Организовал на заводе диспетчерскую службу, сигнализацию, стал приучать мастеров работать по-новому, четко планируя каждую смену. Завели таблицы удельного расхода топлива, анализа сменных проб, справку о поступлении руд. Эти документы Лобацевич ежедневно анализировал как рабочий очень важного участка — ватержакета... Дела пошли на улучшение.

А через месяц, в сентябре 1934 года, по рекомендации нового директора А. А. Литвинова Николай Лобацевич стал набирать комсомольско-молодежную смену. Цель была поставлена четко: трудиться организованно, подтягивать отстающих.

«Первого октября комсомольская смена дружно приступила к работе, — писала газета «Калатинский рабочий» за 3 октября 1934 года. — Продуманные указания мастера Лобацевича ребята выполняли быстро и четко. Итог

работы первого дня — задание по проплаву шихты перевыполнено на 30 тонн».

— Маловато, — сказал мастер, — не все возможности использованы.

И уже в октябре комсомольско-молодежная смена самого молодого из мастеров по стажу и возрасту Николая Лобацевича заняла в соревновании первое место. Радость в коллективном успехе была несказанной. Однако нашлись и такие, кто успех смены ставил под сомнение. До мастера просочились недобрые слухи:

— Небось, можно так работать. Кадры-то сам подбирай. Да и печи, видать, перегружает...

Лобацевич старался не подпускать близко к сердцу кривотолки, но эти — словно острый нож. Когда зашел в партком завода, заволновался еще больше:

— Вот ведь что говорят злые языки... Да разве ж мы не на совесть с ребятами работали?

— Не кипятись, Николай Васильевич, — успокаивал его секретарь Трубин. — Мы твою принципиальность знаем, мысль новаторскую ценим. Ты у нас — член МОПРа, депутат городского Совета. В общем, авторитет признанный...

Лобацевич не унялся.

— Нет, я еще раз докажу, вот отдам смену другому, а сам перейду в отстающую.

Сказал, как поставил восклицательный знак. И работал, как сказал.

В 1934 году Калатинский завод впервые отчитался за выполнение годового плана. За этот успех Серго Орджоникидзе наградил автомобилями начальника металлургического цеха инженера С. Х. Тонаканова, старших мастеров М. П. Шмырина, А. Т. Крюкова, Н. В. Лобацевича, И. А. Селванова.

«Крупное достижение Калатинского завода, — отмечал потом на собрании научных работников и инженеров Минцветмета, Гипроцветмета и Главцветмета С. Х. Тонаканов, — максимальное использование агрегатов. Наш лозунг — не упускать, взять сегодня все, что могут дать печи... Реальность нашей программы — живые люди, их готовность отдать труд Республике Советов».

К Лобацевичу пришла слава. Ему вручен знак «Стахановец золотоплатиновой промышленности», именные часы от газеты «За индустриализацию».

Николай Лобацевич едет как член совета по стахановскому движению при Наркомате тяжелой промышленности на VIII Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов.

Там он говорит: «На Кировградском медеплавильном заводе при непосредственной помощи нашего железного наркома Серго Орджоникидзе мы имеем не единицы стахановцев, но сотни! Старой Калаты не существует. Правительство дало нашему городу почетнейшее имя пламенного трибуна Сергея Мироновича Кирова. Улицы оделись в асфальт, построен Дворец культуры. Мы имеем два театра, звуковое кино. А программа, которая дана нашему заводу на 1936 год, нами, кировградцами, будет четко выполнена».

«Мастера ватержакетных печей коммуниста Николая Лобацевича знает весь район как страстного большевика, отдающего богатый опыт, теоретические знания производству» — так характеризовала Лобацевича городская газета.

И Николай Лобацевич взял, как обещал, новую смену из молодых рабочих, поставил задачу: быть первыми. Так начала работать стахановская школа практического опыта. И новая смена перекрывает проектную мощность печей. Пролав достигает 61,5 тонны тяжелой шихты на квадратный метр при норме 47,5 тонны.

Все больше друзей и просто симпатизирующих энергичному мастеру появляется рядом. Прибыл из Москвы



на практику молодой инженер Дмитрий Кондрашов и так увлекся деятельностью стахановской школы Лобацевича, что после окончания института приехал сюда работать. Теперь уже он возглавлял прославленную смену Лобацевича и установил новый рекорд — проплавил 440 тонн при задании 375 тонн шихты. Вот четкая хроника успехов последователей Лобацевича.

Почти вдвое сократил время загрузки старший мастер отражательной печи руководитель комсомольской смены Морозов.

Старший мастер конвертеров Крюков обеспечил обработку тремя конвертерами вместо четырех.

Умело работает на конвертерах «спирс-смит» и «грет-фолле» Малков. Норма, как правило, перевыполняется.

Машинист Колмогоров освоил сложный процесс флотации и стал работать одновременно на восьми машинах.

Хронику вела заводская газета, там подчеркивалось: «Нас ждут беспощадная борьба с саботажниками, несмотря на их чины и ранги, всемерная помощь стахановцам, перенесение их опыта работы на другие участки, кропотливая работа хозяйственной, партийной и профсоюзной организаций завода над выращиванием новых сотен стахановцев...»

Николай Лобацевич соревнуется со сменой мастера Чукичева. Чукичевцы вырвались вперед, но смена Лобацевича через сутки вновь перекрыла их рекорд.

В феврале 1936 года в заводском клубе состоялась встреча двух стахановских смен. Чукичев и Лобацевич говорили о своих проблемах неорганизованности, неудовлетворительном снабжении рудой, мешающих использовать максимальные возможности для работы по-ударному.

Комментируя эту встречу, директор завода А. А. Литвинов отметил, однако, что коллективы Лобацевича и Чукичева осваивают культурный социалистический стиль работы, четко придерживаются графиков, экономно расходуют каждую минуту. «Самое главное, — сказал он, — что Лобацевич и Чукичев постоянно оказывают помощь отстающим. Вот и сейчас они обязались помочь сменам Петелина и Кондрашова выйти в передовые...»

Трудными путями поисков шел Лобацевич к своему главному рекорду.

...Точка — тире, точка. Кажется, беспристрастно бегут

слова в телеграмме, направленной наркомату тяжелой промышленности. Но мускул рапорта, посланного в Москву вслед за установлением рекорда, чувствовался: «Дорогой товарищ Орджоникидзе! Я счастлив рапортовать о первом победном проплаве. 28 января на кировградском ватерякете установлен мировой рекорд. Работая в смене мастера Кузьбацкого, я проплавил 234 тонны шихты... Эта производительность — не предел. Передаю свой опыт всем рабочим».

Скоро пришла ответная телеграмма: «Кировград, медьзавод, Лобацевичу. Ваш успех имеет тем большее значение, что до сих пор медеплавильные заводы работают неудовлетворительно, государственный производственный план не выполняют. Ваш успех — проплав медной руды больше 100 тонн при норме 60 — говорит о тех громадных резервах, какие мы имеем на медеплавильных заводах... Если бы все начали работать, как вы, мы имели бы в два раза больше меди. Поздравляю Вас, желаю закрепить достигнутый успех. Орджоникидзе».

В ноябре 1937 года в Свердловске проходило Всесоюзное совещание работников медной промышленности. На нем присутствовал Николай Лобацевич, который и здесь умел себя организовывать: пужное тщательно записывал, интересных выступающих обязательно подстерегал в перерывах, выспрашивал, что шло на пользу делу. С людьми он сходилась быстро, сразу обретал друзей.

Совещание приняло обращение, там были такие слова: «Мы присоединяемся к обращению стахановцев и ударников угольного Донбасса и обращению металлургов, призвавших нас с новой силой развернуть социалистическое соревнование.

Мы призываем всех работников заводов: больше и больше меди! Будем упорней крепить мощь нашей Родины!»

Не испортило Лобацевича испытание славой — до конца своей короткой жизни (он умер в 1949 году сорока пяти лет) оставался искренним другом всех, кто его знал. Жена позже вспоминала, что Николай всегда оказывался душой компании. Он любил танцевать кадрили перед партийными собраниями, часто пел. Особенно любил украинскую песню «Распрягайте, хлопцы, коней». Как-то во время отдыха в южном санатории ему преподнесли огромный торт — «Стахановцу медной промышленности», который тут же был пущен по кругу: угощали всех.

Жесткий ветер гонит по степи до Рудного колючую снежную пыль. Кажется, кустанайские края продуваются насквозь. Но летом здесь солнечно и тепло.

Светлые девятиэтажки, украшенные национальным казахским орнаментом, просторные улицы, и только далеко на окраине, за несколько километров от жилья, — карьеры, рудники и другие предприятия Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината. Он дал жизнь городу, которому нет еще и трех десятков лет.

Здесь у дочери живет Александра Александровна Стягунина, жена Николая Васильевича Лобацевича. Несколько лет назад приехала она сюда, поближе к внукам, и, несмотря на преклонный возраст (ей за семьдесят), старается быть полезной, ведет большую работу среди молодежи. Ее имя занесено в альбом почета ветеранов партии, комсомола, войны и труда города Рудного. Да, молодежь тянется к истории. И что может быть авторитетней, чем свидетельство очевидца!

— Помню, когда многие с завода ушли на фронт, — рассказывает Александра Александровна, — Николай тоже потерял покой: считал, что его место не у печей, а на передовой. Его убеждали: уральский тыл — вторая передовая, кто же будет обеспечивать надежную оборону

страны? Николай однажды сказал мне, что не может больше оставаться дома. Остриг волосы, собрал рюкзак и пошел на вокзал. Когда поезд тронулся, дежурная по станции срочно замахала ему: вас, мол, к телефону. Николай пошел объясняться с директором завода, почему поехал самовольно. Так и ушел поезд с его котомкой... А ведь в тылу тоже приходилось несладко. Бывало, придет домой, принесет дополнительный паек и говорит: «Это отнеси тем-то, это — другим, поделимся. Мы как-нибудь проживем — ведь и картошка у нас есть, и капуста, а у них кормилец — на войне». Бывало, хлебные карточки отдавал вдовам. Да что хлеб наш насущный... Помню, привез с конференции библиотечку: Пушкин, Шолохов — тоже разошлась по друзьям. Очень глубоко он понимал жизнь — потому что сам испытал лихолетье. Вот и мои два брата воспитывались у нас, потом наставлял на путь истинный своих братьев. Все жили одной семьей».

И эстафета продолжается! Сын Ивана Селиванова Борис возглавляет одну из передовых смен металлургического цеха.

Трудовой путь отца и дяди, Николая Васильевича, избрал Владимир Степанович Лобацевич, плавильщик. Широкая улыбка, открытое лицо, неторопливость выводов, взвешенность поступков — все у Владимира фамильное, от Лобацевичей.

— В детстве, по праздникам, отец водил меня в металлургический цех, где сам трудился бригадиром слесарей, — вспоминает Владимир Степанович. — Эти дни были для меня торжественными: отец хотел, чтоб я полюбил цех, в котором трудился он и его брат, Николай Лобацевич. В пятидесятых годах в цехе еще можно было видеть карусельную разливочную машину, ручную разливочную меди.

Рано Владимир остался без отца, а когда закончил среднюю школу, начальник отражательного передела Алексей Михайлович Андреев, взглянув на юношу, предложил:

— Знаю, хочешь к нам в цех. Приходи.

Так и решилась судьба младшего из династии Лобацевичей. После службы в рядах Советской Армии у Владимира уже не было колебаний, правильно ли он выбрал жизненный путь — фамильные корни притягивали к цеху все больше. Он закончил горно-металлургический техникум, работал плавильщиком, мастером и старшим мастером производственного обучения в ГПТУ № 60, потом снова пришел в цех.

По итогам 1983 года Владимир Лобацевич получил звание «Лучший плавильщик отрасли», его портрет нанесен на доску Почета. Он — депутат Кировградского городского Совета народных депутатов.

— Какой насыщенной, полнокровной жизнью жили наши отцы, — говорит он, — но нам ли завидовать поколению тридцатых годов? Ведь у нас больше возможностей для творческого труда! И все же, когда в нашем цехе в прошлом году вышло положение о трудовой вахте в честь 50-летия стахановского движения, о соревнованиях за право обладать призом имени Николая Лобацевича, заволновалась кровь.

Первым обладателем приза стала смена кавалера ордена Трудового Красного Знамени П. И. Хайрусламова.

...В раскомандировочной отделении шахтных печей беседую с победителями. Петр Иванович Хайрусламов только что сдал вахту, заполняет сменный журнал. Говорит:

— В стахановском движении заложен корень отношения рабочего к труду. Завтра надо сделать лучше, чем сегодня. Лучше!

ИМЕННЫЕ ЧАСЫ

Юрий ДУНАЕВ

В нашей семье хранятся именные часы.

...Пятьдесят лет назад это было.

Отец пришел домой довольный. Достал из кармана круглые, с выпуклым стеклом карманные часы, положил их на стол:

— Вот, наградили за работу.

Мы, пятеро сыновей, смотрели на отца с нескрываемым восторгом. Долго разглядывали часы «Зенит». На крышке была выгравирована четкая надпись: «Инициатору-стахановцу Трубостроя Дунаеву Андрею Михайловичу от треста «Востокосталь». 7/II.36 г.»

Отец окончил только один класс церковно-приходской школы. Отдали его в подпаски — рубль тридцать копеек в месяц. Потом пошел в лесорубы, работал каталем. В пятнадцать лет он уже молотобоец в кузнице Верхне-Шайтанского завода, а затем вступил в пайщики кооперативного общества «Трудовик» и более двадцати лет работал в кузнице.

Когда в Первоуральске началась большая стройка — трубного завода, отец пришел сюда, одним из первых на Трубострое подхватил почин Алексея Стаханова, был объявлен первым стахановцем стройки.

В нашем семейном архиве сохранился документ — письмо управляющего трестом «Востокосталь» К. Седашева:

«Дорогой тов. Дунаев!

Вместе с Вами и всей Вашей семьей душевно радуясь тем большим переменам, которые внесло в Вашу жизнь великое стахановское движение. Вы один из первых наших стахановцев и за Вами идут тысячи вчерашних ударников, сегодня овладевших стахановскими методами труда. Ваша задача — помочь им, подтянуть их до своего уровня...»

Вот еще один документ из семейного архива. 13 августа 1941 года газета «Уральский рабочий» писала:

«Кузнец Новотрубного завода тов. Дунаев заявил на цеховом митинге об отчислении 50 процентов месячного заработка в фонд обороны страны...»

Никогда не изгладится из моей памяти эпизод, который произошел в то грозное военное время. Отец пришел из школы с родительского собрания. Разделся, отстегнул из петельки пиджака ремешок с часами и подал мне:

— Возьми, сынок. Ты — тоже стахановец.

Я опешил: часы именные, вручены отцу за труд!.. Мне стало понятно: отец доволен мною и решил сравнить отличную учебу со стахановским трудом.

— Бери, бери, — сказал он. — Не часы, память передаю. По ним сверяй свои дела, сынок...





Михаил ЧЕРНЕНОК

Рисунки Е. Стерлиговой

ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

ГЛАВА 1.

Столь дерзкое преступление в райцентре случилось впервые. В одиннадцатом часу вечера, когда теплый июньский день не успел еще угаснуть, шестидесятилетний кладовщик угольного склада Семен Иванович Тюленькин подвехал в собственной «Ладе» к пологому берегу неширокой речушки, лениво петляющей в зарослях тальника через городок, чтобы помыть автомашину. Метрах в ста от берега среди густых тополей находилась летняя танцевальная площадка, где во всю мощь гремела музыка и в поте лица топтались танцующие. Справа, над тальниковыми кустами, высился деревянный пешеходный мост к железнодорожному вокзалу. На мосту несколько подростков с гитарами пересмеивались с девушками.

Тюленькин разделся до трусов, вымыл машину и, решив искупаться, зашел за тальниковые кусты на песчаный откос. Там сидел незнакомый парень в темных очках. Он попросил у некурящего Тюленькина закурить. Тот, понятно, отказал. Тогда парень выхватил из кармана револьвер и толкнул онемевшего от страха кладовщика в кусты. Повалив Тюленькина на землю, кляпом из носового платка заткнул ему рот, связал по рукам и ногам бельевым шнуром и укатил в тюленькинскую «Ладе» неизвестно куда.

Развязали кладовщика подростки-гитаристы, когда старик вытолкнул языком кляп и закричал диким голосом. Кое-как натянув одежду, Семен Иванович прибежал в районную милицию. Худые угловатые плечи Тюленькина вздрагивали в нервном ознобе. Он болезненно морщился, по-детски швыркал носом, часто прикладывая ладонь к большой ссадине на лысой макушке и посиневшим, распухшим языком слизывал кровь, сочившуюся из надорванного уголка губ.

В кабинете начальника отдела уголовного ро-

зыска Антона Бирюкова, несмотря на распахнутое настежь окно, было душно. Могучие сосны за окном источали густой хвойный запах. Бирюков терпеливо выждал, пока потерпевший мало-мальски пришел в себя, и попросил его рассказать о случившемся подробнее. Тюленькин всхлипнул:

— Вышиб, стервец, из памяти все подробности.

— Не торопитесь, внешность парня припомните...

— Ну я ж говорил... Высокий, не ниже вас... В плечах тоже богатырь.

— Одет как?

Плечи кладовщика вздрогнули.

— Рубаха, кажись, синяя, а штаны... джинсы, что ли...— Тюленькин глубоко вздохнул.— Нет, не помню. Когда я подошел к берегу искупаться, он, как будто спрятавшись за кустами, рукав у коричневой куртки отмывал.

— Что на рукаве было?

— Вроде бы кровь...— кладовщик встретился с внимательным взглядом Бирюкова и втянул голову в плечи.— А может, и не кровь. Может, это мне со страху показалось.

— Лицо у парня какое?

— Неприметное.

— А поточнее?

— Бледное, вроде как с севера он приехал или из заключения только что. На груди это... накладка картины товарища Шишкина «Три богатыря».

— Васнецова.

— Что?

— «Трех богатырей» художник Васнецов написал.

— Разве?.. А мне помнится, товарищ Шишкин...

— Сколько лет парню?

— Затрудняюсь сказать.

— Примерно, Семен Иванович.

Тюленькин мучительно наморщил лоб:

— Лицо совсем молодое, вроде еще к бритве не приучено, так что... Но физически ужасно здоровый. Как принялся обкручивать меня шнуром, думал, все косточки, зверюга, ломает.

— Откуда у него взялся шнур?

— Из моей машины. Я сдуру сам предложил

Михаил Яковлевич Черненко — наш постоянный автор. В предлагаемой вашему вниманию повести «Точки пересечения» вы встретите героев, знакомых вам по повести «Шелестит тополевая роща» («Уральский следопыт» №№ 8—9 за 1981 год; в издательстве «Молодая гвардия» вышла под названием «Жестокое счастье»).

парню... Он, значит, это... говорит: «Дедок, не угостишь веревкой?..» — кладовщик зажмурился, покрутил головой. — То есть это... насчет угостить, он про курево спрашивал. Я в ответ, дескать, некурящий... Тогда парень, значит, и говорит: «Может, негодной веревки метра три-четыре найдется?» Я ему толкую, мол, пошарь в машине. Он сходил до «Лады», вернулся со шнуром и сразу — револьвер мне под нос.

— Какой револьвер?

— Самый настоящий — системы Нагана. Я, к вашему сведению, в молодости десять годов на районном элеваторе охранником трудился и подобную систему револьверов наглядно изучил. Затрудняюсь утверждать, заряженным ли оружие было, но то, что натуральный наган, голову даю на отсечение.

— Зачем парень просил веревку?

Тюленькин уставился на Бирюкова слезящимися глазами.

— Как зачем?.. Чтобы меня в бараний рог скрутить.

— Так и сказал?

— Понятно, не так. Вообще, не сказал, для чего веревка понадобилась. Попросил — и все. А я, старый дурак, расщедрился...

— Волосы у парня какие? — снова задал вопрос Антон. — Может, хоть какие-то характерные приметы запомнили?

— Волос у него почти нету. Вроде солдата-новобранца под машинку обобланен. На полтора пальца, не больше, отросли. А из примет, считай, одних «Богатырей» товарища Шишкина... простите, художника Васнецова только и запомнил.

— Вы говорили, что парень был в рубахе.

— Ага, кажись, в синей.

— Как же на его груди татуировку увидели?

Тюленькин, словно задыхающаяся рыба, широко раскрыл рот и молча уставился на Антона.

— Убей — не знаю, как... — наконец выговорил он. — Возможно, путаю товарища Шишкина с художником Васнецовым, но «Богатыри» были у парня на груди — это точно. Помутил, стервец, мою память. Голова раскальвается...

При каждом ответе Тюленькин судорожно морщился. Чувствовалось, что ему физически больно разговаривать, однако стремление выговориться пересиливало боль. В то же время казалось, будто Семен Иванович в чем-то или лукавит, или что-то недосказывает. Осторожными вопросами Бирюков стал выяснять возникшее подозрение. Тюленькин долго увиливал от конкретных ответов, но в конце концов все-таки заговорил ближе к делу:

— Я, полагаю, парень давно на меня зуб грыз, только удобного случая не подворачивалось, чтобы

завладеть моей «Ладой». Видите ли... было время, когда разрешалось законом, песцов я держал. Вот, значит, некоторые завистники и считают, что автомашина мною куплена на нетрудовые доходы. И этот — с наганом — песцами меня попрекнул.

— Выходит, вы с ним знакомы? — быстро спросил Антон.

— Возможно, парень меня знает, а лично я первый раз его видел.

— Откуда же ему о песцах известно?

— Сам удивляюсь. Спекуляцией я не занимался, с рук шкурками не торговал. Все до последней шкурочки — в райповскую заготконтору, как по закону было положено. Ей-богу, не вру...

В кабинет вошел старший оперуполномоченный по делам несовершеннолетних Слава Голубев. Вихрастый, в белой тенниске и джинсах, он внешне походил на загоревшего подростка. Кинув на Тюленькина короткий взгляд, Голубев озабоченно сказал:

— Патрульная машина вернулась безрезультатно.

— Ой, пропадет моя «Ладушка», ой, пропадет! — запричитал Тюленькин. — Средь бела дня ограбили...

— Найдем вашу «Ладу», — остановил причитания Бирюков.

— Это когда еще найдете! А теперь-то что делать? Как думаете, если сейчас забегу домой к прокурору, поможет?..

— Лучше сходите в больницу и возьмите там справку о телесных повреждениях. Она понадобится в суде.

Тюленькин не на шутку перепугался:

— Какой суд! Парень ведь с револьвером. Его за милую душу не возьмешь!

— Возьмем, — сказал Бирюков и глянул на Голубева. — Кто у нас в районе из несовершеннолетних или близко к этому возрасту недавно освобожден из колонии? Рослый, физически сильный... Голубев недолго подумал.

— В прошлом месяце Шурик Ахмеров вернулся, но он не силач.

— Друзей с собою не привез?

— Нет. Одумался парнишка. Поступил слесарем на промкомбинат, в вечернюю школу записался.

Тюленькин, прислушиваясь к разговору, нетерпеливо заерзал на стуле. Бирюков повернулся к нему.

— Вспомнили что-то, Семен Иванович?

— Нет, нет! Чем больше прихожу в себя, тем сильнее из головы все улетает. Пожалуй, пойду я, а?..

— Если сказать нечего, идите.

Когда Тюленькин вышмыгнул из кабинета, Антон быстро исписал в блокноте страничку, вырвал листок и протянул его Славе:

— Срочно передай эту ориентировку в областное управление уголовного розыска.

Голубев пробежал взглядом написанное, взъерошил растопыренными пальцами и без того вихрастые волосы.

— Знаешь, Антон Игнатьевич, беспрецедентный случай. Такие молодчики-налетчики у нас в районе не водятся. Не новосибирец ли какой залетел в наши края?

Бирюков посмотрел на часы.

— Не будем гадать, время к полночи приближается. Сейчас передай ориентировку, а завтра с утра пораньше постарайся выяснить у подростков, не видел ли кто из них заезжего молодца.

ГЛАВА 2.

Утреннее оперативное совещание при начальнике РОВД шло вяло. По докладу дежурного, кроме нападения на Тюленькина и угона его «Лады», ничего существенного за прошедшие сутки в районе не произошло. Начальник райотдела подполковник Гладышев подробно расспросил Бирюкова о намеченных оперативных мерах по розыску угнанной машины, сделал несколько пометок в своем блокноте и хотел уже закрыть совещание. В это время из Новосибирска позвонил начальник отдела областного управления уголовного розыска майор Шехватов и попросил подполковника подробно рассказать об обстоятельствах нападения на Тюленькина.

Хмуρο поглядывая из-под седых кустистых бровей на Бирюкова, словно тот был виноват в случившемся, подполковник доложил о происшествии. Наступила пауза. Шехватов, видимо, с кем-то советовался.

— Уточните цвет угнанной машины и ее номер,— вдруг сказал он подполковнику.

Гладышев заглянул в раскрытый блокнот:

— Машина вишневого цвета, номерной знак: Е пятьдесят семь шестьдесят два НБ — Елена, Николай, Борис.

— Пусть Бирюков срочно позвонит мне.

— Есть,— Гладышев встретился с Бирюковым взглядом и прикрыл телефонную трубку ладонью.— Срочно позвони Шехватову.

Антон вышел из кабинета начальника райотдела. В коридоре, понуро прислонившись к стене, стоял Тюленькин. Выглядел кладовщик на этот раз по-сиротски: под пиджачком — старая, неопределенного цвета рубашка, мятые сатиновые брюки с заплатами на коленках, на босых ногах —

разбитые сандалеты. На лысой макушке белела широкая нашлапка лейкопластыря, а кровоточивший вчера уголок губ был прижжен йодом. Едва завидев Бирюкова, Семен Иванович принялся суетливо шарить по карманам пиджачка. Словно опасаясь, что ему не дадут договорить, заторопился:

— Я вот принес медицинскую справочку, как велели, и хочу сообщить, что вчерашним вечером шофер с угольного склада возвращался в райцентр из Мошково и в пути встретился с моей «Ладой»...

Бирюков пригласил Тюленькина в кабинет и стал выяснять подробности. К сожалению, Семен Иванович мало что смог добавить. Шофер, встретивший в пути вишневую «Ладу», узнал ее по номерному знаку, а кто сидел за рулем и сколько в машине было пассажиров, не разглядел. Не запомнил он и точного места, где встретилась «Лада». Пришлось Антону попросить Семена Ивановича подождать несколько минут в коридоре, чтобы без посторонних переговорить по телефону с майором Шехватовым.

Шехватов ответил сразу и обрадовал. Автомобиль «Лада» с номером Е 57—62 НБ — полностью исправный, но с пустым топливным баком — обнаружен сотрудниками ГАИ на обочине Мошковского шоссе, у окраины Новосибирска.

— Странно, Виктор Федорович,— заговорил Бирюков.— Почему угонщик выбрал путь от нас в Новосибирск через Мошковское шоссе? Эта окольная дорога в два раза длиннее, чем магистральная трасса.

— Вероятно, опасался, что на трассе могут задержать, и поехал проселками, где постов ГАИ, как известно, нет. У меня серьезную тревогу вызывает то, что угонщик «Лады» вооружен.

— По-моему, он в Новосибирске сейчас.

— Твою ориентировку уже распространили...— Шехватов, словно раздумывая, помолчал.— Не преувеличил ли Тюленькин физические достоинства своего обидчика?

— У страха глаза велики. Однако не думаю, чтобы слишком преувеличил. Тюленькин усиленно нажимает на татуировку «Трех богатырей»... У тебя никого на примете с такой картинкой?

— Нет. Меня заинтересовало другое. На прошлой неделе у нас в городе совершено нападение на шофера такси. Как и в твоей ориентировке, преступник был вроде бы в синей рубашке и джинсах, вооружен наганом. Пулю нашли. Но комплектация его и повадки иные: рост не выше среднего, худощав, руки дрожат...

— А шляпа, темные очки, коричневая куртка?..

— Этого не было. На голове — летняя кепоч-

ка. Угрожая оружием, потребовал у таксиста вырчку. Тот оказал сопротивление, тогда преступник выстрелил в упор и скрылся. Таксист находится в тяжелом состоянии. Возможно, не выживет. Ты уточни у Тюленькина внешность угонщика «Лады» и перезвони мне.

— Могу уточнить прямо сейчас, Тюленькин — в коридоре. Позвать?..

— Зови, уточняй.

Бирюков пригласил Семена Ивановича в кабинет. Стараясь держать телефонную трубку так, чтобы Шехватов был слышен разговор, попросил Тюленькина еще раз, самым подробным образом вспомнить внешность нападавшего на него парня. Кладовщик уставился взглядом в пол и, как зазубренный урок, повторил прежние свои показания. Бирюков стал задавать уточняющие вопросы, однако Шехватов сказал:

— Не трать, Антон Игнатьевич, телефонное время. Направь потерпевшего к нам. Ему так или иначе ехать в Новосибирск, чтобы автомашину забрать. Появится что-то новое — немедленно звони.

Тюленькин, узнав, что надо ехать в областное управление уголовного розыска, не на шутку перепугался. У него оказалось столько работы на угольном складе — дыхнуть некогда! Когда же Антон сказал, что «Лада» нашлась и находится в Новосибирске, Семен Иванович мгновенно позабыл о работе.

Бирюков задумался. Поведение старого кладовщика казалось подозрительным. Это настораживало. Антон снял телефонную трубку и набрал номер Голубева.

— Слава, организуй мне встречу с Шуриком Ахмеровым.

— Игнатьич, телепатия существует! — воскликнул Голубев. — Минуту назад я позвонил директору промкомбината, чтобы срочно направил Шурика к нам в отдел.

— Как появится — сразу ко мне.

Ахмеров оказался белобрысым, заикающимся от волнения паренком, которому с виду можно было дать не больше шестнадцати лет. На самом же деле, как узнал Антон, нынче Шурику исполнилось восемнадцать, в связи с чем ему пришлось после совершеннолетия больше месяца отбывать наказание не в воспитательной колонии, где содержатся несовершеннолетние правонарушители, а в исправительно-трудовой, вместе со взрослыми преступниками.

— Понравилось там? — стараясь издать подопит к интересующей теме, спросил Антон.

Шурик смущенно улыбнулся.

— Нет. В воспитательной, у малолеток, лучше.

— Тебе, дружок, теперь уже в воспитательную не попасть. Только в исправительно-трудовой будешь отбывать наказание, если пойдешь по прежней дорожке.

— Я вообще за-закался туда попадать.

— А за что сел?

— За школьный ма-магнитофон.

— Украл?

— Ну. В Новосибирске на барахолке толкнул за сто рублей. Хотел за-заграничные джинсы купить.

— Житья не было без этих джинсов?

— Ну их к черту! Сам себе за-задурил голову. Дружки в импорте щеголяют. Хотел всех переплюнуть.

— С теми, с кем отбывал наказание, не встречаешься?

На лице Ахмерова появилось удивление:

— Зачем встречаться? В колониях большей частью — одни ханыги.

Антон помолчал.

— Скажи, Шурик, ты не знаешь молодого здорового парня, у которого на груди татуировка «Три богатыря»?

— Ка-ка-кажется, не знаю, — заикаясь сильнее обычного, ответил Ахмеров.

— А если честно, Шурик?..

Ахмеров замаялся, опустил глаза, словно решил: говорить — не говорить. Наконец сказал:

— «Трех богатырей» Савка Вожегов в колонии вы-выколол.

Бирюков мгновенно сосредоточился:

— Кто он? Где теперь?

Шурик покосился на молчаливо сидящего Славу Голубева, вздохнул и, с трудом преодолевая заикание, медленно стал рассказывать. Наказание Ахмеров отбывал в Красноярском крае, где и познакомился с Вожеговым. Когда Шурика перевели в исправительно-трудовую колонию, Савелий уже больше месяца находился там. До этого, будучи, как и Шурик, несовершеннолетним, он год и десять месяцев пробыл в воспитательно-трудовой колонии. Судимость у Вожегова, по его словам, была за хулиганство. Говорил, что «на спор с корешами пырнул ножиком одного пузана». Освободился Вожегов на неделю раньше Ахмерова и сказал Шурику, что сразу поедет в Минск к родителям. А еще он хвалился, будто знает в лесу под Минском потайной немецкий склад оружия, оставшийся от войны. В этом складе всяческих пистолетов и патронов — тьма-тьмушая!

— В наш район Вожегов не собирался заглянуть? — спросил Бирюков.

Шурик крутнул головой:

— Нет. Чего Савке тут делать?..

— Допустим, у тебя в гостях побывать.

— Ну его к черту!

— Адресами-то, наверное, обменялись перед расставанием?

— Нет.

— Честно, Шурик, говори.

— Че-честное слово, я Савкин адрес не знаю, — Ахмеров смущенно потупился. — Он, правда, мой на всякий случай за-записал.

— Значит, мог Вожегов у нас появиться?

— Зачем?.. Я всем парням в колонии сказал, что с прошлым за-завязываю намертво.

Бирюков обстоятельно стал выяснять внешность Вожегова. По словам Ахмерова, тот выглядел примерно так, как описал угонщика «Лады» кладовщик Тюленькин. Когда Шурик вышел из кабинета, Голубев со свойственной ему горячностью заговорил:

— Игнатич, по-моему, потерпевший старикап наделал много шума из ничего. Выдумал вооруженного бандита! Ну, действительно, зачем тому же Вожегову ехать из Минска к нам? Золотых россыпей у нас нет...

— Ты вот что, Слава, — остановил Антон, — проверь все последние связи Ахмерова. О Тюленькине разузнай. Преступления, как правило, не возникают вдруг. Они созревают постепенно. Пути потерпевшего и преступника часто пересекаются еще до преступления. Пойщи-ка точки пересечения...

Сам Бирюков, не откладывая, тут же позвонил майору Шехватову и передал ему содержание разговора с Шуриком Ахмеровым. Шехватов пообещал оперативно навести подробную справку о Вожегове. В конце следующего дня он сообщил Бирюкову, что Савелий Вожегов отбывал наказание за хулиганство. Освободился из колонии 15 мая и выехал к постоянному месту жительства, в Минск. Там через десять дней прописался в квартире родителей, а 1 июня таинственно исчез из дома. Где Савелий находится теперь, родители не знают.

— Неблагополучная семья? — спросил Шехватова Бирюков.

— Напротив. Отец инженер, мать учительница. Оба на хорошем счету. Савелий единственный ребенок в семье. Но вот что странно: о его исчезновении родители до сих пор никуда не заявили. Сотрудники Минского угрозыска сейчас разгадывают эту странность.

— Какое впечатление, Виктор Федорович, произвел на тебя наш Тюленькин?

— Плутоватый старичок. Перепуган чем-то. Безмерно рад, что нашлась «Лада».

— Машину обследовали?

— Конечно. Все отпечатки затерты. Угонщик — не новичок.

— Не Вожегов ли к нам залетел?

— Из дома Савелий исчез первого июня, а нападение на Тюленькина совершено одиннадцатого... — Шехватов помолчал. — По времени вполне может быть...

Перед самым концом рабочего дня в кабинет к Бирюкову вошел Слава Голубев. Сел возле стола и, откинувшись на спинку стула, невесело заговорил:

— Подростки о налетчике ничего не знают. Шурик Ахмеров вне подозрений. Работает, с сомнительными типами не встречается... — Слава вздохнул. — У Тюленькина в доме побывал. Богато кладовщик живет — кулацкая усадьба. С размахом когда-то песцов держал. В пристройке — двадцать клеток, а в заготконторе райпо говорят, что Семен Иванович сдавал государству ежегодно не более пяти шкурок. Остальные шкурочки, значит, уплывали по спекулятивной цене. Короче, бизнесмен еще тот!..

— Из покупателей никого не нашел?

— Семен Иванович мужик сверхосторожный. Соседям и знакомым не продавал. Может, через подставных лиц занимался реализацией пушнины да вырочку не поделил?..

— Возможно.

...Прошло несколько дней. Занятый повседневными делами, Антон Бирюков внимательно следил за поступающими из управления внутренних дел ориентировками. Надеялся, что если не в Новосибирске, то в каком-то районе области вот-вот объявится след преступника. Однако тот как в воду канул.

ГЛАВА 3.

Проснулся Бирюков от резкого звонка. Первым делом машинально глянул на тикающий у изголовья будильник — стрелки показывали полчаса шестого. Звонок повторился, и только теперь Антон сообразил: звонит телефон. По пустякам в такую рань с работы не звонили. Попробовав сообразить, что могло случиться, Бирюков глуховатым спросонья голосом ответил:

— Слушаю.

— Антон Игнатьевич... — раздался в трубке знакомый голос дежурного по райотделу. — Извините за столь раннее беспокойство. В Рожневском урочище разбитая автомашина «Жигули» обнаружена. На переднем сиденье, рядом с водителем местом, засохшая лужа крови...

Сон Бирюкова как рукой сняло.

— Через десять минут буду в отделе! Собирайте следственно-оперативную группу.

Утро выдалось удивительно тихим. Едва взо-

шедшее июньское солнце безмятежно сияло над горизонтом у кромки голубого безоблачного неба. В дежурной части Бирюков появился первым из оперативников. Кроме разговаривающего по телефону дежурного и шофера служебной машины, здесь, на диванчике, устало клевал носом черно-волосый подросток.

— Вот этот гонец загадочную весть принес, — показывая взглядом на подростка, тихо проговорил шофер.

Подросток, видимо услышав, что речь идет о нем, вскинул голову и уставился на Бирюкова большими карими глазами. Антон присел рядом, спросил:

— Ты чей, мальчик?

— Борька Муранкин.

— Так что же, Боря, в Рожневском урочище случилось? Как ты туда попал?

Лицо Муранкина стало тревожным, он быстро-быстро заговорил:

— Мы всем нашим, седьмым, классом еще в субботу утром пошли в турпоход. Ночевали у села Рожневки, а вчера, то есть в воскресенье, решили побродить по урочищу. Там же глухомань, интересно. Ходили-ходили и перед вечером на «Жигули» наткнулись. Дверка открыта, никого поблизости... Заглянули в машину — там засохшей крови полным-полно, даже стекла забрызганы... Ребята возле урочища палатку поставили, сторожить остались, а мне жребий выпал в милицию бежать. Ночью чуть не заблудился...

— Какого цвета машина?

Муранкин наморщил лоб:

— Кажется, серая... Темновато было, я не разглядел.

— А на номер не обратил внимания?

— Нет. Там трава высокая, номеров не видно на машине. Да мы и не разглядывали. Перепугались, сразу в обратную на дорогу выскочили.

Дежурный положил телефонную трубку и повернулся к Бирюкову:

— За последнюю неделю, кроме нашего Тюленькина, об угонах автомашин в ориентировках не сообщалось.

— Но что-то в этом роде было... — напрягая память, проговорил Бирюков. — Дай-ка мне папку с ориентировками.

Быстро перебирая в папке стандартные бланки, Антон задержал взгляд на одном из них, с красным типографским грифом «Разыскивается», и сосредоточенно прочел: «УВД Новосибирского облисполкома разыскивает Зоркальцева Геннадия Митрофановича, уехавшего из дома утром 11 июня с. г. на собственной автомашине «Жигули» белого цвета с номерным знаком А 19—82 НБ. Возраст разыскиваемого 36 лет, рост 172—173 см. Тело-

сложение спортивное. Лицо смуглое, продолговатое. Глаза серые, узкие. Нос крупный, спинка носа прямая. Губы тонкие, постоянно кривятся в иронической усмешке. Волосы черные, с заметной проседью, подстрижены коротко. Особых примет не имеет. Одет в синюю импортную рубашку с застегнутыми до локтей рукавами и в новые джинсы фирмы «Ли». На квадратной латунной пряжке поясного ремня — латинская надпись «Консул». В дождливую, прохладную погоду может быть в зеленой фетровой шляпе и коричневой синтетической куртке японского производства. За рулем автомашины обычно находится в темных свето-защитных очках. На прилагаемой фотографии разыскиваемый сфотографирован два года назад».

Бирюков взгляделся в приклеенный с левой стороны от текста фотоснимок молодого мужчины, осторожно сложил ориентировку и сунул ее в нагрудный карман пиджака.

В помещение дежурной части один за другим стали входить участники следственно-оперативной группы: рослый, с густыми пучками седых бровей начальник районного отдела внутренних дел подполковник Гладышев; грузноватый пожилой районный прокурор Белонос; белобрысый следователь прокуратуры Петр Лимакин с неизменным поношенным портфельчиком; замкнуто-хмурый эксперт-криминалист, капитан милиции Семенов и проводник служебно-розыскной собаки — высоченный сержант Онищенко. В «дежурке» сразу стало тесно.

— Все собрались? — окинув быстрым взглядом присутствующих, спросил подполковник Гладышев.

— Доктора нет, — ответил Антон Бирюков.

Как раз в этот момент в дежурную часть заглянул круглолицый, с большими залысинами судебно-медицинский эксперт Борис Медников. Поправляя на плече ремень медицинской сумки, пробурчал:

— Чего, сыщики, телитесь? Я уже место в машине занял. Скоро поедем?

Подполковник чуть улыбнулся:

— Вот ловкач — из любого положения выход найдет. Поехали, товарищи, по пути надо еще понятия прихватить.

Плотно забитый оперативниками восьмиместный милицейский «уазик» недолго поколесил по окраинным улочкам райцентра и, оставляя позади разрастающийся шлейф густой пыли, вырвался на широкую щебеночную дорогу. По днищу машины забарабанили камешки. С обеих сторон дороги беспечно зеленели под утренним солнцем набирающие силу пшеничные поля. Кое-где среди них, как одинокие кораблики в безбрежном море, темнели приземистые березовые рощицы. Многоотное гу-



дение мотора убаюкивало. Уставший за бессонную ночь Борька Муранкин по-детски доверчиво прижался головой к плечу Бирюкова, закрыл глаза и глубоко засопел.

«Уазик», миновав колхозные поля, подкатил к густому лесу и нырнул в узкую, как ущелье, просеку. Стало сумрачно. Укрытая плотными кронами деревьев дорога была влажной от густой росы. Машина затряслась по корневищам, выступающим, словно ребра, из наезженной колеи. Очнувшийся Борька уставился полусонным взглядом в смотровое стекло.

— За этим лесом, мимо Рожневки, есть дорога к урочищу. По ней с километр надо проехать, — сказал он.

— Там, где Мошковский район начинается? — спросил подполковник Гладышев.

— Нет, кажется, в нашем районе.

Лес кончился неожиданно, и на взгорке показалось старинное село Рожневка. Заехав туда за понятиями и кое-как втиснув их в переполненный «уазик», свернул с наезженного большака на поросшую травой проселочную дорогу, дальний конец которой словно упирался в угрюмо чернеющее урочище. На опушке желтела большая туристическая палатка и тянулся к небу чуть приметный сизоватый дымок костра. Как только «уазик» подъехал к костру, его мигом обступили подростки. Оперативники друг за другом выбрались из машины. Мальчишки, увидев высокого сержанта с овчаркой на поводке, испуганно понялись.

— Чего оробели, добры молодцы? — отряхивая полы запылившегося пиджака, спросил прокурор. — Где ваша находка?

— Идемте, покажу, — раньше всех ответил Муранкин.

— Подожди, — остановил Борьку прокурор и повернулся к Онищенко. — Попробуй применить Барса...

Кинолог удлинил поводок. Барс, почувствовав свободу, вроде для разминки сделал небольшой круг и потянул сержанта к урочищу. За кинологом цепочкой двинулись остальные участники оперативной группы и понятиые — пожилая техника и председатель исполкома сельского Совета из Рожневки.

Случайно обнаруженные подростками «Жигули» утопали в густой высокой траве по самую крышу, будто автомашину загнали сюда специально, чтобы упрятать от людских глаз. Судя по тому, что в траве не было видно автомашинного следа, напрашивался вывод: со дня въезда «Жигулей» в урочище прошло, по крайней мере, не меньше недели. Путь, по которому проехала машина, можно было определить лишь по надломленным мо-

лодым деревьям. Из-за давности времени Барс, конечно, следа не взял. Покружив сержанта по урочищу, он припелся к машине и, словно извиняясь за свою беспомощность, понуро опустил голову.

— Управился, лучший друг человека, — с усмешкой глядя на собаку, сказал судмедэксперт Медников. — Иди понугай тетерева, пока мы здесь разбираемся.

Следователь Петр Лимакин и эксперт-криминалист Семенов принялись обследовать машину. Антон Бирюков тоже заглянул в открытую переднюю дверцу. На правой части сиденья чернело большое пятно засохшей крови. Несколько размазанных кровяных пятен темнели на правой передней дверце и на дверном стекле. Антон подошел к приоткрытому багажнику машины — там лежали измазанная землю штыковая лопата с коротким черенком, полиэтиленовое ведро и стальной буксировочный тросик. Окинув взглядом эти обычные шоферские принадлежности, Антон ногою пригнул траву и увидел номерной знак А 19—82 НБ. Машина была белого цвета. Судя по ориентировке УВД, принадлежала она таинственно исчезнувшему Геннадию Митрофановичу Зоркальцеву. Бирюков достал из кармана пиджака ориентировку и показал ее подполковнику Гладышеву. Тот нахмурил седые брови, быстро прочитал текст, порассматривал приклеенную фотографию и молча передал листок прокурору.

— Машина нашлась, но где же хозяин?.. — словно сам себя спросил прокурор. Повернувшись к кинологу, сказал: — Онищенко, заставляй Барса работать. Труп надо искать...

По требовательной команде кинолога Барс неохотно заводил носом, сунулся было к настороженно замершим поодаль подросткам, затем вернулся к машине и потянул проводника мимо надломленных деревцев к проселочной дороге, до которой было всего каких-нибудь пятнадцать — двадцать метров. Вскоре он возвратился, и оперативники поняли, что надежды на взятие собакой следа никакой нет.

Больше трех часов следственно-оперативная группа проработала в урочище, однако предполагаемый труп обнаружить так и не удалось, хотя, по утверждению судмедэксперта Медникова, при столь большой потере крови человек выжить не мог, если, конечно, ему не оказать своевременную помощь. Здесь же, в урочище, провели первое обсуждение создавшейся ситуации. Выводы оказались неутешительными. Более-менее уверенно можно было сделать всего одно предположение: потерпевшим явился человек, сидевший в машине рядом с водителем. Долго обсуждали вопрос: из-за чего машину загнали в урочище? Учитывая,

что топливный бак «Жигулей» наполовину был заполнен бензином, пришли к выводу: преступник не мог ликвидировать обильные следы крови и вынужден был упрятать автомобиль в лесу, рассчитывая, что в этой глухомани вряд ли кто в ближайшее время его обнаружит.

— Обратите внимание,— сказал понятым следователь Лимакин,— ключ зажигания оставлен в автомобиле. Это мы отразим в протоколе.

— Что-то сурьезное тут сотворилось,— тихо произнесла перепуганная женщина-понятая.

— Убийство — вот что,— ответил ей авторитетным тоном председатель сельисполкома.

Сразу по возвращении из Рожневского урочища Антон Бирюков созвонился с майором Шехватовым. Обнаруженная машина Зоркальцева заинтересовала начальника отдела областного управления уголовного розыска самым серьезным образом.

— Зеленой фетровой шляпы и коричневой куртки японской в машине не оказалось? — спросил Шехватов.

— Разве они там были? — в свою очередь задал вопрос Антон.

— Жена Зоркальцева утверждает, что были. Поэтому мы и в ориентировке указали.

— В коричневой куртке был угонщик «Лады» Тюленькина. К тому же темные очки...

— Нет, что-то здесь другое. Во-первых, Зоркальцев уже не в юношеском возрасте, во-вторых, татуировок у него никаких нет, да и угон машин — не его амплуа.

— Кто он, этот Зоркальцев?

— Инженер. Работал последнее время в конструкторском бюро одного из заводов. Недавно уволился. Личность довольно интересная, по телефону не расскажешь. Давай мы с тобой встретимся. Попроси криминалиста Семенова срочно сделать фотоснимки, если удалось что-то изъять на дактилопленку в зоркальцевской машине, и завтра выезжай с ними в управление. И группу крови надо определить.

— Зоркальцев не привлекался к уголовной ответственности?

— Нет, но его деяниями сейчас занимается областная прокуратура. Приедешь — узнаешь.

— По Вожегову нового ничего нет?

— Из Минска прислали фотографию. Вчера мы отправили вам. Пусть следователь проведет опознание по фото. И еще одна новость — ознакомься с телеграммой Тюменского УВД, она сегодня утром к вам в отдел должна была поступить.

На этом разговор с Шехватовым закончился. Бирюков прижал трубку к телефону и тут же на-

брал номер Голубева. Слава на вопрос Антона сказал, что телеграмма из Тюмени и фотография Савелия Вожегова в отдел поступили.

— Еще, Игнатъич, тебе пришло какое-то личное письмо из Новосибирска,— добавил он.— Принести?

— Неси.

Через минуту Голубев уже был в кабинете Бирюкова. Антон прочел телеграмму: «Начальникам горрайорганов внутренних дел, линейных отделов милиции. Ориентировочно между 5 и 8 числами июня ввиду острой сердечной недостаточности скончался сотрудник ведомственной охраны Колчин Демьян Леонтьевич 1927 года рождения, сопровождавший перевозимый по железной дороге гусеничный вездеход «Тюменьгеологии». Платформа с вездеходом отправилась от станции Минск в составе грузового поезда 3 июня. Труп обнаружен завернутым в брезент под вездеходом 12 июня, когда платформа прибыла в пункт назначения — на станцию Тюмень. У охранника похищен револьвер системы Нагана № 18910 выпуска 1939 года с семью боевыми патронами. При обнаружении указанного оружия просим незамедлительно информировать Управление уголовного розыска Тюменского УВД».

— Что, Славик, скажешь по этому поводу? — вторично перечитывая телеграмму, спросил Голубева Бирюков.

— Сегодня понедельник — день тяжелый,— скороговоркой ответил тот.

— Абстрактный ответ.

— Ну, если без абстракции, то незавидное происшествие досталось тюменскому розыску. Даже предположительно не знают, кто утащил у охранника наган.

— А станция Минск ничего тебе не подсказывает?

— Минск?.. — Голубев наморщил лоб. — Первого июня в Минске потерялся Савелий Вожегов... Третьего из Минска отправилась платформа с вездеходом, в пути следования неизвестный преступник утащил у охранника наган, а... одиннадцатого числа сего месяца какой-то сорвиголова с «Тремя богатырями» на могучей груди припугнул наганчиком гражданина Тюленькина и угнал его «Ладушку». Правильно мысля, товарищ начальник?

— Правильно,— Бирюков достал ориентировку на Зоркальцева.— А теперь, мыслитель, ознакомься вот с этим документом...

Голубев, пробежав взглядом текст, воскликнул:

— Оригинальное совпадение! Одиннадцатого июня утром из Новосибирска исчез гражданин Зоркальцев. Вечером того же дня у нас, в районе, совершено вооруженное нападение на Тю-

ленькина. У преступника были коричневая куртка, темные очки... Как сказал бы Боря Медников, черт те что и сбоку бантик. Предлагаю версию: Вожегов, завладев наганом, встретился в Новосибирске с Зоркальцевым...

— Дальше?

— Дальше, Игнатич, пока не знаю.

Бирюков отложил телеграмму и взгляделся в присланную майором Шехватовым фотографию Савелия Вожегова. Снимок был сделан без малейшей претензии на художественность. Со стандартного «фаса» смотрел коротко стриженный губастый подросток с удивительно добродушным лицом. За время работы в уголовном розыске Антону доводилось в процессе расследования встречаться с убийцами. Стараясь выявить мотивы, побудившие людей на крайне тяжкое преступление, Антон каждый раз при таких встречах пристально изучал лица подследственных. В большинстве случаев это были угрюмые морды дремучих дегенератов или безнадежно опустившихся алкоголиков. Иногда, правда, попадались убийцы интеллигентного вида, однако и на их лощеных физиономиях природа оставляла своеобразную печать, подсказывающую, что этот «интеллигент» способен на любую подлость.

Решив проверить возникшее предположение, Бирюков повернул фото к Голубеву:

— Как думаешь, может такой губошлеп убить человека?

— Нет, по-моему. Разве только непреднамеренно, по чепухе случайности, — после некоторого раздумья ответил Голубев и показал Бирюкову ориентировку с фотографией Зоркальцева. — Вот этот, судя по портрету, в экстремальных условиях может наломать дров. Посмотри на прищур глаз, на ухмылочку — они криком кричат: «Я — супермен!»

— Надо, Слава, переговорить со следователем, чтобы он пригласил Тюленькина и провел опознание по этим фото. Я завтра уеду в областное управление, поэтому результат немедленно сообщи Шехватову по телефону.

— Бу-сделано! — отчеканил Слава. — Личное письмо почему не читаешь?

Бирюков только теперь обратил внимание на адресованный ему конверт с припиской: «Лично». Письмо было написано на двух тетрадных листках в клеточку крупным четким почерком, каким обычно пишут учителя начальных классов:

«Дорогой Антон! Помнишь ли ты свою односельчанку и одноклассницу Галину Терехину? Кажется, совсем недавно мы с тобой встречались в нашей родной Березовке, а вот уже, оказывается, пошел седьмой год, как я перевелась из сельской школы и теперь учительствую в Новосиби-

ске. Не удивляйся, что мне понадобилось тебе написать.

Произошел ужасный случай с одним из моих хороших знакомых, и я невольно вспомнила о тебе — сотруднике уголовного розыска. Из уважения к этому человеку не хотелось бы приводить некоторые подробности, но все-таки нахожу нужным их сообщить — на случай, если ты займешься этой историей; и благодаря твоему опыту и таланту (может быть!) прольется свет на очень темное, запуганное дело. Уже вторую неделю изводятся от горя родственники, обращаются ко всем знакомым, надеясь узнать что-то новое. Возле каждого из отделов милиции в Новосибирске расклеены листовки с портретом: «Разыскивается человек... Кто знает, просим сообщить...»

А случилось — хуже не придумаешь. 11 июня Геннадий Митрофанович Зоркальцев уехал из дому, сказав жене «ненадолго», на своей машине и до сих пор не вернулся. Красивый мужчина, нашего с тобой возраста — за 30 лет. Брюнет, худощав, лицо несколько южного типа. Умен, культурен, немного скептик и насмешник. Работал инженером, был на прекрасном счету. За несколько дней до исчезновения уволился и никуда не пошел. Жена — блондинка, умна, обаятельна. Зовут Таней. Работает в геологическом тресте. Детей нет. Жили вдвоем. Квартира в центре города, отлично меблированная и обставлена антикварными редкостями, со вкусом отделанная поистине золотыми руками Геннадия Митрофановича. Доказательство его мастерских рук еще — роскошная дача с великолепным камином, спроектированным самим Зоркальцевым, — гордость его, которую он любил всем показывать.

В квартире я была, а на дачу, жалею, не съездила. Незадолго до увольнения Гены с работы дача сгорела. Пожар произошел наподобие взрыва. В результате — ничего не осталось. После этого среди знакомых поползли какие-то смутные предположения, будто дачу и машину грозился уничтожить некто Фарфоров Вадим, жена которого вроде бы когда-то была любовницей Зоркальцева, хотя все мы знали Гену как человека, женщиной не увлекающегося. И опять же: угрозы угрозами, а с другой стороны, Фарфоров — человек бесспорно добропорядочный, и очень трудно поверить, чтобы он занялся разбойными делами, тем более что жены его уже около года нет в живых (к чему запоздалая месть?). Подробностей ее смерти не знаю. Слышала, будто она где-то утонула. Фарфоров теперь живет холостяком, замкнуто. Работает в геологическом тресте начальником отдела. Таня, жена Зоркальцева, у него в подчинении.

Вопросов, Антон, много. Например, кто под-

жег зоркальцевскую дачу? Из каких соображений этот пожар учинен? Почему Зоркальцев так спешно уволился с завода и последнее время нигде не работал? Какие и с кем у него были связи? Откуда имел средства? Жил Гена более чем явно не по средствам... Пока известно одно: человека нет...

Антон! Возможно, я сообщила тебе банальность. Я в этом мало разбираюсь. Ну, тогда извини. Хотелось бы с тобой увидеться и переговорить подробно. Будешь в Новосибирске — непременно заходи. Адрес мой указан на конверте. С уважением Галина Терехина.

Бирюков протянул письмо Голубеву:

— Прочти, Слава. Кажется, один из наших старых знакомых в дело влетает...

ГЛАВА 4.

Бирюков отлично помнил тридцатилетнего бородатого геолога Вадима Алексеевича Фарфорова, юная жена которого — Ирина Крыловецкая — довольно загадочно утонула в небольшом, заросшем кувшинками озере. Происшествие случилось прошлым летом в райцентре. Из первоначальных версий наиболее убедительно складывалась версия — убийство на почве ревности. Антону Бирюкову со следователем прокуратуры Петром Лимакиным пришлось тогда затратить немало сил, чтобы выявить истину и установить невиновность Фарфорова. Тщательно проведенное расследование показало, что пьяную Ирину Крыловецкую столкнул по неосторожности в озеро молоденький мастер спорта Вася Цветков, с которым Ирина приехала «крутить любовь» из Новосибирска в райцентр к своей подруге такого же легкого поведения, как и она сама. Много пришлось поработать при раскрытии этого происшествия и Славе Голубеву. Поэтому, прочитав письмо Терехиной, Слава тоже вспомнил не столь давнюю трагедию. Он посмотрел на Антона и многозначительно сказал:

— Вот, Игнатич, когда вырвалась наружу ревность Фарфорова.

— Сомневаюсь, — возразил Антон. — Вадим Алексеевич не из тех людей, которые способны на месть...

Утром следующего дня Бирюков выехал в Новосибирск. Электричка резво постукивала на стыках рельсов. Мимо мелькали выстроенные рядом вдоль железнодорожного полотна молодые березки, за ними лениво тянулись залитые ярким солнцем изумрудно-зеленые поля. Глядя в окно, Антон перебирал в памяти последние события. Выводы складывались неутешительные. Случай уго-

на «Лады» Тюленькина, казавшийся поначалу ухарским поступком безрассудного уголовника, теперь, в связи с обнаружением неподалеку от райцентра автомашины таинственно пропавшего инженера Зоркальцева, невольно наводила на мысль: а не связаны ли эти разрозненные факты между собою?..

Эксперту-криминалисту Семенову удалось обнаружить в зоркальцевских «Жигулях» больше десятка отпечатков пальцев, вполне пригодных для идентификации. Все они были с так называемым «петлевым» узором и, похоже, принадлежали одному человеку — может быть, самому Зоркальцеву. Лишь на единственный отпечаток большого пальца, обнаруженный возле ручки с наружной стороны передней правой дверцы «Жигулей», Антон возлагал надежду. Папиллярные линии этого отпечатка располагались по дуговому узору, встречающемуся очень редко. И опять же надежда была хрупкой. Отпечаток мог принадлежать случайному человеку. Допустим, к сидящему в машине Зоркальцеву кто-то подошел, открыл дверцу, чтобы поговорить. И только.

Кровь, обнаруженная в машине, по заключениям экспертизы, принадлежала человеку, относилась к первой группе и имела положительный резус-фактор...

Долгое время мысли крутились вокруг минчина Савелия Вожегова. Вопрос возникал за вопросом. Есть ли какая связь между Вожеговым и смертью охранника Колчина, сопровождавшего по железной дороге вездеход тюменских геологов? Допустим, наган с боевыми патронами похитил Вожегов, но... Что побудило Вожегова ехать из Белоруссии в далекую Сибирь? Не был ли Вожегов раньше знаком с Зоркальцевым? Где, на какой почве пересекались их пути?.. Предположим иное: они встретились в Новосибирске случайно. Что между ними произошло? Куда они ехали? Если в райцентр, то с какой целью? Почему в машине кровь? Убийство?.. Кто кого убил: Вожегов Зоркальцева или Зоркальцев Вожегова?.. Куда делся труп?..

За размышлением Антон не заметил, как пролетело время.

В прохладном вестибюле управления внутренних дел Бирюков предъявил козырнувшему постовому сержанту удостоверение личности и по широкой лестнице поднялся на третий этаж. Начальник отдела розыска Шехватов находился в своем кабинете. Моложаво подтянутый, ростом и шириной плеч под стать Бирюкову, он дружески пожал ему руку.

Антон достал из внутреннего кармана штатского пиджака заключение экспертизы по крови и увеличенные фоторепродукции отпечатков паль-

цев. Шехватов сосредоточенно прочитал заключение. Вздыхнув, поднял глаза на Антона:

— Группа совпадает, резус-фактор не тот. Здесь — положительный, а у Вожегова — отрицательный.

— У Зоркальцева какая кровь? — спросил Антон.

— Нет по Зоркальцеву данных. Геннадий Митрофанович не обременял больницы и поликлиники своим посещением — здоровье отменное.

— Неужели все-таки Вожегов?

— Кто его знает...

Шехватов, нахмурясь, принялся рассматривать фоторепродукции с папиллярными узорами. Внезапно его лицо оживилось. Он показал Антону фотоснимок с дуговым узором:

— Вот, кажется, находка! Помнишь, я говорил о нападении на таксиста? Так вот, на том такси чуть не вся левая ладонь с дуговыми пальчиками отпечаталась.

— Не Вожегов?..

— Нет, не его. Запросили главный информцентр МВД. Завтра-послезавтра должен поступить ответ. Вдруг повезет...

— На этот счет шоферская присказка есть: кто возит, а кому везет. — Антон невесело улыбнулся. — Нам-то, Виктор Федорович, большей частью возить приходится.

— Что поделаешь — работа наша такая, — спокойно сказал Шехватов и сразу спросил: — Какую версию наметил?

— На версии у нас Слава Голубев горазд — с ходу сочиняет. У меня с этим делом труднее. В электричке, пока ехал сюда, вроде бы «вышел» на Вожегова. Теперь, чувствую, кто-то другой с наганом колобродит. Кстати, от чего смерть охранника Колчина наступила?

— По заключению медиков, Колчин умер от острой сердечной недостаточности. И родственники подтверждают, что сердце у него давно барахлило. На нитроглицерине мужик держался. В пути, видимо, таблетки кончились — в кармане гимнастерки обнаружена пустая упаковка...

— Ну, а по нагану какая версия?

— Никакой. Есть только предположение: с Колчиным ехал кто-то курящий. Несколько окурков на платформе обнаружено, а сам Колчин никогда не курил.

— Опять я возвращаюсь к Вожегову. Нового о нем ничего нет?

— Нет.

Бирюков достал из кармана письмо Терехиной и передал его Шехватову.

— Прочитай, Виктор Федорович, что моя соклассница пишет.

Шехватов неторопливо прочитал, задумался.

Затем вложил письмо в конверт и, возвращая Бирюкову, сказал:

— Информация, в общем, объективная. Ты помнишь Фарфорова? Жена его, Ира Крыловецкая, у вас, в райцентре, утонула.

— Крыловецкую в живых я ни разу не видел, а с Фарфоровым, когда разбирались, дважды встречался.

— Лелю Кудряшкину не забыл?

Бирюков напряг память.

— Тоже старая знакомая. Подруга Крыловецкой, свидетельницей тогда по делу проходила. Пышногрудая высокая девица с размаляванным лицом?..

— Правильно. Так вот, Фарфоров утверждает, что недавно Кудряшкина показывала ему серебряный перстень с бирюзой, принадлежавший якобы Зоркальцеву.

— Какая связь между Фарфоровым и Зоркальцевым?

— Относительная. Фарфоров работает вместе с женой Зоркальцева. Несколько раз выезжали компанией на природу. Инициатором этих выездов была Крыловецкая. Вероятно, Зоркальцев флиртовал с Ириной. Хотя твоя соклассница и знает его как человека, женщинами не увлекающегося, но факты говорят обратное: Геннадий Митрофанович любил показывать молоденьким бездельницам свою «роскошную дачу с великолепным камином», которая так блистательно сгорела.

— Причину пожара установили?

— Умышленный поджог. Однако виновник пока не известен.

— Фарфоров действительно угрожал поджогом?

— Сам Вадим Алексеевич категорически это отрицает, но слухок такой витает среди знакомых Зоркальцева. По-моему, исходит он от Кудряшкиной. Я не случайно пригласил тебя в Новосибирск. Повстречайся со своими старыми знакомыми, побеседуй обстоятельно. Адрес у Фарфорова прежний. Кудряшкина тоже живет все там же, только в пустой квартире, поскольку ее сожителя — книжного спекулянта — суд приговорил к пяти годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Антон усмехнулся:

— Не везет Леле в жизни. Каким образом она познакомилась с Зоркальцевым?

— Через Крыловецкую. Тоже на роскошной даче у камина грелась.

— Моя бывшая соклассница какое отношение к этой теплой компании имеет?

— Придется самому выяснять. В имеющейся у нас информации Галина Терехина не упоминается. А вот о Зоркальцеве многое можешь узнать

у следователя областной прокуратуры Наташи Маковкиной. Знаешь такую?

— Конечно! Когда я работал здесь старшим оперуполномоченным угрозыска, Наташа после института вела первое в своей жизни следствие. В раскрытии того преступления мне довелось сыграть сольную скрипку. Любопытно, как она теперь выглядит, сильно изменилась?

— Все такая же, молодая и красивая, — с улыбкой сказал Шехватов. — Советую повидаться с ней в первую очередь.

— Спасибо, непременно повидаюсь, — тоже улыбнулся Антон.

ГЛАВА 5.

В светлом просторном здании областной прокуратуры было малоллюдно и тихо. Бирюков окинул взглядом насупленно-сосредоточенных посетителей, которые пришли сюда явно не с радостью, и, поематривая на дверные таблички, запагал вдоль длинного коридора. Возле двери с табличкой «Следователь Н. М. Маковкина» он остановился, поднял было руку, чтобы постучать, но дверь внезапно распахнулась. Из кабинета, обдав Антона терпким запахом духов, сердито вышла полная раскрасневшаяся женщина с длинным, словно у утки, носом. Даже не взглянув на отступившего в сторону Бирюкова, она шумно высморкалась в скомканный носовой платок, рывком поправила на плече ремень хозяйственной сумки и по-солдатски широким шагом гулко заступала по коридору каблуками массивных туфель.

Антон вошел в стандартно обставленный следовательский кабинет. За небольшим канцелярским столом, возле металлического сейфа, вполоборота к окну задумчиво сидела Маковкина, в темно-синем форменном костюме похожая вовсе не на следователя прокуратуры, а скорее на милую видную белокурую стюардессу. Повернувшись к неожиданно вошедшему Бирюкову, она не то удивилась, не то обрадовалась:

— Антон Игнатьевич?.. Наконец-то появились!

— Почему, Наталья Михайловна, наконец-то? Невольно к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила, — шутливо продекламировал Бирюков и поздоровался.

— Здравствуйте, — ответила Маковкина. Она поднялась, глядя на высокого Бирюкова снизу вверх, подала ему руку, улыбочиво прищурила слегка подведенные глаза и уже с нескрываемой радостью сказала: — Садитесь, пожалуйста. Я давно вас жду. Жаль, что не пришли на полчаса рань-

ше — послушали бы неприятный разговор с весьма неприятной дамой.

— С той, которая чуть было не растоптала меня перед дверью? — усаживаясь на стул, спросил Бирюков. — Очень невоспитанная тетья.

— Людмила Егоровна Харочкина не тетья, а родная мамочка потерпевшей, — Маковкина, стараясь не помять юбку, осторожно села на свое место. — Шехватов мне звонил, сказал, что вы будете участвовать в розыске Зоркальцева.

— Что этот Зоркальцев натворил?

— Признаться, дело очень туманное. Дочь Харочкиных Анжелика в прошлом году закончила школу. Говорит, утомилась. Заботливые родители разрешили единственной дочери, которая, кстати сказать, несмотря на свои неполные восемнадцать лет, по комплекции уже догоняет мамочку, годик отдохнуть. Чтобы доченька не забыла школьный курс математики и физики, за четыреста рублей наняли в репетиторы инженера Зоркальцева. Поначалу репетиторство проходило раз в неделю у Харочкиных дома. С весны же Зоркальцев перенес занятия к себе на дачу. Финал — мамочка обратилась в прокуратуру с письменной жалобой, как она говорит, на коварного репетитора, — Маковкина достала из сейфа тонкую бумажную папку, порылась в ней и подала Бирюкову один из протоколов допроса. — Вот показания потерпевшей...

Антон быстро пробежал взглядом анкетные данные и внимательно стал читать показания Анжелики Евгеньевны Харочкиной:

«В самом начале апреля, число точно не помню, Геннадий Митрофанович Зоркальцев предложил мне позаниматься математикой у него на даче, которая находится недалеко от Новосибирска. День был теплый, солнечный. Поэтому я охотно согласилась. Поехали мы туда в его автомашине. По пути остановились на Красном проспекте, у гастронома под часами. Зоркальцев сходил в гастроном, купил там две бутылки пятизвездочного грузинского коньяка и килограмм шоколадных конфет. Для чего это куплено, он мне не говорил. Когда приехали на дачу, Зоркальцев первым делом зажег камин. Мы подождали, пока в даче нагреется, и стали заниматься математикой. Возможно, через час или чуть поменьше я устала, попросила сделать перерыв. Зоркальцев сказал, что на сегодня занятий достаточно, а уж если отдыхать, то с музыкой. Он сходил к машине, принес оттуда японский транзистор, обе бутылки купленного коньяка и стал предлагать мне выпить с ним за компанию. Я не хотела пить, но Геннадий Митрофанович настойчиво убеждал, что ничего страшного от одной рюмочки не будет. Первую рюмку он заставил меня выпить через силу. Потом сразу налил еще. Я хотела отказаться, но

опять не смогла. После второй рюмки мне стало все безразлично. Сколько всего рюмок выпила, точно не помню, но опьянела так, что не могла держаться на ногах. Хорошо запомнила лишь то, как Зоркальцев уложил меня в постель. Я закричала, а он припугнул: «Молчи, а то хуже будет». Дальше ничего не помню. Очнувшись уже вечером, от холода. Все тело и голову ломило от боли, а на руках виднелись синяки. Зоркальцев, в рубашке и джинсах, сидел у камина. Я спросила: «Что вы со мной сделали?» Он ответил: «Ничего». — «А почему я в постели?» Он засмеялся: «Ну, Анжела, ты — юмористка из кулинарного техникума. Где же, как не в постели, тебе быть после бутылки коньяка». Я, конечно, маме об этом ничего не сказала, побоялась. В начале июня я заболела — стало сильно тошнить. Мама заметила болезнь и сразу повела к врачу. Когда врач сказал, что я беременна, пришлось рассказать родителям правду. Теперь понимаю, мне ни под каким предлогом не следовало так сильно напиваться, но я ведь не думала, что Зоркальцев спаивает умышленно, чтобы воспользоваться моим беспомощным состоянием. Всего мы с Зоркальцевым ездили к нему на дачу три или четыре раза, точно не помню. Больше там не выпивали, и Зоркальцев ко мне не приставал».

Закончив чтение, Бирюков покачал головой:

— По-моему, эта преподобная Анжелика Евгеньевна в неполные восемнадцать лет успела пройти огни, воды и медные трубы.

Маковкина утвердительно кивнула.

— Очень развязная девица. Давая такие показания, не покраснела, не смутилась. Поговорила я с ней о жизни, не для протокола. Оказывается, курит и «слегка» употребляет спиртные напитки с четырнадцати лет. Первый раз «влюбилась» в какого-то ресторанного официанта — в пятнадцать или шестнадцать, точно не помнит. На языке — сплошные «Чинзано», «Кэмэл», «Супер Райфл», «Бони М» и так далее. Всею импортному знает цену: и вино, и сигаретам, и джинсам, и грампластинкам. Когда же речь заходит об отечественном, кривится в презрительной ухмылке. Совершенно не имеет представления о стоимости хлеба, сахара, молока. Спрашиваю: «Неужели ты их никогда не покупала?» Жмет плечами: «Покупала, а сдачу не пересчитывала». — «Как же дальше жить думаешь?» — «Как получится...» — Маковкина показала взглядом на протокол. — Если бы не беременность, случай на даче Зоркальцева стал бы для нее проходным эпизодом и канул бы в Лету.

Бирюков задумался:

— Мне кажется, Зоркальцев всего-навсего — козел отпущения. Сам-то он что говорит?

— У него другая трактовка. Во-первых, коньяк в гастрономе под часами покупала Анжелика, и не две бутылки, а одну. Причем Зоркальцев даже не знал, зачем Анжелика заходила в гастроном, так как купленную бутылку она спрятала в свою сумку и достала ее оттуда уже на даче, когда сделала перерыв в занятиях. Выпить предложила сама, дескать, за ее день рождения, то есть за совершеннолетие.

Бирюков заглянул в протокол допроса:

— Если верить записанным здесь паспортным данным, совершеннолетие Анжелики Евгеньевны наступит лишь тринадцатого августа.

— Зоркальцев утверждает, что будто не знал об этом... — Маковкина помолчала. — Во-вторых, он утверждает, что разрешил Анжелике выпить всего одну рюмочку. Сам тоже пару глотков выпил, после чего оставил Анжелику и пошел осматривать сад. Вернулся примерно через час. Бутылка коньяка была пустой, а опьяневшая Анжелика спала, навалившись грудью на стол. Зоркальцев взял ее на руки и понес к кровати. При этом Анжелика обхватила его за шею...

— Значит, Геннадий Митрофанович отрицает умышленное спаивание несовершеннолетней и насилье?

— Не только это, но и вообще всяческую близость с Анжеликой отрицает. На очной ставке стороны остались, как говорится, при своем мнении, а вскоре завертелась загадочная карусель... Шестого июня у Зоркальцева сгорела дача, восьмого — он уволился с работы, десятого — сделал в центральной сберкассе, где хранил свои сбережения, заявку на семь тысяч рублей, одиннадцатого — снял со счета эту сумму и в тот же день исчез из Новосибирска. Ни жена, ни товарищи по работе, ни знакомые — никто ничего не может объяснить.

— Зоркальцев, насколько мне известно, работал на заводе, — заговорил Антон. — Как он пристроился к Харочкиным в репетиторы? Обычно приглашают преподавателей.

— Геннадий Митрофанович, надо отдать должное, умный человек. Имеет два вузовских диплома, оба — с отличием. После пединститута десять лет преподавал в средней школе математику и физику. Одновременно учился на вечернем факультете электротехнического института. Получив диплом инженера, ушел из школы на завод.

— Там больше заработок?

— Наоборот. В конструкторском бюро Зоркальцев занимал невысокую должность и получал меньше, чем в школе. Но на этой должности у Геннадия Митрофановича было значительно больше возможностей заниматься репетиторством. Нынче, например, как удалось выяснить, он ре-



петировал десятерых недоучек и получил с родителей каждого по четыреста рублей.

— Ничего себе! А я размышляю: откуда дача, машина, семь тысяч в сберкассе?..

— Семь — это он только снял. Восемнадцать с половиной — осталось.

Бирюков присвистнул:

— При таких бережениях не одним репетиторством пахнет. Были, видно, деловые связи.

— У Зоркальцева таких связей — бессчетное множество.

— Кто порекомендовал его в репетиторы Харочкиным?

— Их квартирная соседка, Леля Кудряшкина. В остальных девяти выявленных случаях рекомендации были от бывших коллег Геннадия Митрофановича по школе и от родителей, дети которых после его репетиторства поступили в институты.

— Законным путем или, так сказать, с помощью?..

— Зоркальцев добросовестно натаскивал своих подопечных к приемным экзаменам, но никаких гарантий не давал.

— Взятки, значит, отпадают. Сведение счетов на этой почве — тоже. Какой же злодей и из каких побуждений спалил дачу Зоркальцева? Кстати, что за взрыв в пожаре случился?

— Камин на даче отапливался от газового баллона, который, разумеется, взорвался. Свидетели, видевшие пожар, утверждают, что дача вспыхнула враз, будто облитая бензином. На пепелище была найдена обгоревшая металлическая канистра. Среди знакомых Зоркальцева распространился слух, вроде бы поджог устроил некто Фарфоров. Эта версия не подтверждается. Когда случился пожар, Фарфорова в Новосибирске не было.

— Женщинами Зоркальцев увлекался?

— Знакомые утверждают, что нет, но соседи по даче много раз видели его с молодыми поклонницами. Даже целые компании туда приезжали. И музыку крутили, и спиртное распивали.

— Жена Зоркальцева знает об этом?

— Татьяна Петровна о муже говорит только хорошее.

— А зачем Зоркальцев взял в сберкассе семь тысяч?

— Татьяна Петровна утверждает, что ни сном ни духом об этом не ведает. — Маковкина поправила ладонью прическу. — Мне не дает покоя мысль: не пытается ли Зоркальцев скрыться от ответственности?..

— Если Геннадий Митрофанович действительно умный человек, — сказал Бирюков, подумав, — то он без труда мог сообразить, что скрываться от правосудия — занятие бесперспективное. Знаешь, где его машина обнаружена?

— Знаю и не могу понять, что занесло Зоркальцева в ваш район... В общем, дело страшно запуталось. В придачу ко всему, Людмила Егоровна Харочкина вдруг повела себя неузнаваемо. Думаете, зачем она сегодня приходила? Потребовала назад свою жалобу.

Бирюков откинулся на спинку стула.

— Любопытно...

— Очень. Говорит, написала сгоряча. Я, конечно, ответила, что подобные дела за примирением сторон или по желанию потерпевшей прекращению не подлежат. Ох, как вспыхнула при этом Харочкина! Чего только не наговорила?! К слову, какой, думаете, ее возраст?..

— К вопросу о возрасте есть шутка: «Следователь посмотрел на заведующую магазином и понял, что ей можно дать столько лет, на сколько она выглядит».

Маковкина улыбнулась:

— А если без шуток?

— Судя по внешности... Ближе к пятидесяти.

— Вот и ошиблись! Тридцати пяти еще нет.

— Во сколько же годиков она обзавелась Анжеликой?

— В семнадцать.

— Значит, дочь не так отстала от мамочки. Что за семья?

— Родители Анжелики — люди практичные. Людмила Егоровна заведует приемным пунктом макулатуры в обмен на книжные талоны. Евгений Евгеньевич — скромный завхоз овощной базы. В отличие от супруги, неприметный лысый человек.

— Хорошо живут?

— Между собою как кошка с собакой, а в материальном смысле — неплохо. Собственную автомашину «Нива» имеют.

— На какой же ниве они такие богатые плоды собирают?

Маковкина пожала плечами:

— Сама порой удивляюсь, из каких только источников некоторые люди не умудряются извлекать нетрудовые доходы. Однако сегодняшняя задача — не с доходами Харочкиных разбираться. Надо срочно найти Зоркальцева.

— Задача ясная, хотя и со многими неизвестными, — словно уточняя, проговорил Бирюков. — Придется идти по кругу знакомых Геннадия Митрофановича и суживать этот круг до минимума.

ГЛАВА 6.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга: плечистый, чуть не в ширину дверного проема, Антон Бирюков и невысокая полденькая

Галина Терехина. Будто не веря своим глазам, она всплеснула руками:

— Антошка! Великан! Ты ли это? — И, приподнявшись на цыпочки, еле-еле дотянулась губами до его щеки.

Бирюков подхватил бывшую соклассницу под мышки, легко поднял ее на вытянутых руках перед собою и тоже поцеловал в щеку.

— Здравствуй, Галка! Это — я.

— Получил мое письмо? Ой, проходи в комнату! Хорошо, что приехал! Представь себе, вчерашним вечером видела Танечку Зоркальцеву — она убита горем! Если, не дай бог, с Геней случилось что-то серьезное, Танечка не перенесет... Представь, она по-настоящему любит Гену. Такой ужасный кошмар!..

Бирюков улыбнулся.

— Галочка, ты сейчас — вылитая Трындычиха из «Свадьбы в Малиновке».

— Извини, Антон, я потрясена трагедией Зоркальцевых, — Терехина провела Бирюкова в комнату со скромной обстановкой, усадила на диван и, присаживаясь рядом, спросила: — Что нового в нашей родной Березовке, в районе?

— Березовка — на прежнем месте. Недавно новый Дворец культуры отгрохали — с паркетом и люстрами, словно в оперном театре. Ну, а районные новости... враз не перескажешь.

— Сам-то как живешь? Все еще не женился?

— Работы много, некогда невесту подыскать, — с улыбкой ответил Антон. — У тебя какие успехи на семейном фронте?

— Мой «семейный фронт» давно развалился.

— Почему?

Терехина махнула рукой.

— Как теперь модно говорить, не сошлись характерами. Замуж выходила за Володю Милосердова. Вместе учились в пединституте. Я — на филфаке, Милосердов — на инязе. Прекрасный парень был, умница. Когда женились, он работал переводчиком в «Интуристе», постоянно общался с иностранцами и, представь, отъявленным фарцовщиком сдelaлся. Какой только заморской дряни в дом не тащил! Джинсы, рубашки, подтяжки, жевательную резинку, сигареты и даже пустые бутылки с импортными наклейками. После, как прожженный барыга, продавал эту дребедень в тридорога. Не поверишь, квартира наша была похожа на комиссионный магазин или, точнее, на контррабандный притон, где постоянно толклись какие-то сомнительные типы. Знал бы ты, сколько я уговаривала Володю прекратить этот идиотский бизнес... Ничего не помогло. В конце концов он обозвал меня дурой-идеалисткой, сложил в чемодан свои импортные тряпки и ушел. Как я и предполагала, темные делишки для него добром не кон-

чились. Вскоре после нашего развода Милосердова выгнали из «Интуриста». Теперь работает официантом то ли в «Садко», то ли в «Орбите». В прошлом году приходил мириться, но получил от ворот поворот. Представь себе хоть на минутку: у меня, учительницы, муж — официант.. Позорище!

— Говорят, не место красит человека...

— Правильно говорят, если это касается умных, порядочных людей, Милосердов же, как я убедилась, окончательно потерял совесть. Его нынешняя цель — иметь, кроме зарплаты, не меньше тридцати рублей каждый вечер. Скажи, Антон, положи руку на сердце, разве порядочный человек с высшим образованием, владеющий французским, английским и немецким языками, станет по-холоуйски гнуть спину и унижаться перед ресторанными гуляками ради чаевых?

— Каждый по-своему с ума сходит, — отшутился Бирюков.

— Жалко ведь таких «сумасшедших»... Извини, Антон, я опять вернусь к трагедии Зоркальцевых, — внезапно сказала Терехина. — Милосердов, конечно, не успел раскрыться как личность. Сразу после института Володя нашел теплое местечко, стал ловчить и обогащаться, а Зоркальцев — другой человек. Я с ним в одной школе работала. Лучшего математика и физика у нас не было. Представь себе, трое из его учеников уже стали кандидатами наук. Не преувеличиваю, даже откровенных лентяев и тупиц Гена умел научить своим предметам. И вот такой способный педагог бросил преподавательскую работу и ушел на завод, где вынужден был подрабатывать репетиторством. Когда писала тебе письмо, я не знала об этом. Вчера Танечка — жена Зоркальцева — рассказала, что у Геня не было ни минуты свободной. Представляешь, он вынужден был даже возить репетируемых к себе на дачу. Давал им там задания, а сам ухаживал за дачным садом и прибирал участок.

— А за девочками не ухаживал на даче?

— Антон! Гену можно подозревать в каких угодно смертных грехах, только не в этом. Более гармоничной семьи, чем у Зоркальцевых, я не встречала, — Терехина вдруг спохватилась. — Извини, ради бога! Обеденное время давно миновало, а я так обрадовалась твоему появлению, что даже не спросила: ты голоден?

— Если предложишь стакан чая, не откажусь.

Дальнейший разговор продолжался за обеденным столом. Побочными вопросами Бирюков острожно выяснил: о конфликте Зоркальцева с Харочкиными Терехина ничего не знает. Не знала она и от кого исходит слух, будто дачу Зоркальцевых поджег Вадим Фарфоров, а о том, что знакомые поговаривают о Фарфорове, Терехиной ска-

зала жена Зоркальцева. При этом Танечка сразу оговорила, что это чистойшей воды вымысел, поскольку, мол, Вадим Алексеевич — в высшей степени человек порядочный. На всякий случай Антон поинтересовался Лелей Кудряшкиной и неожиданно для себя узнал, что Леля была постоянной «клиенткой» Милосердова, когда тот спекулировал импортными вещами.

За разговором незаметно подкрался вечер. В седьмом часу Бирюков попрощался с бывшей соклассницей и, перехватив попутное такси, доехал до магазина «Хрустальный башмачок», рядом с которым в сером многоэтажном доме по улице Гурьевской жил геолог Фарфоров.

Дверь открыл невысокий хмурый мужчина с окладистой, как у Хемингуэя, бородой. Наморщив широкий обветренный лоб, он смерил рослого Бирюкова пристальным взглядом бесцветных глаз и шевельнул сутулыми плечами, как будто поправил за спиной тяжелый рюкзак.

— Здравствуйте, Вадим Алексеевич, — сказал Антон, отметив про себя, что за прошедшее время Фарфоров внешне несколько не изменился и даже его привычка подергивать плечами сохранилась.

— Здравствуйте... — глуховатым голосом ответил геолог. — Товарищ Бирюков?..

— Он самый. Не забыли?

— Разве можно забыть незабываемое.

Плечи Фарфорова опять дернулись. Он еще больше нахмурился, однако тут же предложил Бирюкову войти в уже знакомую квартиру. Все здесь было по-прежнему: сразу бросающийся в глаза оригинально устроенный из прозрачно-слюдецистых кирпичиков камин и великое множество разноцветных камней.

Фарфоров вялым жестом, как и в тот раз, когда Бирюков приезжал выяснять мотивы смерти его жены, показал на одно из кресел:

— Садитесь, пожалуйста, — и по этикету хозяина первым опустился в кресло напротив.

— Вадим Алексеевич, вероятно, вы догадываетесь о причине, которая вновь привела меня к вам, — начал издалека Антон.

— Странное исчезновение Зоркальцева?..

— Да.

Фарфоров скосил в сторону усталые глаза.

— Со мной уже беседовали в областном уголовном розыске. К тому, что рассказал там, добавить нечего.

— Надо кое-что уточнить. Вы давно знакомы с Зоркальцевым?

— Достаточно. Десять лет работаю с его женой в одном отделе. Было даже, что мы дружили семьями.

— Осложнения в этой дружбе не возникали?

Лицо Фарфорова болезненно поморщилось:

— Имеете в виду слухи об ухаживании Геннадия за Ириной?

— Они беспочвенны? — вместо ответа снова спросил Антон.

— Полностью. Почему?.. Зоркальцев не бабник. Он до мозга костей практичный человек, любитель устанавливать надежные деловые связи. Через Ирину Геннадий хотел завести дружбу с ее мамой, Аллой Константиновной, которая завелует солидным магазином, где часто бывают в продаже дефицитные импортные товары. Иными словами, ему хотелось без лишних затруднений отовариваться импортом. Алла Константиновна от дружбы такой уклонилась. Зоркальцев мгновенно перестал оказывать Ирине любезности и приглашать ее на свою роскошную дачу.

— Часто Ирина туда ездила?

— Нет, всего два или три раза.

— А других женщин Зоркальцев на дачу привозил?

— Только тех, которые чем-то ему были полезны.

— Какую пользу оказывала Зоркальцеву Леля Кудряшкина?

— Она сожительствовала с каким-то книжным спекулянтом и помогала Геннадию доставать дефицитные книги.

— Он книголюб?

— Не сказал бы. Мода теперь такая.

— Лично вы у Зоркальцева на даче бывали?

— Относительно.

— Не понял...

Фарфоров зажал в кулак бороду.

— Не поджигал я эту проклятую дачу. Поверьте, не поджигал!

— Вполне, Вадим Алексеевич, верю, — успокаивающим тоном сказал Бирюков. — Тем более, алиби ваше доказано.

— Тогда к чему подобный вопрос?

— Пытаюсь выяснить, кто распустил о вас слухи и с какой целью.

— Какая цель! Обыватели порою строят такие догадки, что уму не постижимо. Кто-то болтул обо мне без злого умысла, а другие подхватили.

— А если все-таки «болтули» с умыслом, чтобы, скажем, отвести подозрение от действительного преступника?

— Не знаю, не знаю... — Фарфоров по-стариковски ссутулился. — Я уже высказывал в уголовном розыске предположение, что оговорить меня могла только Леля Кудряшкина. После смерти Ирины она набивалась мне в жены, я отказался от ее услуг.

— Леля даже такие планы строила?!

— Будто не знаете Кудряшкину. В планах у Лели недостатка нет.

Бирюков помолчал.

— Вадим Алексеевич, ответьте на мой вопрос конкретно: бывали вы на даче у Зоркальцева?

Фарфоров зажал коленями ладони рук. На его лице появилась болезненная гримаса. Пауза затягивалась, однако Антон не торопил. Наконец бородатый геолог глубоко вздохнул:

— Хорошо, я скажу нечто новое. На даче Зоркальцева мне довелось побывать всего один раз. Произошло это так... Весной прошлого года, когда Ирина была еще жива, однажды в конце рабочего дня ко мне в кабинет внезапно вошла расстроенная Таня Зоркальцева и буквально со слезами стала умолять съездить с нею на дачу. Я попытался выяснить, что случилось, но она, будто помешавшись рассудком, повторяла одно и то же: «Потом узнаете, Вадим Алексеевич, потом узнаете». Я не смог отказать плачущей женщине. Когда мы приехали на дачу, там, к моему удивлению, находились сам Зоркальцев, Ирина, Леля Кудряшкина и еще какой-то элегантно одетый молодой мужчина с пижонскими черными усиками. Все четверо сидели за столом с бутылкой коньяка...

Фарфоров надолго замолчал, и Антон вынужден был поторопить:

— Произошел семейный конфликт?

— Не сказал бы... Правда, Таня резковато бросила мужу: «Если не прекратишь подобные встречи, сожгу твой роскошный дом свиданий». Зоркальцев принял объяснять, мол, встреча деловая, не надо раздувать из мухи слона и все в таком роде... — Фарфоров снова сделал затяжную паузу. — Сейчас думаю, не вспомнил ли Кудряшкиной тот случай и не решила ли она воспользоваться пожаром, чтобы причинить мне неприятность. Может ведь такое быть?

— Может, — согласился Антон. — А откуда жене Зоркальцева стало известно, что муж находится на даче с компанией?

— После Таня мне сказала, будто случайно увидела из окна проезжавшую мимо нашего треста свою машину и догадалась, что муж повез компанию на дачу.

— Ваши отношения с Зоркальцевым после того случая не испортились?

— Нисколько. — Фарфоров вялым движением руки показал на слюденисто-прозрачный камин. — Вскоре после того случая Геннадий собственными руками соорудил вот это украшение квартиры. У Зоркальцева воистину золотые руки...

Слушая ответы, Бирюков исподволь присматривался к Фарфорову. Первоначальная нервоз-

ность Вадима Алексеевича постепенно прошла. Он вроде бы проникся доверием к собеседнику и теперь похоже, переживал некоторую неловкость от того, что поначалу взял несколько враждебный тон. И о Зоркальцевых, и о бывшей своей жене Фарфоров отзывался объективно, не стущая темные краски. Неприязнь в его голосе сквозила лишь к Леле Кудряшкиной. Между тем к концу беседы именно Кудряшкина интересовала Бирюкова, поскольку невыясненным оставался вопрос о бирюзовом перстне, который якобы видел у Лели Вадим Алексеевич. Когда Антон заговорил об этом, Фарфоров спокойно подтвердил, что несколько дней назад Леля приходила к нему домой и действительно показывала серебряный перстень с бирюзой, чтобы определить, не фальшивый ли камень. Он сказал: «Бирюза не поддельная». Тогда Леля спросила: «Сколько рэ можно заплатить за такую прелесть?» — «Пятьсот рублей». — «Однако!» — удивленно воскликнула Кудряшкина и сразу ушла.

— Она что, у кого-то хотела купить этот перстень? — уточнил Бирюков.

Фарфоров повел сутулыми плечами.

— Я не понял, чего Леля хотела: купить или продать. Но в том, что это был перстень Геннадия Зоркальцева, не сомневаюсь ни на йоту. Геннадий покупал перстень с рук и так же, как Кудряшкина, приносил его мне, чтобы определить стоимость.

— Вы сказали об этом Кудряшкиной?

— Нет, разговор с Лелей был лаконичным. Я не переношу ее присутствия.

Антон извинился перед Фарфоровым за отнятое время и поднялся с кресла. Вадим Алексеевич проводил его до двери. Расставаясь, дружелюбно пожал протянутую руку.

Теплый солнечный вечер заметно поугас, когда Бирюков вошел в сумрачный подъезд девятиэтажного дома, где находилась квартира Лели Кудряшкиной. Остановившись перед знакомой дверью, нажал кнопку электрического звонка — звонок не работал. Пришлось постучать. В квартире никто не отозвался. Антон постучал сильнее — опять тишина. После третьей попытки открылась соседняя дверь слева. Выглянувшая на лестничную площадку белолобая чистенькая старушка с прищуром оглядела Бирюкова:

— Ленка сегодня чего-то подзадержалась на работе. Должно, позднее зайтись.

— Во сколько примерно? — спросил Антон и посмотрел на часы, показывающие пять минут десятого.

— Да кто ее, молодуху, знает, во сколько. Придет, не беспокойся. Она всегда ночевать домой приходит, — старушка еще раз окинула Ан-

тона взглядом.— Ты, милоч, случаем, в телевизорах не разбираешься?.. В прошлом месяце чего-то речь отнималась, а теперь соображение пропало.

— У кого? — занятый своими мыслями, спросил Бирюков.

— Да-к у телевизора. Речь слышна, а соображения нету.

— Ах, изображение...— Антон засмеялся.— Давайте, бабуся, посмотрим, почему он «соображать» перестал.

Следом за старушкой Бирюков вошел в комнату с каким-то необычным для городской квартиры крестьянским уютом. Электрическую лампочку под потолком укрывал оранжевый абажур, со старомодного карниза, укрепленного над широким окном, спускались тюлевые шторы, сквозь которые виднелась лоджия, усаженная, словно палисадник, яркими цветами. Пол комнаты между старинным резным буфетом и круглым столом на изогнутых ножках устлала пестрые домотканые половики. Сбоку от окна, в углу, стоял «Рекорд» с небольшим экраном. Антон подошел к телевизору, щелкнул кнопкой стабилизатора и стал искать причину, отчего «пропало соображение». Неисправность оказалась пустяковой — надо было всего лишь отрегулировать частоту строк. Видимо, старушка стирала с телевизора пыль и нечаянно повернула регулятор. Когда «Рекорд» заработал, она радостно всплеснула руками:

— Смотри-ка! Еще чище стал казаться! — и повернулась к Бирюкову.— Сколько, милоч, за ремонт возьмешь? На бутылку яблочного вина хватит?

Антон засмеялся:

— Я ничего не ремонтировал. Если можно, посижу с полчаса у вас, подожду Кудряшкину.

— Сиди! Ты по какому делу к Ленке?

— Кое-что узнать надо.

— Коль надо, узнаешь. У нее что на уме, то и на языке. Простецкая молодуха. Вот сожитель у нее был, Мишка, тот другой закваски. Прикидывался ученым работником, по дальним командировкам колесил, а как милиция разобралась...— старушка заговорщицки понизила голос до шепота.— Книжками, сукин сын, спекулировал. И, видать, крупно ворочал. Когда после суда имущество из квартиры стали забирать, полнехонький грузовик одними книгами нагрузили. Ленка-то в панику ударилась, как Мишку посадили. Прибежала ко мне в слезах: «Что теперь делать, баба Зина? Без копейки осталась, хоть в петлю полезай». — «И-и-и, — говорю, — в твои ли годы о петле думать! Устраивайся на работу, берись за ум да подыскивай настоящего мужа, а не сожительствуй с разными проходимцами». Пол-

ный вечер вправляла Ленке мозги. Послушалась. На завод поступила, дырки какие-то там сверлит. А чо?.. Если с душой, можно и на дырках хорошо зарабатывать. Теперь Ленка повеселела. Выпивку бросила, не курит, из парней никого не водит. Редко по воскресеньям забегает к ней один. Наружностью видный, а по манере поведения — чижик-пыжик с крашеными волосами. Работает, Ленка сказала, карлсоном в ресторане...

Бирюков улыбнулся:

— Наверное, гарсоном? По-русски — официантом.

— Может, и так. Я иностранных слов не понимаю. Знаю, по телевизору Карлсона показывают, который с моторчиком, как самолет, летает.

Бирюков, словно уставший спортсмен на дальней дистанции, почувствовал второе дыхание. Разговорчивая старушка показала ему бесценным кладом. От нее можно было получить сведения не только о Леле Кудряшкиной, но и о семье Харочкиных, живущих, как выяснилось, «дверью напротив». Осторожно задавая вопросы, Антон едва успевал запоминать информацию. Прежде всего «баба Зина» — так называли старушку соседи, а по паспорту Зинаида Григорьевна Петелькина — «обсказала» Антошу свою судьбу. Жизнь ее прошла в колхозе. Ровно полвека трудилась дояркой, теперь на заслуженной пенсии. Перебраться из деревни в город сманила внучка Верка — по фамилии тоже Петелькина. Верке двадцать четыре года. Замуж пока не собирается. Работает водителем троллейбуса на пятом маршруте и до того «принципиальная», что даже родную бабу, когда та едет в ее троллейбусе, заставляет расплачиваться за проезд. Учится Верка на третьем курсе заочного института — хочет стать начальницей над всеми троллейбусами. Сегодня внучке выпала вечерняя смена, поэтому придет с работы в первом часу ночи. К городской жизни баба Зина, можно сказать, уже привыкла, весь Новосибирск вдоль и поперек объездила. С соседями живет мирно, хотя такие, как Харочкины, ей очень даже не нравятся.

— Почему? — спросил Антон.

— Ну их к лешему...— старушка махнула сухонькой рукой.— О себе много заботятся. Когда вот эту, где живем, кооперативную многоэтажку распределяли, так Евгений Евгеньич дополнительно к своей квартире хотел и Веркину заграбастать. Дочка, видишь, у Харочкиных на выданье, Анжелка. Себе плановали трехкомнатную, где теперь живут, а дочке — Веркину. Хорошо, начальство городское на дыбы поднялось за Верку, не то облизнулась бы моя внучка с кооперативом.

— А как вообще Харочкины?..

— Куркули. Раньше таких раскулачивали.

— Дочь их как?

— Анжелка. Непутевая молодуха. И внешне-стью не удалась, и по манере поведения никуда не годится. Табак курит в открытую при родителях, выпивает. Нынче в майские праздники так нахлесталась — чуть тепленькая на такси подъехала к дому. Какие-то ребята пьяные с ней были, куражились перед ними, — старушка понизила голос. — Не знаю, насколько правда, Ленка Кудряшкина на днях сообщила мне новость, будто забеременела Анжелка и сама не знает от кого: то ли от учителя, то ли от ресторанного карлсона... Этот — ресторанный — вроде бы не прочь жениться на Анжелке, но такое приданое заломил, что у Людмилы Егоровны и Евгенья Евгенья уши завяли... Ничего, очухаются — заплачут жениху, сколько ни запросит.

— Такие богатые?

— Очень даже. Ты, милоч, зашел бы к ним для интересу. Правда, грязновато в квартире, но чего только нет!.. — старушка подняла глаза к потолку. — Верка меня грызет, чтоб абажур выбросила. Говорит, во всем Новосибирске ни у кого такого старья не сыщешь. А мне, милоч, жалко уничтожать вещь. Она хоть и немодная, но трудом нажита. У Харочкиных же — все по моде. И все дорогое. Недавно такую люстру повесили — смотреть боязно. Людмила Егоровна хвасталась, будто из заграничного стекла, стоимостью... Сколько, думаешь? Две с лишним тыщи! Это, считай, однокомнатная кооперативная квартира под потолком висит. А вдруг оторвется?..

— Да-а-а, — стараясь поддержать установившийся со старушкой контакт, протянул Бирюков и сразу переменял тему: — Зинаида Григорьевна, вы говорили, что ресторанный гарсон по воскресеньям забегает к Кудряшкиной. Как же, в таком случае, его отношения с Анжеликой?..

Петелькина трубочкой выпятила губы:

— Сама, милоч, дивлюсь. Прибегал вроде к Ленке... К слову, раньше Ленка с Анжелкой душа в душу жили, а последнее время, примечая, будто между ними черная кошка пробежала. Может, со зла Ленка на Анжелку ляпнула. У нее такое бывает. Невзлюбит человека, как бодливая корова становится.

— А о Фарфорове Кудряшкина не рассказывала?

— Кто такой?

— Один из ее знакомых, бородатый мужчина.

— Нет, милоч, бородатых мужиков у Ленки не видала. Стриженный какой-то спрашивал ее. Помню, я полубопытствовала: «Что, милоч, в заключении отбывал?» Парень обиделся: «В солдаты, бабка, хотели забрать, да отменили».

— Как он выглядел?

— Допризывного возраста. Одежка неприметная. Какая именно, теперь даже вспомнить не могу.

— Давно это было?

— Можно вычислить... — старушка, рассуждая вслух, стала загибать пальцы. — Мишку-спекулянта посадили в конце марта. В апреле к Ленке зачастил этот... из ресторана. В мае он приутих, реже заглядывал. Так... А стриженный появился где-то в начальных числах июня.

— Внучка ваша не дружит с Кудряшкиной?

— Нет, моя Верка строгой манеры поведения. Она с Ленкой больше все мимоходом. А с Анжелкой тоже просто так: здравствуй — до свидания.

— Того учителя, о котором говорили, часто здесь видели?

— Не часто, но видала. Очень обходительный, любезный человек. Как-то у Верки контрольная задачка не получалась. Он тут подвернулся, в минуту помог. Верка после говорила, что сильно умный мужчина. Самые трудные задачи как семечки щелкает... — Петелькина внимательно присмотрелась к Антону. — Ты, милоч, случаем, не следователь?

— Я из уголовного розыска.

— Ишь ты! Серьезное что-то случилось?

В своей работе Бирюков придерживался принципа — собирать информацию, а не распространяться.

— Человека потерявшегося ищем.

— Давно?

— Две недели.

— Э-э-э, милоч! У нас в колхозе скотник Потап Романенков целый месяц потерянным считался. Милиция и прокурор с ног сбились в розысках, а после оказалось — в соседнем селе у Нюрки Свешниковой, беспутной молодухи, возле фляги с самогоном Потап на целых тридцать дней пригрелся. А ты говоришь, две недели. Две недели — пустяк...

На лестничной площадке внезапно хлопнула дверь. Баба Зина прислушалась:

— Ленка пришла.

Бирюков поднялся. Прикидывая мысленно план предстоящего разговора с Кудряшкиной, показал взглядом на усаженную цветами лоджию: — Зинаида Григорьевна, продайте несколько цветков.

— Ленке хочешь преподнести? — мигом сообразила Петелькина. — За ремонт телевизора без денег букет соберу. Я продажей не занимаюсь — для красоты рошу.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ



“КРУГЛЫЙ СТОЛ”

Они не встречались вот так, восьмером, чтобы поговорить о судьбах уральского ювелирного искусства, но их согласие на интервью и магнитофон позволили свести воедино мнение каждого. Получился, так сказать, заочный «круглый стол» ювелиров.

Автор отчета, искусствовед, по ходу действия играет «голоса за сценой».

Действующие лица:

Владимир Ульянович Комаров. Окончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В. Мухомовой. Художник-ювелир;

Михаил Михайлович Лесик. Окончил СГПУ № 42. Работает на Свердловском ювелирном заводе;

Владимир Николаевич Сочнев. Окончил Свердловское художественное училище. Художник-ювелир;

Владимир Николаевич Устюжанин. Окончил Красносельское училище художественной обработки металлов. Работает на Свердловском ювелирном заводе;

Леонид Федорович Устьянцев. Окончил СГПУ № 42. Художник-ювелир;

Владимир Михайлович Фомин. Окончил СГПУ № 42. Работает на Свердловском ювелирном заводе;

Владислав Михайлович Храмцов. Окончил искусствоведческое отделение Уральского государственного университета имени А. М. Горького. Художник-ювелир;

Тимаргали Камалович Ямалетдинов. Преподаватель кружка чеканки при ДК Белоярской АЭС.

Все они, за исключением молодого Т. Ямалетдинова, члены Союза художников СССР.

Кроме участников «круглого стола» здесь высказываются также искусствоведы, геологи, краеведы, историки, продавцы, многие другие.

ПРОЛОГ

У ювелирного искусства Урала есть настоящее, будет будущее. Мы можем без особых усилий проследить путь его развития; заглянув на двадцать, тридцать, сорок лет назад. Можно говорить об отдельных работах предвоенных лет. А дальше — небытие! Прошлого нет, вернее, мы его пока не знаем, если не считать нескольких десятков камней, изготовленных в Екатеринбурге в конце XVIII — первой половине XIX века. Что же: не было ювелирного искусства в обширном краю самоцветов? Из прессы столетней давности:

«Магазин А. Персианова каменных вещей, ювелирных в золоте и серебре изделий новейших фасонов и проч. На углу Покровского проспекта и Соборной улицы».

«Екатеринбургская неделя»,
10 октября 1884 г.

«В С.-Петербургской часовом магазине по Главному проспекту дом Ижболдина, бывш. Новикова, имеются в большом выборе... серебряные металлические вещи, бриллиантовые кольца...»

«Екатеринбургская неделя»,
14 ноября 1884 г.

«Магазин каменных и ювелирных изделий Алексея Львовича Кочнева, существующий в Екатеринбурге с 1870 года, имеет честь известить покупателей и заказчиков, что в настоящее время за значительным увеличением различного рода товара, собственного,

а не комиссионного, заключающегося в золотых и серебряных вещах, оправленных и неоправленных камнях, продажа производится по удешевленным ценам. При магазине имеется серебряная и гранильная мастерская; золотые и серебряные вещи и заказы на каменные и ювелирные изделия; также резьба печатей на камнях и металлах.

Магазин помещается на Коробковской улице в собственном доме».

«Екатеринбургская неделя»,
9 ноября 1886 г.

Следовательно, ювелирные вещи были, причем — «собственные», а не привозные, «комиссионерские». Вещи изготовлялись на месте. Это доказывается и наличием мастерской, о которой упоминалось.

А раз ювелирные вещи были, то их покупали, носили и, вполне естественно, теряли.

«Потеряна браслет золотая панцирная с двумя шариками...»

«Екатеринбургская неделя»,
7 сентября 1883 г.

«Утеряна золотая брошь с желтым топазом».

«Екатеринбургская неделя»,
2 апреля 1886 г.

«30 руб. вознаграждения получит тот, кто доставит золотой браслет с аметистами, потерянный 3-го числа вечером на дороге из Кафедрального собора в гостиницу Атаманова».

«Екатеринбургская неделя»,
7 февраля 1888 г.

«7 мая в Харитоновском саду утерян витой золотой браслет с двумя бриллиантами и жемчужом...»

«Екатеринбургская неделя»,
13 мая 1890 г.

Несомненно, произведения ювелирного искусства на Урале были популярными, надо найти среди них уральские произведения!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КОЕ-ЧТО ОБ УРАЛЬСКИХ ТРАДИЦИЯХ В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ

Искусствовед: Мы часто говорим: «уральские традиции», подразумевая определенные черты, которые были выработаны десятилетиями и столетиями работы не одного поколения мастеров. Но во что они вылились конкретно, эти черты, в ювелирном искусстве? Как сложились?

В. Фомин: Уральские традиции? Ярко выраженных нет. Они, на мой взгляд, еще формируются. А вообще уральское ювелирное искусство опирается на преобладание в основном уральского камня. Чем больше чисто уральского камня, чем этот камень красивее, тем лучше сами вещи, которые делают ювелиры Урала. Что касается давности этих традиций, то совершенно ясно одно: бурное развитие ювелирное искусство края получило в последние 20—30 лет.

Чтобы создать что-то интересное, значительное, надо, безусловно, какой-то багаж истории иметь. Во время работы над новым изделием старинные вещи, если можно так сказать, в голове крутятся. Все это анализируется в голове. Так? А потом приходишь уже к своей теме, которую решаешь.

ЮВЕЛИРОВ

Георгий ЗАЙЦЕВ

Слайды на вкладке В. Холостных
и С. Тартаковского

В. Комаров: Традиция прежде всего в том, чтобы как можно богаче выявить камень. Это самое что ни на есть богатство Урала! Орнамент показывать надо как можно тоньше. Как в сказах Бажова. Там рукотворность показана — ручной труд, который был по-своему интересный, красивый, приятный. Когда я учился в художественном училище в Тагиле, то ходил всегда в краеведческий музей. Там любовался изделиями ручного труда. Особенное изумление у меня вызывали узлы из прутьев. Это же филигранная работа! И вот с тех пор у меня зародилась идея: чтобы металл разделить как можно тоньше. Но я тогда не знал, что такое филигрань. Так вот, когда я стал учиться, познал старых мастеров, то, оказывается, на Урале были знаменитые филигранщики. Поэтому я считаю, что продолжаю их традиции.

СПРАВКА ИСКУССТВОВЕДА: В. У. Комаров — один из ведущих художников-ювелиров Урала. Особенностью его почерка является сочетание тонкой филигранни с камнем. Такие его работы, как брошь «Рябинка», гривна «Аленький цветочек», являются образцами уральской тонкой филигранной работы последнего десятилетия.

Л. Устьянцев: Уральские традиции в ювелирном искусстве, конечно, есть, потому что были до нас старики, что-то сделали, мы у них учились. Стиль изменился, но приемы и техника остались. А традиции заключаются в том, что ювелиры уральские продолжают работу с местным материалом, но в новом направлении, современном. Очень помогают сказы Бажова. Человека, занимающегося искусством, они будоражат, дают толчок для творческой мысли.

СПРАВКА ИСКУССТВОВЕДА: Золотая брошь с бриллиантами и золотое кольцо с аметистом, выполненные Л. В. Устьянцевым, хранятся как образцы советского ювелирного искусства в Алмазном фонде страны.

В. Устюжанин: Мне кажется, что вопрос о традициях поставлен не совсем верно. Почему? Говорить о традициях можно применительно к каким-то школам искусства. Например, Красносельская школа ювелирного искусства, московская школа, Великий Устюг! У нас нет таких богатых древностью традиций. У нас нет той точки отсчета, от которой можно было бы непосредственно отталкиваться. А ювелирного искусства Урала XIX века вообще не было. Почему? Потому что наиболее значительные вещи, которые остались от того времени, — это в основном работы кустарей. Они были, ну, самобытнее, самороднее, что ли.

СПРАВКА ИСТОРИКА: Мысль о кустиках верная, так как Екатеринбургская граняльная фабрика фактически ювелирных изделий не выпускала. Следовательно, подавляющая часть того, что мы понимаем под термином «ювелирное искусство Урала», выполнена кустиками, о которых газета «Екатеринбургская неделя» 2 ноября 1884 года писала: «Наши уральские кустиари до сих пор известны нам не более открытых Миклухо-Маклаем полинезийцев, и любопытно будет познакомиться хоть на выставке с этими конкурентами Демидовых и Строгановых».

В. Храмцов: Традиции всегда имеют какую-то основу, какие-то корни, которые существовали и у нас на Урале. Это вековая традиция резьбы по камню. Конечно, компо-

зиционные решения, антураж оформления тоже играли роль, но основа самой композиции — резание камня. Вот эту любовь к резанию камня я считаю основной традицией, которую мы поддерживаем в настоящее время. Других корней нет. Это глубинные корни, которые исходят из векового уклада наших резчиков-каменеров.

Каковы основные черты наших традиций? Во-первых, работы исполнялись из золота, серебра и латуни. То есть дешевые и дорогие материалы. В XIX веке в основном работали наши мастера по рисункам, присланным из Петербурга, Москвы, Киева или даже из Италии. Эти изделия очень похожи на петербургские и киевские образцы. Крепкая связь была с фирмой Фаберже. Но в то же время было и второе направление — это, будем так говорить, крестьянское направление, которое существовало самостоятельно: бабушкины броши, запонки, в которые вкрапляли камень. Основное внимание было обращено на камень! Красивый камень и очень скромная оправка. А потом не надо забывать, что к ювелирному искусству относится и огранка камней. А огранка камней в нашем крае всегда была великолепной!

В. Сочнев: Эту мысль надо развернуть! Не надо забывать, что местом ссылок людей, в том числе мастеровых, а также именитых, у которых имелись ювелирные изделия, были Урал, Сибирь. Собственно ювелирное искусство Урала началось, когда здесь стали добывать камни. Сначала, скажем, сделали красивую пуговицу, то есть научились камень гранить. И не просто гранить, а по самым высоким меркам. Но прежде всего традиции золотники от обработки металла, железа. Потом пошло золото, серебро. Вот это пошло откуда! Стали делать вещи из металла. Потом они стали обрастать камнями. Потом камень стал доминантой. Вот так возникло ювелирное искусство Урала. Это какие работы? Были из Петербурга оригиналы, по которым делали первые вещи. К тому времени уже была уральская школа огранки камней. Поэтому основную дань отдавали камню, а металла там совсем мало. В основном виден камень.

СПРАВКА ИСКУССТВОВЕДА: Видный исследователь культуры Урала профессор Б. В. Павловский пишет: «В 1726 году на Урал был прислан пленный шведский поручик Реф. Он был обязан заняться розысками и обработкой камня. В Екатеринбурге, в одном из зданий, принадлежащих горному ведомству, была устроена фабрика по обработке уральских декоративных камней.

Реф был не первым, кто к этому времени начал производить опыты по огранке уральских камней». («Каменное искусство Урала», 1953).

СПРАВКА КРАЕВЕДА: Действительно, он не был первым. Краевед И. М. Шакинко пишет: «Ноябрь 1723 года. Только что кончались торжества в честь новорожденного завода и города Екатеринбурга. Генерал Геннин уехал в Верхотурье, а Татищев — в Петербург.

Среди бумаг, которые Татищев вез с собой, было письмо Геннина горному президенту Якову Брюсу. А в письме — приписка: «При сем посылаю наших малую часть камешков горных хрустала и приказал без меня отделать, а ежели не поспеют, то велел я взять капитану не сделаны» («Завод «Русские самоцветы», 1976).

Следовательно, началось все же с огранки камней.

СПРАВКА ИСКУССТВОВЕДА: В. И. Копылова в своей книге утверждает: «Много граней-рисунков знали уральские гранильщики. В отчетах зрителей фабрики упоминается «груша», «элит», крупный овальный «капюшон», четырехсторонняя, восьмиугольная грань. Большое

распространение в 20—30-х годах XIX века получает гранение искр из горного хрусталя и фенакита. Особенно славилась мастера Березовского завода. Они делали большую, среднюю и малую искру. Большая и средняя шли на головки для крестиков, малая — в осыпь колец, диадем» («Ювелирное искусство Урала», 1981).

СПРАВКА ГЕОЛОГА: Знарок камня академик А. Е. Ферсман писал: «Русские самоцветы не играли большой роли в ювелирном деле России. Уральская огранка камней нередко была груба и некрасива, и даже лучшие камни хороших мастеров приходилось заново гранить за рубежом для получения более художественных форм» (Очерки по истории камня, т. II, 1961).

Искусствовед: Хотя бы в общих чертах наметим пути развития ювелирного искусства Урала. Что мы знаем достоверно? Прежде всего, что это искусство началось с огранки цветных камней, в первую очередь — горного хрусталя и, очевидно, аметиста. По крайней мере, в год основания Екатеринбургского ремесла гранения на Урале уже существовало. Новые находки на Урале в XVIII веке дали толчок к расширению ассортимента обрабатываемых камней. С 1720 года начались многочисленные находки дымчатых топазов по реке Нейве. В 1744 году началась добыча ювелирных корундов в Корниловом логу. В 1787 году открыт розовый турмалин в деревне Сарацулке и т. д. Была ли у камней XVIII века металлическая оправа, выполненная на Урале? Вряд ли, но если и была, то только из привозного драгоценного металла или из дешевых сплавов меди. Уральское коренное золото открыли лишь в 1745 году, но весьма мало вероятно, чтобы его употребляли на местное ювелирное изделие. Не было ни техники, ни мастеров.

Справедливо было бы считать временем зарождения уральского ювелирного искусства первую треть XIX века. Тогда были весьма благоприятные предпосылки, прежде всего — геологические находки: 1805 год — аметисты на Тальянке и в деревне Сизиковой, 1810-й — шайтанские цветные турмалины, 1823-й — уральские сапфиры, 1828-й — новые месторождения аметистов и аквамарин, 1832-й — изумрудные копи и, наконец, 1855 год — крупные сапфиры в том же Корниловом логу. На эти открытия накладывались и находки драгоценных металлов. В 1814 году на Урале обнаружено первое россыпное золото, а в 1819 году — россыпная платина.

Во второй половине XIX века наступает расцвет деятельности кустарных мастерских по огранке камней и созданию ювелирных изделий. В основном они концентрировались вокруг Екатеринбургского и имели довольно узкую специализацию. Так, в Нижне-Исетске гранили самоцветы, в поселке Верх-Исетского завода обрабатывали самоцветы, резали яшму. В Березовском и деревне Шарташ гранили бусы, запонки, пуговицы и просто искры, делали вставки. В Нижнем Тагиле и деревне Полднейвой обрабатывали демантоиды. Естественно, был и аметистовый промысел в деревне Мурзинке.

А. Е. Ферсман приводит в своих работах впечатляющие цифры: только в 1887 году вокруг Екатеринбургского и в самом городе было около 250 мастерских, где работали несколько тысяч человек. Не может быть, чтобы в этих мастерских наряду с огранкой камней не создавали ювелирных изделий!

Их надо найти!

И вот передо мною первая ласточка. Хотя скорее всего изделие относится к началу XX века, но приобретено оно было в Екатеринбурге до 1917 года. Это — подвеска с аметистами, она хранится как реликвия в коренной уральской семье. В центре — двухсантиметровый, чистой воды, густо-фиолетовый ограненный аметист, сопровождаемый восемью мелкими, тоже ограненными аметистиками. Все это роскошное соцветие камней — в дешевой и грубо исполненной оправе из латуни, имитирующей филигрань. Ни клейма, ни знака...

В нашем разговоре уже высказывалась мысль, что

в уральском ювелирном искусстве должен быть только уральский камень. Так ли это?

Л. Устьянцев: Это ошибка, конечно. Все камни могут быть. Природный камень, не обязательно уральский, обогран уральским ювелиром.

М. Лесик: Вообще-то уральцы должны работать с камнем уральским, но если красивый камень добыт не на Урале, не такая уж это большая беда. Если, допустим, есть янтарь у прибалтийских ювелиров, то зачем его брать уральцам? Уральцы никогда с ним, в основном, не работали. А неуральский лазурит уральцам и раньше был известен, и сейчас.

Т. Ямалетдинов: Вот это как раз меня не устраивает. Разве имеет значение, где художник живет — в Прибалтике или на Урале? Если у художника возникла какая-то идея, он просто решает ее теми средствами, которые у него есть. Конечно, я мог бы работать и с янтарем, а прибалтийские художники — с малахитом, но вряд ли с янтарем я смогу сделать что-то так же интересно, как они. Ведь они уже знают его в совершенстве.

В. Комаров: А я работаю с лазуритом, например. Это не уральский камень. У меня есть работы с янтарем. Но стараюсь в своих композициях отразить тот край, где использованный в них камень добыт... И все же как бы я ни старался, уральский дух в композициях есть.

В. Фомина: Как-то так сложилось, что если уральский художник-ювелир сделал современное изделие, а в нем нет уральского камня, то это, говорят, не Урал!

В. Устюжанин: Конечно, вопрос о камне не принципиален. Чем уральская ювелирная вещь отличается от других? В первую очередь — мажорностью. Затем — полихромия, многоплановость, динамичная лепка форм. Вот Урал! А под полихромией я понимаю соединение в одной вещи нескольких видов драгоценных и недрагоценных камней.

Искусствовед: Обратимся к неуральским ювелирам с вопросом: что важнее — камень или металл?

Н. Белякова (Москва): Металл!!!

Ю. Вахрамья (Таллин): Для меня важен результат в целом — логичный и органичный.

Ф. Кузнецов (Москва): Идея, как главный режиссер, распределяет роли в будущей вещи.

М. Магомедова (Тбилиси): По мере возможностей я стараюсь, чтобы камень и оправа органично дополняли друг друга.

А. Михалыч (Симферополь): Время обрамления камня в изящную оправу прошло, и, на мой взгляд, реставрировать эту ювелирную форму нет надобности.

Т. Тихомирова (Москва): Камень без оправы — это не ювелирное изделие, а оправа без камня — бессмыслица.

В. Тихомиров (Москва): Оправа важнее. Камень играет подчиненную роль, хотя могут быть ситуации, когда необыкновенный уникальный камень может играть главную роль. Для ювелира всегда остается главной работа с металлом.

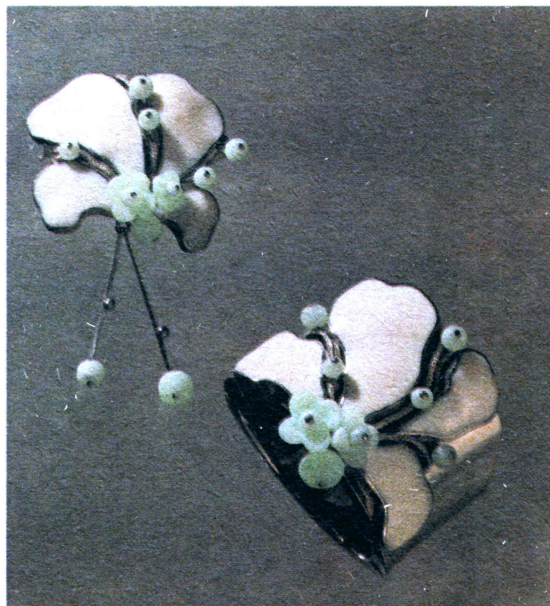
ГЛАВА ВТОРАЯ.

БОЛЬШОЕ ИЛИ МАЛЕНЬКОЕ?

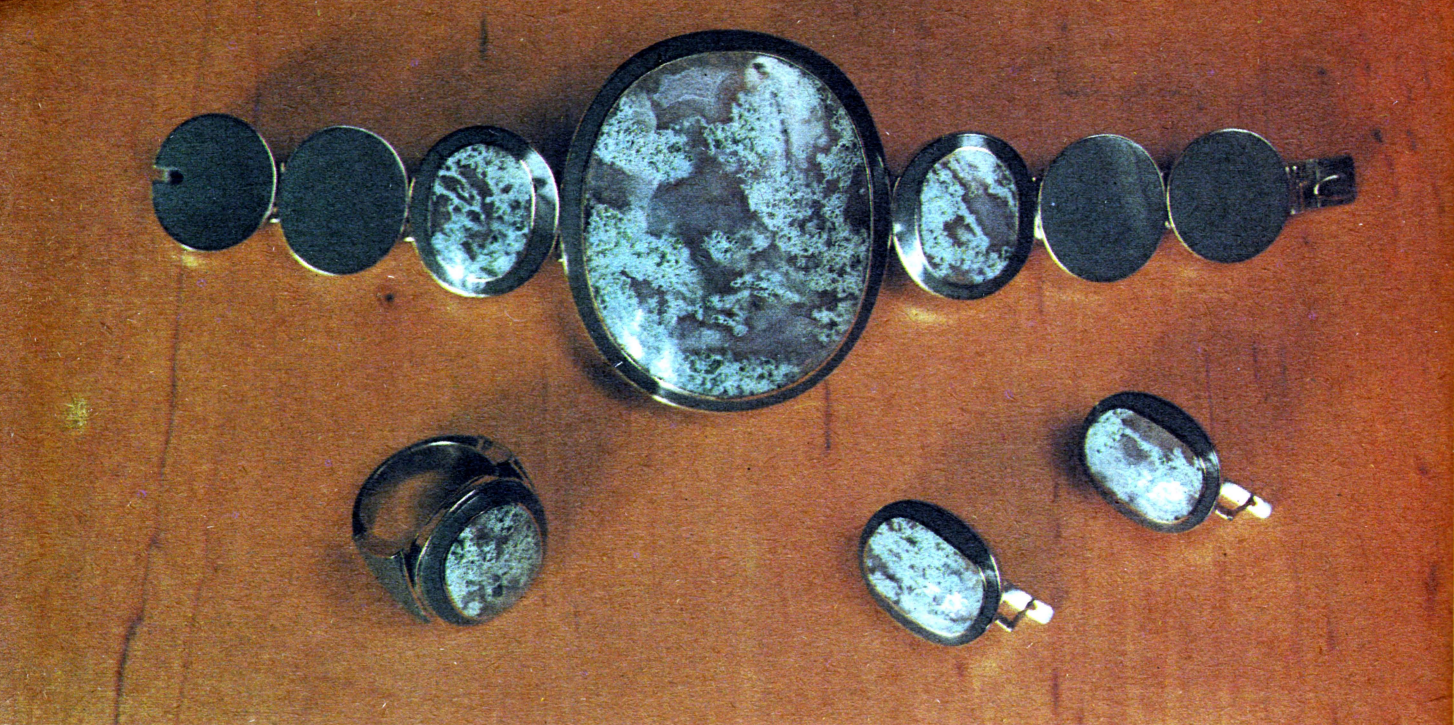
Искусствовед: Как и во всем отечественном ювелирном искусстве, на Урале есть свои проблемы и тенденции, которые вызывают жаркие споры художников и искусствоведов. Одна из них — проблема камерного и монументального, или выставочного. С одной стороны, специфика ювелирного искусства в том, что оно призвано украшать человека соразмерными ему камерными вещами... Вместе с тем на выставках появляются работы, которые мы называем монументальными, — броши, гривны, подвески,



БРОШЬ «ЛЪДИНКА», 1973
Серебро, опал.



ГАРНИТУР «ЛЕГЕНДА», 1978 (браслет, брошь).
Никель, кохолонг, хризопраз.



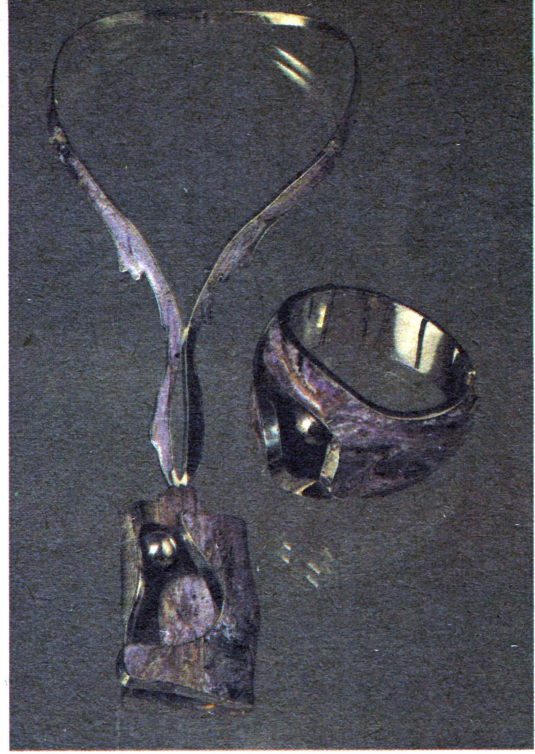
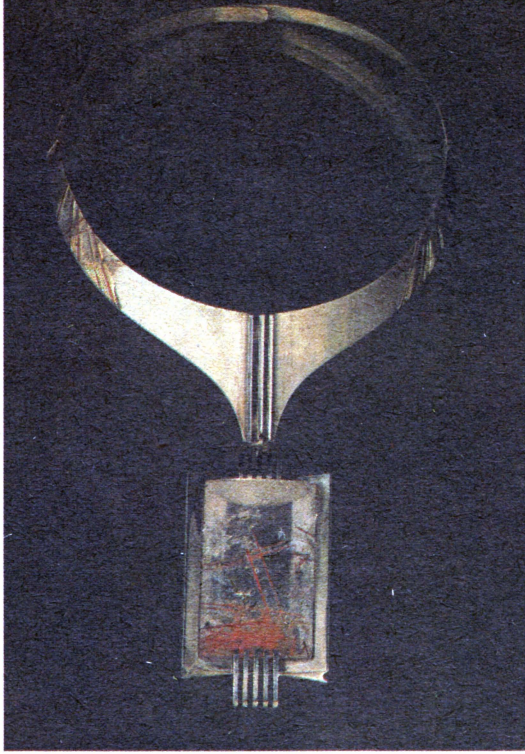
ГАРНИТУР «ТУНДРА», 1983
(браслет, серьги, кольцо).
Никель, моховой агат, техническая яшма.



ГАРНИТУР «СОЗВЕЗДИЯ», 1984
(гривна, серьги).
Никель, горный хрусталь с честдрофитом.

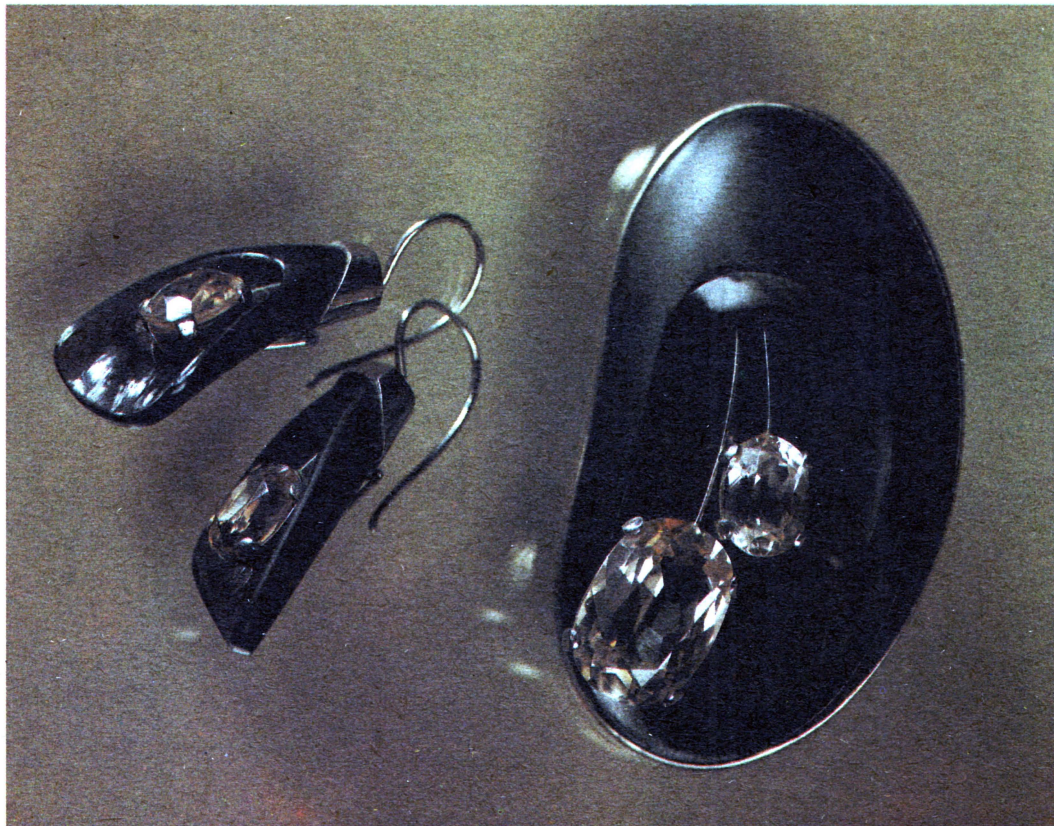


ГРИВНА «ОСЕННЕЕ ЭХО», 1985
Никель, родонит.



ГРИВНА «СТРЕЛЫ АМУРА», 1975
Серебро, горный хрусталь с рутилом.

КОМПЛЕКТ УКРАШЕНИЙ «РОМАНТИКА», 1978
(гривна, браслет).
Никель, чароит, черное дерево.



ГАРНИТУР «ГРЕЗЫ», 1984
(брошь, серьги).
Маргон, топаз.



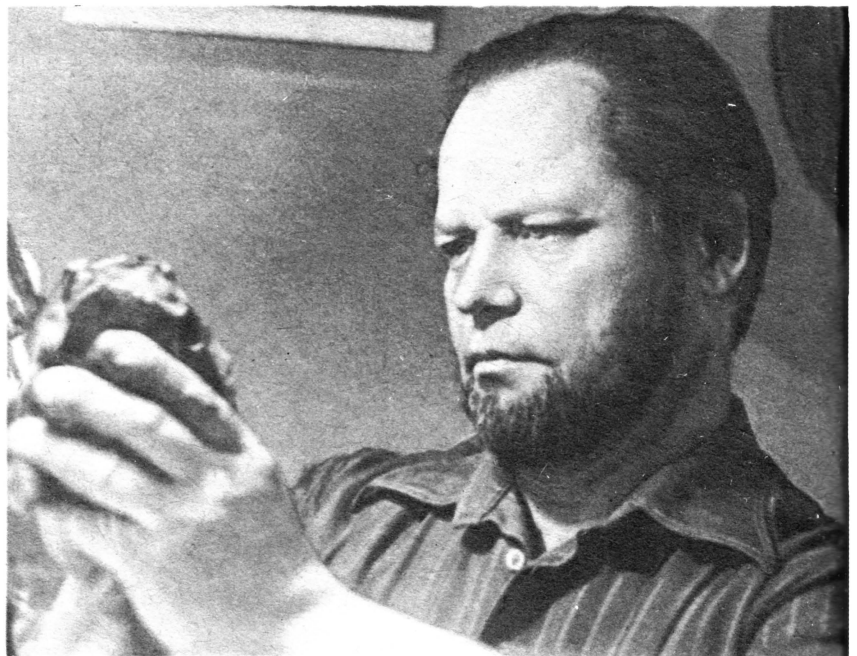
ГАРНИТУР «ПОЛОЗ», 1975
(браслет, кольцо).
Серебро, малахит.



ГАРНИТУР «БАЛЛАДА», 1985
(браслет, подвеска, кольцо).
Серебро, гранат, гранатовая крошка.

В начале 1985 года в Москве состоялась выставка произведений известных уральских мастеров прикладного искусства, членов Союза художников СССР Леонида Федоровича Устьянцева и Владислава Михайловича Храмцова. Она была встречена москвичами и гостями столицы с большим интересом, имела заслуженный успех.

Наш журнал уже знакомил читателей с творчеством Л. Ф. Устьянцева (см. № 8 за 1984 год). На вкладке этого номера представлены работы В. М. Храмцова. Оба мастера — участники и нашего «круглого стола» уральских ювелиров (см. стр. 30).



Художник-ювелир Владислав Михайлович Храмцов.

кольца больших размеров, носить которые практически невозможно.

В. Соцнев: Я так думаю, камерное и монументальное в ювелирном искусстве может и должно быть рядом.

В. Фомин: Знаете, и я к тому и другому отношусь положительно. В зависимости от того, какая тема решена. Если художник берется за большую, серьезную тему, то, естественно, вещь должна быть монументальной. А если он решает, например, тему весны, лирическую тему, то изделие должно отличаться камерностью. Ювелир, создавая какую-то вещь, в общем-то, если честно, не задумывается о том, что ее будут носить. Не задумывается! Он видит ее где-то, ну, в витрине, в экспозиции. И видит человека, зрителя, который рассматривает его работу.

Т. Ямалетдинов: Выставочные вещи очень нужны! Где как не на выставке я еще могу узнать о творчестве другого художника? Причем, случается, возникают такие идеи, которые, воплощенные в изделия, делают последние неприемлемыми для ношения. А если делать только крохотные миниатюрные вещички, то ведь не интересно просто!

В. Комаров: Знаете, лично у меня не получаются пока монументальные ювелирные вещи. Это, наверное, все-таки зависит от характера человека.

Л. Устьянцев: Массивность может оставаться. И структура монументальная может оставаться, но при этом обязательно нужно следить за весом изделия. Можно ведь его сделать и монументально и легко. Вещь будет смотреться хорошо и в носке будет приятной.

М. Лесик: Я считаю, что все зависит от камня. Его надо держать в форме. Зачем делать специально большое или маленькое? Если уж он есть, камень, и ты что-то в нем нашел, то не обрежешь ради величины. И не прибавишь! Вот поэтому я вообще не гнался за величиной. Сейчас пытаюсь мастерить удлиненные изделия. Но это, считаю, не просто каприз моды. Сейчас люди выше ростом пошли. На девушке чуть ли не под два метра ростом маленькая ювелирная вещь смотреться не будет.

А слишком большие работы я не люблю потому, что они сделаны действительно для того, чтобы лежать где-то. Утилитарность, я считаю, нельзя забывать.

В. Храпцов: Из опыта даже зарубежных фирм знаем, что когда создается какая-то вещь, сначала она делается в укрупненном виде — для того, чтобы создать определенную рекламу. Монументальное изделие играет роль эксперимента, поиска. Далеко не всегда оно имеет функциональный характер. Но в конечном итоге ювелирные вещи все же должны быть функциональными.

Искусствовед: Хочется к вопросу «большое или маленькое?» привести мнение московского искусствоведа Ю. Козловой: «Настораживает заметное нарастание некоей самоценной виртуозности, часто превращающей ювелирное украшение в станковое произведение: выставочная тенденция усиливается. Эта станковизация сказывается, например, в том, что на выставках преобладают кольца, ожерелья, гривны, кулоны, то есть те формы украшения, которые носят реже, но которые выигрышнее воспринимаются в витрине. Выставочная вещь — это феномен, существующий более ста лет. По нашему убеждению, это — явление, возникшее вместе с практикой повторяющихся регулярных промышленных, коммерческих и художественно-промышленных выставок... Хотелось бы подчеркнуть, что проблема «выставочной вещи» существует довольно длительное время. Зародилась она с возникновением современного промышленного производства, с появлением контрастирующих понятий «массовое» и «уникальное». «Уникальное» расценивается как возможность поддержать и показать редкое умение и мастерство».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МАССОВОЕ И УНИКАЛЬНОЕ?

Искусствовед: Само понятие «ювелирное искусство» подразумевает ценность создаваемого предмета. Недаром Даль приводит в своем словаре высказывание: «Ювелирово богатство в товаре». Но под богатством подразумевается не только ценность самого материала — самоцвета и металла, но и уникальность самого произведения. Вот здесь выступает на первый план еще одно противоречие в ювелирном деле: уникальное и массовое.

В. Устюжанин: Как человек, работающий на производстве, я могу более профессионально ответить на вопрос: уникальное или массовое? В ювелирном искусстве (именно искусстве!), независимо от того, тиражируется вещь или не тиражируется, всегда огромна доля ручного труда. В массовых изделиях наших предприятий это почти полностью исключается. Предприятие в первую очередь — коммерческая единица. Следовательно, экономические показатели играют главенствующую роль. Поэтому основная задача художника-промышленника — найти своеобразный компромисс между своим «я», технологией и потребителем. От того, как он сбалансирует все эти три понятия, зависит успех вещи. Однако серийная вещь не раскрывает какие-то глубокие творческие стороны. Да и не ставится перед промышленным художником задача создать какую-то полнокровную вещь. Отсюда снижение спроса на ювелирные изделия — покупатель в них видит только драгоценные металлы и камни, а не произведение искусства.

В. Фомин: Это, с точки зрения художника, неправильная производственная политика. Планируемые экономические показатели предприятия не совпадают с замыслом художника. Технологи и конструкторы обязательно вмешиваются, интерпретируют изделие художника, пристраивают его к производству, в массовому выпуску. Естественно, художественный уровень снижается. Прелесть первоначально созданного образца безусловно теряется.

М. Лесик: На производстве заведомо сразу не делаешь то, что хочешь, а делаешь то, что нужно.

Искусствовед: Получается: единичные и мелкосерийные произведения ювелирного искусства имеют большую художественную ценность, а массовый тираж — ничтожно! Не воспитываем ли мы дурной вкус?

В. Соцнев: Я не думал об этом, потому что на заводе не работал. В салон я делаю вещь единичную и не могу позволить себе, чтобы она была плохой. Я хочу, чтобы все мои изделия, купленные человеком, носились с достоинством. Так и должно быть! А хороших массовых изделий я просто не знаю. Все они — это то, что мы презрительно называем «ширпотреб». Я понимаю, ботинки можно купить «ширпотребовские». В мороз влезешь во что угодно, чтобы ноги не мерзли. Ну, а как быть, если ты покупаешь вещь, от которой ни тебе, ни другому ни тепло ни холодно? Думаю, вещи, которые выпускают наши ювелирные предприятия, должны быть мелкосерийными. Пусть всего тысяча штук. А то идешь и смотришь: одна идет в этом издании, и на второй то же... и на десятитысячной! Как «Утро в сосновом лесу» И. И. Шишкина на спичечных коробках!

Замечание геолога: Говоря о ювелирном искусстве XVIII века, А. Е. Ферман высказал интересную мысль: «Ювелирное дело было творчеством и чуждалось механических, однообразных черт ремесла».

В. Храпцов: За счет улучшения технологичности на производстве всегда идет снижение художественного уровня. Зарубежные ювелирные фирмы, которые умеют считать свои барыши и не терять индивидуальное лицо, выпускают не более ста штук изделий в серии. И это

выгодно! Мы же хотим получить большую прибыль с каждого изделия, не вкладывая особого труда. Запустили сто тысяч! Кому они нужны? Населению? Я думаю, что нет.

В. Сочнев: Эти тиражированные изделия можно сравнить с партией гаек, сделанных из золота и искусственного аметиста.

Т. Ямалетдинов: Тираж — еще не самое печальное! Самое главное — потеря уникальности вещи.

М. Лесик: Тут проблему никогда не решить. Допустим, я подобрал камень и решил тему. Потом стали тиражировать изделие. Но ведь второй такой камень не найдут!

Т. Ямалетдинов: Мне кажется, что и великолепная вещь может быть тиражирована без потерь. Надо только сделать, чтобы человек мог обращаться прямо к яму, художникам, пусть и через салон. Покупателю было бы приятно, что изделие сделано именно для него.

В. Храмцов: В принципе уникальные вещи делают для продажи в салоне. Они рассчитаны на покупателя, более требовательно подходящего к художественному образу изделия. Но салоны сейчас завалены — туда поступает очень много вещей из ювелирных артелей. Они смотрятся неплохо, да и цены не высокие. Наши изделия ограничены в тираже, а те тиражированы.

СПРАВКА ПРОДАВЦА: Дешевыми вещами массового производства буквально завалены прилавки магазинов и киосков. Вот несколько примеров этих изделий.

Кулон «Колокольчик», исполненный под филигрань, с овальными натуральными камнями, исполнитель — Кольванский камнерезный завод имени Ползунова. Цена — 18 рублей.

Кулон из горного хрусталя с оправой под филигрань Челябинской фабрики художественных изделий, цена — 11 рублей 80 копеек. Той же фабрики — подвеска «Горизонт» с шайтанским переливом, цена 7 рублей. И так далее...

В. Фомин: Многих отпугивает то, что авторская вещь сделана в мельхиоре. И потом вопрос о камне! Мы, художники, на протяжении последних лет стараемся внедрить природный камень, и не только уральский. Но природный камень массового тиражирования не терпит. Каждый камень — он индивидуален. Поэтому на заводском потоке легче выпускать изделия с камнями синтетическими.

СПРАВКА ГЕОЛОГА: На Урале известно 789 естественных минералов из трех тысяч, что описаны минералогами. Среди них три десятка тех, что мы называем самоцветами. Сюда следует прибавить еще два с половиной десятка пород, применяемых как цветные камни. Геологи могут удовлетворить запрос по тем и другим полностью, то есть обеспечить ювелирные изделия природными камнями высокого качества. Можем разведать и новые месторождения, но зачем? То, что мы нашли, сейчас практически не имеет спроса в ювелирной промышленности.

М. Лесик: Лет десять — пятнадцать назад мы работали на индивидуальном участке завода. Шифр кольца — его ГОСТ — был один, и на вид они были одинаковыми, но каждый мастер вкладывал что-то свое. Поощрялось даже, чтобы каждое изделие чем-то отличалось. Это покупателю было приятно. Сейчас даже очень дорогие вещи должны быть идентичны. Никаких отклонений!

В. Храмцов: Отсюда, кстати, получается, что ювелирное изделие становится повседневным. Если бы оно было единственным, уникальным, его и послали бы не каждый день, а только по самым торжественным случаям.

Искусствовед: Острой проблемой стал разрыв между деятельностью художников и производством ювелирных изделий. Творчество художников, участвующих в выставках ювелирного искусства, никак не сказывается на характере продукции ювелирной промышленности, на эстетическом качестве фабричных вещей.

ЭПИЛОГ

Искусствовед: Подведем итоги нашей беседы.

В. Фомин: Я хочу сказать, что художники, которые работают у нас на Урале, могут давать больше. Ну, во-первых, не каждое произведение искусства сделаешь в мельхиоре. Нужно серебро, допустим. Нужны хорошие природные камни. Не только поделочные, но и камни-самоцветы. Хорошее произведение ювелирного искусства без природных камней-самоцветов создавать очень сложно. Нужна крепкая материальная база Художественного фонда. Ведь ювелир — он кустарь! Ему нужно достать инструмент, чтобы точить камень. Не имея инструмента, он уже заранее закладывает: вот это я сделаю, а это — нет.

Т. Ямалетдинов: Если по большому счету, ювелирное искусство у нас сейчас в тупике.

Л. Устьянцев: В общем-то работы за эти двадцать лет проведено очень много, толчок есть. Но, мне кажется, сейчас ощущается застой.

В. Сочнев: На Урале сделан огромный шаг вперед. Появились хорошие мастера. Но сегодня ювелирное искусство уперлось в массовый тираж.

В. Устюжанин: Я не удовлетворен современным состоянием ювелирного искусства. Почему? С одной стороны, есть интересные находки современных мастеров старшего поколения. Но! Но должно быть какое-то поступательное, что ли, развитие. Сейчас художники-ювелиры вынуждены работать с такими материалами, которые вообще не характерны для настоящей ювелирной работы.

В. Храмцов: Главная болезнь — поток, который идет от заводов. Он уже не удовлетворяет спрос потребителя. Что такое ювелирное изделие? Это прежде всего выходные вещи, которые должны украсить женщину. Не для постоянной носки, а для выхода! А заводы и мастерские приспособились выпускать продукцию для повседневной носки. Для этого ювелирные вещи не нужны. Вторая сторона дела — наши вещи не должны быть безликими. Они должны иметь собственное лицо. И авторское, и свое — уральское лицо.

М. Лесик: Надо как-то помочь художникам. Ютятся каждый в своем. Ни у одного ювелира нет приспособлений, ничего. Я, например, работаю на моторе от стиральной машины. С удовольствием работал бы и на порядочной план-шайбе. У меня бы и качество улучшилось. Пока каждый приспособляется чуть ли не как наши деды.

В. Комаров: Надо серьезнее работать, вдумчивее, чтобы композиции были и сложнее и чтобы наши изделия выпускались на заводе, хоть небольшими тиражами.

Искусствовед: Вот так, начав с сугубо исторического вопроса об уральских традициях, мы выяснили, что они состоят из многих деталей, понятия, где, как, когда, кем и чем делается ювелирная вещь. Однако именно после этого еще резче ощущаются те проблемы, о которых говорили художники.

Действительно, почему ювелирам приходится работать в полукустарных условиях, как, скажем, работали сто лет назад надомники у купца Лагутяева? Одни из них приспособивают моторчик от стиральной машины, а другие — хитроумную аппаратуру, собранную из утиля. Проблема расцела крупных камней почти неразрешима. Тысячу раз правы те ювелиры, которые говорят, что осуществление задуманного во многом зависит от того, какой техникой они располагают. Это в значительной мере обедняет реализацию замыслов художественного видения наших ювелиров. Есть над чем задуматься в этой области Союзу художников.

Не менее важна проблема материала. Не звучит ли бессмыслицей выражение: «Ювелирное изделие из драгоценного металла»? Оно тем более не звучит, когда

этот недрагоценный металл обрамляет драгоценный или даже полудрагоценный камень. Металл обедняет камень, разубоживает его, как сказали бы геологи. Кому-то решать эту проблему надо.

Не лучше обстоит дело и с камнями. Почему художник-ювелир в конечном итоге зависит от того, какие штUFFы отбирает для него кладовщик, скажем, производственного объединения «Уралкварцсамоцветы»? Действительно, получается «кот в мешке»! Почему не решить проблему наоборот: ювелир сам отбирает себе камень. В его голове возникает идея произведения, и, наверное, камень в этом замысле играет значительную, если не решающую роль. Поэтому когда художник имеет лишь случайные и не всегда безупречные, с точки зрения закона, поступления камня, его творчество прямо зависит от этих случайностей. Следовательно, и пути дальнейшего развития традиций идут зигзагами, о которых потом и вспоминать будет стыдно. Не тут ли мы терем связь с прошлым и постепенно встаем на путь создания массовой бижутерии из золота и холодно-бездыханных искусственных камней? Кстати, не парадокс ли: природные камни идут в недрагоценном мельхиоре, а искусственные — в драгоценном металле? Как можно было приравнять искусственный и природный камень даже при полной тождественности физических свойств?

Профессионалы, которые не беспокоятся о грядущей своей смене, когда-то уйдут. Кому передавать традиции? — весьма немаловажный вопрос. На Урале, казалось бы, есть преемники и в лице выпускников Свердловского художественно-промышленного училища № 42, Уральского училища прикладного искусства в Нижнем Тагиле и ряда других. Эти учебные заведения выпустили не одну сотню юных умельцев. Совсем недавно более двадцати учащихся свердловского училища были награждены медалями ВДНХ, а старший мастер этого училища В. Рысин — один! — имеет 18 медалей. Однако все это по камнерезным изделиям! А кто из ювелиров — недавних выпускников этих училищ — может претендовать на творческую зрелость? Кому можно верить дело продолжения уральских традиций от мастеров старшего поколения? Назвать пока некого, а следовательно, и здесь не все благополучно, и это неблагоприятно прямо связано с теми условиями, в которых работают наши лучшие художники-ювелиры. Условия отпугивают молодых. Не пора ли серьезно задуматься о грядущей смене?

Но, пожалуй, самое главное, что вызывает тревогу, — это отсутствие уральской школы. Каждый художник сам по себе, со своими приемами и секретами. Молодая поросль ювелиров схватывает лишь внешнюю схожесть этих приемов, в то время как внутреннее содержание произведений для большинства из них остается за семью печатями.

Нельзя допустить, чтобы прервалась связь времен в ювелирном искусстве Урала. Уже и так дорогой ценой мы платили за невосполнимые утраты тех периодов, когда нить развития ювелирного дела у нас почти рвалась. Тому были объективные причины бедствий военных лет, но тому были и причины субъективные — в периоды пренебрежения и изгнания ювелирного искусства из жизненного обихода. Ювелирное искусство Урала — частичка духовной культуры советского народа, по которой далекие потомки будут судить о нашем вкусе. Что оставим мы им? Перстень «Летний вечер» из мельхиора со вставкой из обсидиана Пермского экспериментального ювелирно-гранильного завода, изготовленный тиражом в несколько тысяч экземпляров, или уникальный, в прямом смысле этого слова, кулон Леонида Устьянцева из серебра и дымчатого камня?

Аркадию Стругацкому — шестьдесят

В АГУСТЕ 1985 ГОДА ИЗВЕСТНОМУ СОВЕТСКОМУ ПИСАТЕЛЮ, ЛАУРЕАТУ ПРИЗА — ПРЕМИИ «АЭЛИТА» СП РСФСР И ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» А. Н. СТРУГАЦКОМУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 60 ЛЕТ.

— Аркадий Натанович, если смотреть глазами подростка, основного нашего читателя, то 60 лет — это громадная вершина, едва ли не Джомолунгма, достигнув которой невольно окидываешь взором пройденный путь: что сделано и что еще предстоит совершить! Когда начинаешь итожить то, что прожил...

— Худо-бедно, но мы с Борисом, моим братом и соавтором, написали двадцать повестей. Они увидели свет в двадцати двух странах, выдержали полтора издания. За количественные, так сказать, показатели можно быть спокойным, а вот качественная сторона... Тут все не так просто.

Начинали мы с Борисом как фантасты-приключенцы, не чужды были нам и романтические вѣяния, что соответствовало нашим тогдашним убеждениям. От повести к повести усложнялась тематика, усложнялись характеры героев. Я могу ошибаться, но все же думаю: менялся не столько Аркадий Стругацкий (формирование человека, его характера заканчивается к 25 годам жизни), сколько мир вокруг Аркадия Стругацкого. С годами все труднее воспринимается перемены, которые молодежь принимает как должное, естественное, и даже оцениваешь новое критически (это не значит — отрицательно). Растет, я бы выразился так, внутреннее сопротивление жизненного материала, постигать его все труднее. И вот эти неподатливость, сопротивляемость становятся мощным стимулом творчества. Отсюда же проистекает наше горячее желание отразить в своих произведениях сложную тематику века нынешнего и века будущего, отразить ее, естественно, через человека, ибо нас в фантастике всегда интересовал и интересует прежде всего человек. Я и мой брат мало удовлетворены сделанным, нам все думается, что лучшая работа — впереди. Из того, что успели создать, более всего отвечают нашим собственным воззрениям на современную фантастику такие произведения, как «За миллиард лет до конца света», «Второе нашествие марсиан», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер». Последняя повесть принята к публикации редакцией журнала «Знание — сила».

— Несколько слов о кино...

— Хотя по нашим сценариям поставлены три фильма, в кино мы все еще чувствуем себя новичками. Сейчас имеем несколько предложений — откликнемся на то, которое более всего подходит нашему сегодняшнему творческому настроению.

— От имени редакции и читателей сердечно желаем члену редколлегии нашего журнала здоровья, творческого долголетия!

— Желая читателям «Уральского следопыта» хорошей литературы, хорошей фантастики!

Интервью взял С. МЕШАВКИН



ПРОФЕССИЯ ДЛЯ НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН

Нина АНДРЕЕВА

«Геология — одна из тех профессий, куда трудно пробраться меччанству». Эта фраза из знаменитой «Территории» принадлежит ее автору Олегу Куваеву.

Трудно представить себе более не располагающую к уюту профессию. Хорошо смотреть со стороны: вот геологи маленькими партиями уходят из палаточного лагеря... На плече карабины, за спиной рюкзаки, лотки — сильные, красивые мужчины, которым сам черт не брат... Как в кино! Только в кино не покажут, как они начнут бить шурфы в вечной мерзлоте и как простудные нарывы пойдут по всему телу... Это проза жизни. А сколько геологов уходит в маршруты в единственном числе! Только ложная романтика может вызвать зависть: ведь он один-одинешенек наедине с природой, которая может быть и жестокой. Ради чего? За какие деньги, велики ли заработки-то?

Ладно, это область эмоций и воображения. Есть факты.

В лучших геологических вузах страны конкурс четыре человека на место, в иных — один к одному. Эти цифры называл на первом семинаре-совещании руководителей юношеского геологического движения, которое проходило в Миассе на Урале, В. А. Чернов, член коллегии Министерства геологии СССР, начальник управления по руководящим кадрам.

Символическая фигура геолога с рюкзаком за плечами и молотком в руках осталась в прошлом. В геологии пришла мощная техника, чувствительные приборы. В последние десятилетия активно развивается морская геология, на геологов работают космонавты. И тем не менее эта профессия остается одной из самых тяжелых. Prestиж геологии упал. Время увлечения романтикой прошло.

Геология, требующая мужества, знаний и просто огромных житейских навыков, уже сегодня ставит вопрос ребром: кадры!

И вот тут, где вроде бы, по русской пословице, в самый раз унасть, оказывается — соломка давно подстелена... Есть запас, есть резерв! Выход и реальную возможность подготовки кадров дает юношеское геологическое движение, получившее в нашей стране небывалый размах. Это движение, которому нет равных в мире, родилось на иркутской земле, по инициативе иркутян, а самое мощное развитие получило на земле уральской. Сами природные условия способствовали этому — раз. Давние традиции: еще до Великой Отечественной войны здесь были популярны и проводились экспедиции за полезными ископаемыми — два. И третье, основное, потому что всякое дело двигают люди — руководители, умелый подбор кадров, которые стоят во главе. Ими создана уже целая школа, и даже не одна! Школа руководства, воспитания, влияния.

Руководители юношеского геологического движения на Урале сразу поставили дело так, чтобы целью и смыслом его был настоящий, полезный труд, труд, дающий

отдачу. Это дело настоящее — не игра. И сама профессия эта — для настоящих мужчин; вневременен ее престиж для страны, для общества, как вневременны и неуязвимость, и мужество, всегда сопутствующие ей.

Вот сказать, чем занимаются, например, юные геологи Калининского района Челябинска — не всякий взрослый специалист об этом и слышал: поисками дешифровочных признаков аэрофотоснимков... Каждая порода при выветривании образует свой рельеф, и суть дешифрования снимков, сделанных с высоты, состоит в том, чтобы связать элемент ландшафта с той или иной породой. «Ребячье» дело?! Однако... Эти «детки» действительно академики! Не только в шутку так их называют экзаменаторы на слетах.

Главный геолог одного из производственных объединений, побывав во время слета на экзамене по минералогии, схватился за голову: «Андалузит... Я-то не могу его определить, а они ребятам предлагают! Ужас... Аксибитовое габбро, миаскит — да их только уральцы знают! Как же вы спрашиваете об этом новосибирцев, ташкентцев, ереванцев?!» Вот, представьте, а знать нужно. До пяти тысяч минералов знать полагается хорошему геологу. И есть такие ребята, что знают, — семь пядей во лбу. На секциях иные доклады идут на уровне студенческих научных обществ.

Эти ребята и должны быть грамотнее, и должны знать намного больше, чем обычные школьники.

А надо ли — так?.. Ведь главное в том, что они заняты делом, что умеют дружить, учатся житейским навыкам...

Много лет между руководителями — геологами и педагогами Челябинска и Свердловска — идет яростный спор. Лозунг у тех и у других — воспитание через геологию. Опыт у тех и у других богатейший. Но, в двух словах, у свердловчан крен — чуть-чуть — в «жесткую» геологию, а у челябинцев — опять чуть-чуть! — в «мягкую» педагогику.

Челябинцы умеют обставить свою работу педагогически безукоризненно: они могут провести областной слет где-нибудь на пlyingтеплеходе, они считают, что система баллов на слетах слишком жестка и неприемлема, что ни первых, ни последних мест присуждать не следует — дети все должны быть победителями. Бывало так, что челябинцы проводят слет — никаких мест вообще нет, свердловчане проводят слет — распишут вплоть до сорокового места...

Свердловчане придерживаются принципа: соревнование есть соревнование, кто сильнее — тот и должен быть первым. Почему на всесоюзных следопытских, краеведческих, туристических сборах не стесняются распределять места? Почему при приеме в школу юных математиков в Академгородке не позволено обижаться — кто сильнее, кто слабее?

Более того. Слеты юных геологов со всем их геологическим многоборьем должны быть приравнены к типу

спортивных соревнований, ведь там же не только ответственная, но и огромная физическая нагрузка, затрата сил и энергии очень велика. В самом деле, даже по финансам: если на слет дается 1 рубль 73 копейки на участника, то на соревнованиях — 2 рубля 30 копеек. Усиленное питание никак бы не помешало мальчишке, выкладывающему все силки для победы своей команды, своей юношеской геологической партии. Кстати, и свердловчане тоже кое-что смыслят в педагогике: они выдумают сотни поводов, чтобы наградить подарком даже ничем не проявившую себя команду.

Щадящий метод челябинцев и суровый подход свердловчан — они оба правомерны, и сам спор закономерен: это особенности роста такого молодого «организма», как юношеское геологическое движение. Недаром же есть смысл говорить о школе этого движения и руководства им на Урале, или даже о двух школах, каждая со своим сложившимся методом и подходом.

Этот многолетний уральский спор между «мягкими» южанами и «нордичными» северянами жизнь разрешила весьма парадоксально. Челябинцы добились системы пересмотра подсчета баллов на слетах в сторону любезного им смягчения. А свердловчанам присуждена премия Ленинского комсомола за 1983 год, и «виной» тому или причиной стал именно жесткий, профессиональный подход к делу. Не в обиду челябинцам — профессионально их ребята ничуть не слабее.

Разве дело в спорах?

Есть факт: именно на Урале юношеское геологическое движение получило размах и породило традиции. Именно на Урал едут «обкатываться» на слеты молодые команды из других областей и республик — ругаются, жалуются на строгость условий и «профессионализм», но едут и учатся. Именно на Урале руководители движения добились признания юношеских геологических партий в статуте трудовых бригад, чья работа засчитывается как участие в легкой трудовой четверти. Именно здесь большое число ребят идут в геологические институты, впервые создаются кабинеты геологической профориентации, решен вопрос о том, чтобы оплачивать труд юных геологов, вводя их в ранг полноправных членов геологической службы.

Многолетней планомерной работой руководители геологи Свердловска и Челябинска доказали смысл существования юношеских отрядов, добились профессиональной отдачи «воспитанием через геологию».

Труд, а не игра в труд!

...Кто из них, из этих ребят и девчонок, не мечтает открыть месторождение! И открывают. В Государственной книге заявок уже не одним десятком номеров обозначены их первооткрывательства. Классические уральские примеры: открытие месторождения олигоценовых глин ребятами из Первоуральска, месторождение аметистов недалеко от Миасса, «автором» которого стала Валя Кириллова, бывший юный геолог Пластовской средней школы (теперь она — настоящий геолог). Гордость челябинцев — Лемезинское месторождение декоративных известняков, огромные запасы — 5 миллионов кубометров, открытое школьниками Сатки. Одно это месторождение окупает сразу все затраты, ушедшие на организацию юношеских походов за двадцать пять лет.

Их очень много, этих открытий, сделанных ребятами по всей стране. Школьники Якутии — гончарная глина. Харьковчане — мел и песок для строительства. Донецкие юные геологи — халцедон. Башкирские ребята — листевит и яшмы. В Нахичевани — целебная соль. В Ишиме — дефицитные для этого района песок и гравий. В Кирово-Вадке — селитра. В Ленинградской области — минеральные красители. В Магаданской — перспективное рудопроизводство...

Не в одних открытиях дело. Экономическая эффективность от вклада, который вносят юношеские геологические партии, есть всегда. Вот маленький документ, подтверждающий только одну работу, проведенную по заданию геологов, совершенно рядовую. «Руководство Верхнеуральского дорожного участка № 950 выражает большую благодарность отряду юных геологов из школы № 3 Верхнеуральска, оказавшую при изыскании карьеров по добыче щебня для строительства и ремонта дорог. В представленной ребятами пояснительной записке конкретно освещены все основные вопросы; хорошо выполнен геологический план расположения карьеров, разрезы к подсчету запасов, дано новое описание структуры залегания сиенитов. Все это говорит о добросовестной и качественно проделанной работе. Главный инженер А. Перевозник».

Только по Уралу ежегодно экономический эффект от работ, проделанных ребятами-геологами, составляет 25—30 тысяч рублей. Главная же ценность в том, что юные геологи дают богатейшую информацию. Промытые ими в летних экспедициях шлихи и взятые пробы изучаются специалистами-геологами, сопоставляются с архивными материалами, позволяют сделать вывод — перспективен этот район или нет, может он представить сегодня интерес или нет. Это не просто помощь, это — разведка, и разведка в масштабах небывалых, там, где у взрослых геологов пока не доходят руки, там, где им нужно выполнить именно сегодня срочную и важную работу, которая не сегодня-завтра будет иметь большое практическое значение.

Из тысячи заявок, поданных за прошлую пятилетку юношескими партиями, двести представляют практический интерес.

Вот уж поистине, никакого любительского отношения — все по-государственному!

Воспитание? Да, безусловно. Коллективизм, дружба, интересное занятие в каникулы и в течение всего учебного года. Но — и само дело, и ответственность за порученное, и польза.

И, конечно, кадры...

«Мы рассчитываем на ваш контингент», — говорят на Урале директора горных техникумов.

Рассчитывают и вузы. Математика пока не утешительная. По данным Министерства геологии СССР ежегодно 60 000 (конечно, не только из числа юных геологов) человек подают заявления о поступлении в высшие геологические учебные заведения. 15 000 поступают. 8 тысяч потом, работая по специальности, числятся в министерских реестрах. Цифры упрямо говорят, что популярность «романтической» профессии падает.

Юных геологов в стране 300 000. Конечно, столько специалистов и не требуется... Но ориентация здесь точна, и работает она прямо на профессию.

Центральная уральская комиссия по юношеским геологическим походам ежегодно выдает 30—35 рекомендаций для поступления в среднетехнические и высшие учебные заведения. Только на Урале за двадцать шесть лет шестьсот ребят стали геологами. Южно-Сахалинск: двадцать семь человек поступили в вуз за три года из числа ЮГП. В Ереване одна из юношеских партий в полном составе подала заявление в вуз. Во Владивостокском политехническом институте обучается одиннадцать юных геологов. Башкирия — десять человек. А Пермь, Челябинск, Курган, Тюмень?..

Нет, не грозит геология безлюдье. Не оскудеет одна из самых красивых и тяжелых профессий, не останется без работников.



СВЕТ СОЛНЕЧНЫЙ

Рисунки Л. Баранова

Анатолий КАРТАШКИН

Чего испугнулся-то? Сиди, не бойся, филин это. Рано еще, не время. Я скажу когда.

Ты про ольмень-цвет от кого узнал? От Вовки? Я думал — от Алексея Борисовича... А Вовка, как он там? Ну? Неуж до выставки допустили? Гляди, название какое изобрел — «Свет солнечный», великое название... Чего ж мне-то, хитро-ванец, ни строчки? Картину его выставили, а он — молчок. Первая... Мало что первая, отец ведь.

Брось-ка еще хворосту. Вон оттуда. Люблю, когда полыхает.

Ох, и микробы же эти искры! Вьются, мельтешат — ну ведь комары комарами, а как взгляд удерживают — не оторвешься, звезд не надо. Думаю, в движении вся их завлекательность, в нем все дело, в нем. Ишь, потрескивает...

Вовка-то у меня, браток, не от Алены. От первой жены, от Натальи. В город она сбежала, с úplномоченным. Вовке и четырех не было.

Загулял я тогда. В кузнице под вечер напьюсь да в лес, в чащобу. Потом на луга выхожу, останавливаюсь — тишина, звезды. Песни едва-едва доносятся, откуда — не понять. Натальин голос чудится. Стою, слушаю, а внутри рвется все. Время подойдет, звезды падать начинают, от земли холод восходит, тут я и вспоминаю — Вовка-то дома один! Очнись, дух переведу — и в обратный путь. Прихожу, а там Алена сидит. Вовке сказки рассказывает и своего Сережку качает.

Глянь-ка там — картошка не испеклась еще? Выкати ее, выкати. И попробуй. Осторожно... Ешь сам, я не хочу.

У Алены-то тоже жизнь искося дала. Морячок один заезжал к ней, с загранплавания. Заезжал, гудел, а после — бац! — письмо. Так, мол, и так, Алена Никитична, большое к вам извинение. Скоро приехать не смогу ввиду большой дальности пути к вам... И баста. Моя-то попозже ушла, когда Алениному Сережке полгода уж было. Ну, дальше что? Дальше у нас с Аленой еще трое народилось, два парня и Настюшка. Ты их видал.

Не спишь еще? Гляжу, задумался... Так и за-

жили. Помню, под Новый год я в Москву нала-дился. Гостинцы там, обновы. Я в Москве, вообще, не впервой, а тут стеклянный магазин увидел. Дай, думаю, зайду. И зашел. И — встал. Чудеса, я аж обмер! От стен блеск идет, будто перезвоны престольные, с прилавков — сверканье. Вазы стеклянные стоят, а на них — рубиновые вишенки и листочки ярко-зеленые. Лучи играют. По бокам графинов изогнутых колокольчики распускаются да незабудки. Сам насквозь светлеешь. Бокалы — стекло длинное, прозрачное, чисто вода родниковая, и отблески, а по борту иней морозный пущен...

Взыгрался я, накупил сокровищ этих стеклянных, иду, радуюсь. Снежок поскрипывает, солнце в глаза ярчит, воздух в небо тянется. Настроение майское. А вот не подумал, голова оглашенная, сколько еще до дому добираться. Ну, и привез — одни черепки разноцветные. Наталья бы мне баню за это с наждаком устроила, а Алена...

— Ничего, — говорит, — проживем без ваз. Как жили, так и будем.

И все. И ни слова. И пошла во двор — корову доить. Меня, понимаешь, даже досада заела. Старался как-никак, издадека вез. Хоть бы что-нибудь отметила! Вот Наталья непременно бы ситуацию охарактеризовала, ни за что б не пропустила... Я — за Аленой.

— А вообще-то — как? — спрашиваю. — Покупать-то стоило аль нет?

— Чего ж, — отвечает, — не стоило? Ты их лучше в чемодане б вез, и не побились бы, а рюкзак — что...

Ну, и ладно. Зато детишкам радует. Осколки враз расхватали — на солнце смотреть. И хохочут.

Ну-к, это... Тихо! Слушай. Лес гудеть начинает. Слышишь? Мудрость его глубинная поднимается. Ночного леса не бойся. Пугливый глаз много не увидит. Слышишь — ти-ихо нарастает... Погодь, посиди пока, я гляну...

Как ты тут? Не дрожишь? Дальше? Сейчас, примощусь только... Назавтра с утра встал я, постелил на стол скатерть и сел газеты столичные читать. Беру «Советскую Россию», четвертую

страницу оборачиваю — батюшки! Фотография — мои вазы да бокалы. И огромная статья про стеклодувов, про город их, Гусь-Хрустальный, что между Владимиром и Муромом.

Прочел я. Потом встал и во двор вышел.

Морозец. Снег блестит. Солнце лучами покалывает. Вот так-так, думаю, значит, их любой каждый выдуть может, — и душа во мне разрастается.

По весне поехал в Гусь-Хрустальный.

Оробел сперва. Два дня подойти к заводу не мог. Машины — где мне, думаю, деревенщине! Уж уезжать хотел. Да повезло — познакомился с рабочим одним, Иваном Веригиным. Большой мастер стекла, высшей квалификации. Рассказал мне про Ломоносова нашего, как тот двадцать тысяч оттенков цвета получил.

— Вот, — говорит, — где работа была. А тебе — что? Начни да не бросай — вот и весь секрет производства. Рецепты есть, инструмент какой дам. Выдувай на здоровье, раз зацепило. Все лучше, чем стопка-то.

Вернулся я домой, и за дело. Поташ, соду из Москвы захватил. Песок, глина — под ногами, нагибаться не ленись. Огонь — в кузнице, трубку Иван Веригин подарил. Хорошо первый пузырь помню. Почти в ладонях его выпестовал, солнышко это крохотное. Жаркий такой, светящийся. Вся деревня сбежалась. А передохнуть нельзя — назад воздуха раскаленного глотнешь. Федор тут, сосед мой, встает ни к чему, советовать начал — ты так, ты этак. Я-то, дурак, пальцем трубку пережал да горланул на него. Вот пузырь кривой и получился — разве сразу два дела делаешь?

Книги у меня завелись. Кто куда едет, уж знает — мне книги по стеклу. Вот, к примеру, — первая бусина из искусственного стекла когда была сделана? Неважно, что ты по живописи, когда? В Древнем Египте, почти пять с половиной тысяч лет тому назад, вон когда еще. Небось не знал?.. Про знаменитое венецианское вычитал, про филигрань ихнюю. О гусевском хрустале, конечно. О русской алмазной резьбе. Постигать начал премудрости.

Правда, стекло у меня пока шло простое. Чистое, без мошки, но простое. А хотелось цветное, как на фотографиях.

Тут, видишь ли, милоч, закавыка — для цветности добавки требуются. Скажем, свинцовая окись или там цинковая. Или даже бариевая. Чехи, к примеру, окислы натрия используют — от этого стекломасса разжижается, не такой вязкой становится. А в нашем райцентре откуда такие окислы? Про них и не слыхал никто. Думал я в Москву махануть, да все недосуг — то корова



телилась, то Сережка болел. И вдруг — Вовка:

— Ты, — говорит, — батя, чего все одним и тем же песком садишь? Попробовал бы разные. Глянь вот, какой суглинок под ольмень-цветом особенный.

Послушался я его. И не зря. Хотя цветности, сразу скажу, не получилось, но открылось другое интересное дело.

Вон, гляди! Звезда покатила. Ишь, чиркнула. Скоро, значит, и ольмень-цвет раскроется... Лес-то? А что лес? Ворчун он старый, вот и гудит. Гудит...

Знаешь, об чем я сейчас вдруг подумал? О жизни своей. Об Алене. Это ведь как бывает —

сидишь, в мозгах что-то тлеет, а все незаметно, потом — р-раз — как полыхнет, и глаза открываются. Понимаешь, ведь если б не Алена, не сдюжить бы мне этот воз. Ну, я про стекло. Была б со мной Наталья — ничего бы не случилось, запрягла бы меня под каблук, такого бы стекла мне показала, шелковый бы стал. А на Алене — и дом, и огород, и ни разу худого слова не слышал. Вот и суди, кто больше сделал — я или она. Благодарен я ей ужасно. Очень благодарен. У тебя-то есть жена? А, ну ищи, ищи...

Короче, полюбил я это дело огненное. Стоишь в кузнице, жар прямо бетонный, по стенам сплохи гуляют, чистый змей-горыныч. Зато сделаешь — такая красоверть со всех сторон!

Выдул я раз сосуд, Федор для тестя просил, выхожу, потный, колени дрожат. Тут Вовка подкатывается:

— Что скажешь, батя? — и листок бумаги мне сует. Хотел я гукнуть на него — чего, мол, другого времени не нашел? А у него там солнце золотое нарисовано. И сияет, даже вроде дымок над листом вьется. Сдержался я, только кашлянул.

— Где краски такие добыл? — спрашиваю.

— А вот, — отвечает. Ставит на пенек графин, что с собой принес, кунает туда кисть и второе солнце рядом рисует, еще ярче прежнего. Вижу, графин — мой, кажись, даже вчерашнего изготовления. Хватаю его и над пнем переворачиваю. А ничего не выливается, даже на капает. Я держу, жду, а Вовка расхохотался:

— Нету краски, — говорит, — нету, батя! Свет солнечный рисует! Графин же на солнце стоит, понял?

— Погоди, — отвечаю, — суглинок из-под ольмень-цвета к нему, что ль, добавляли?

— К нему, — кивает, — к нему.

Вот дела какие. Тут, чувствую, ветерок подул. Деревья зашумели, прохладно стало. А у меня из-под души улыбка всплывать стала. Вот это да, думаю, вот те и свет солнечный!

Скоро в Москву собрался. За окислами. Еду и в голове перебираю — что ж это за ферменты такие на стекло повлияли? Только разве без образования специального решить такую проблему? Тут сперва мыслей подсобрать надо. Может, думаю, московские ученые чего скажут?

А ну стой... Еще две звезды вниз пошли. Ага, и гул лесной меньше стал. Теперь жди. Еще три... Четвертая... Ух ты, какой водопад сыпанул! Давно салюта такого не видал. Идет и идет, откуда что берется... Сейчас должен ольмень-цвет откликнуться...

— Гляди! Вот он, ольмень-цвет!

Ишь, светится. И ночи не боится. Необычный

свет, потаенный, изнутри идет, будто рассказывает что-то. Деликатный...

Ну вот, все. Закрылся ольмень-цвет. Поглядывай — хорошо, теперь до следующего раза. Днем-то его искать — только зря время тратить. Вон и лес опять загудел. Садись обратно к огню, дальше ночь переждать будем.

Ну? Чего молчишь-то? Как тебе ольмень-цвет? Ничего? И все? Ты, вообще-то, из него — что, картину рисовать будешь?.. Ладно, седи, я за хвостом схожу...

Вот. До утра хватит. В Москве? Чего в Москве? А, про ученых... Ну, дали мне в справочном киоске адрес, я добрался, разыскал институт. Поначалу поплутал порядком, пока, наконец, на Алексея Борисовича попал. Он рассказчивый оказался, очень объяснительный, целой лекцией меня просветил. Я только сижу да записываю... До сих пор слова помню — «инверсные свойства фильтрующих способностей», «генерация фотонов», «нелинейное индуцирующее поглощение»... Мать честная, сколько слов умных на белом свете! Наверняка больше, чем глупых.

Потом уж он сюда приезжал — на графин взглянуть. А я уж таких восемь штук надул, мне Сережка помогать начал, да и Настюшка просила для рисования. Он говорит:

— Мы массовый выпуск твоего стекла наладим. — И графин подарить попросил. Я говорю:

— Кокнешь ненароком в дороге. Обожди до массового выпуска.

Он вздыхает:

— Э, у нас от идеи до реализации лет пять проходит, не меньше. Ждать-то сколько... А я в свободное время порисовать люблю.

Подарил я ему графин. Он и уехал.

Потом письма были. Мно-ого. Я целый архив собрал. Писали, что послана заявка, что собираются включить в план, потом — что временно отложено, потом — что направили повторный запрос... И пошла канцелярия. Знаешь, я иногда думаю — неужто есть такие мужики, которые целиком на одной только переписке и содержатся? Чудно...

Тем временем у меня, милоч, дело-то шло. Часто вспоминал наказ Ивана Веригина — начни да не бросай, вот и весь секрет производства. Заполонили меня стеклянные дела. И однажды словно прозрение нашло. Почему бы, думаю, ольмень-цвет в расплав не кинуть? Где раньше такая мысль гуляла, не знаю.

А тут Вовка на чердак полез и лестницей окно высадил. Я оконных стекол никогда не вытягивал, но раз оказия, решил попробовать. Полу-чилось. Неровное, правда, разнотолстое, но вполне пригодное для чердака. С растворенным оль-

мень-цветом. За это стекло мне награду после дали.

Ну, вот, а летом Алексей Борисович приезжает. На дворе солнце печет, птицы надрываются, а он хмурливый какой-то и в шляпе.

— Никак случилось чего? — спрашиваю. Он кивает и сразу бухает:

— Отказали тебе, Денис, — на пень садится и в землю смотрит. — Решение принято.

— Как же так? — говорю, хотя в момент все понял и объяснять не надо.

— Суглинок этот, — отвечает, — в других областях ищут, да пока нету. Стало быть, запасы его ограничены. Это раз. Потом — графины у нас производятся? Производятся. А краски? Тоже производятся. Для чего же их в один гибрид объединять, а? Вот и все. Я извиниться перед тобой приехал.

Жалко мне его стало. Помолчали мы. Наконец говорю:

— Ты, Алексей Борисович, до завтра побудешь или как?

— Побуду, — кивает.

— Тогда, — говорю, — пошли.

И на чердак его повел. А там у меня медный таз наполовину солнечным светом налит. Луч-то солнечный, что из окна идет, прямо в таз упирается. На чердаке яркость — углы зажмуриваются.

Алексей Борисович даже руку от света поднял.

— Это что же? — бормочет. — Эффект внутренних переотражений?

— Нет, — отвечаю, — не эффект это. А вот что... Давай-ка его вниз снесем, он тяжелый.

Вынесли мы таз к огороду, там я его один перехватил, взял крепко, пристроил на боку. Алексей Борисович стоит и молчит. Смотрит.

Я горсть света из таза зачерпнул и на огород размашисто бросил. Зернышки яркие на землю упали. Лежат и светятся, будто капельки. Я еще шагнул — еще горсть. Еще шаг — еще. И так — по всему огороду. Шагаю и бросаю.

— И что будет? — Алексей Борисович как был в шляпе, так и взопрел.

Вытряхнул я остатки и говорю:

— Все. Идем, поешь. Проголодался, поди?

Наутро проснулся я, поднялся — и бегом к огороду, смотреть. А там за одну ночь колосья поднялись. Тяжелые колосья пшеницы спелой. Все ладные, высокие да золотые — дети прекрасные матушки-земли нашей да яркого света солнечного!..

СКАЗКА

Адлер ТИМЕРГАЛИН

Сказка начинается так.

Ранним утром конюх Фахретдин запряг в водовозку мерина по кличке Волчья Сыть и отправился за водой. В лесу недалеко от деревни из горы бил родник. Встав на железную трубу, брошенную через ручей, Фахретдин набрал водицы и хотел напоить своего овра. Лошаденка ткнулась мордой в измятое ведро, фыркнула, но пить отказалась. Это несколько нарушило заведенный ритуал. Фахретдин еще раз подsunул ведро. Меринок закосил глазом, попятился.

— Повыпендривайся у меня! — пригрозил конюх и начал другим ведром наполнять здоровенную бочку.

Сам он воду не пил вообще.

Вернувшись в деревню, Фахретдин первым делом постучал в окно дедушки Гильмуллы и визгливо запричитал:

— Воды привез, воды!

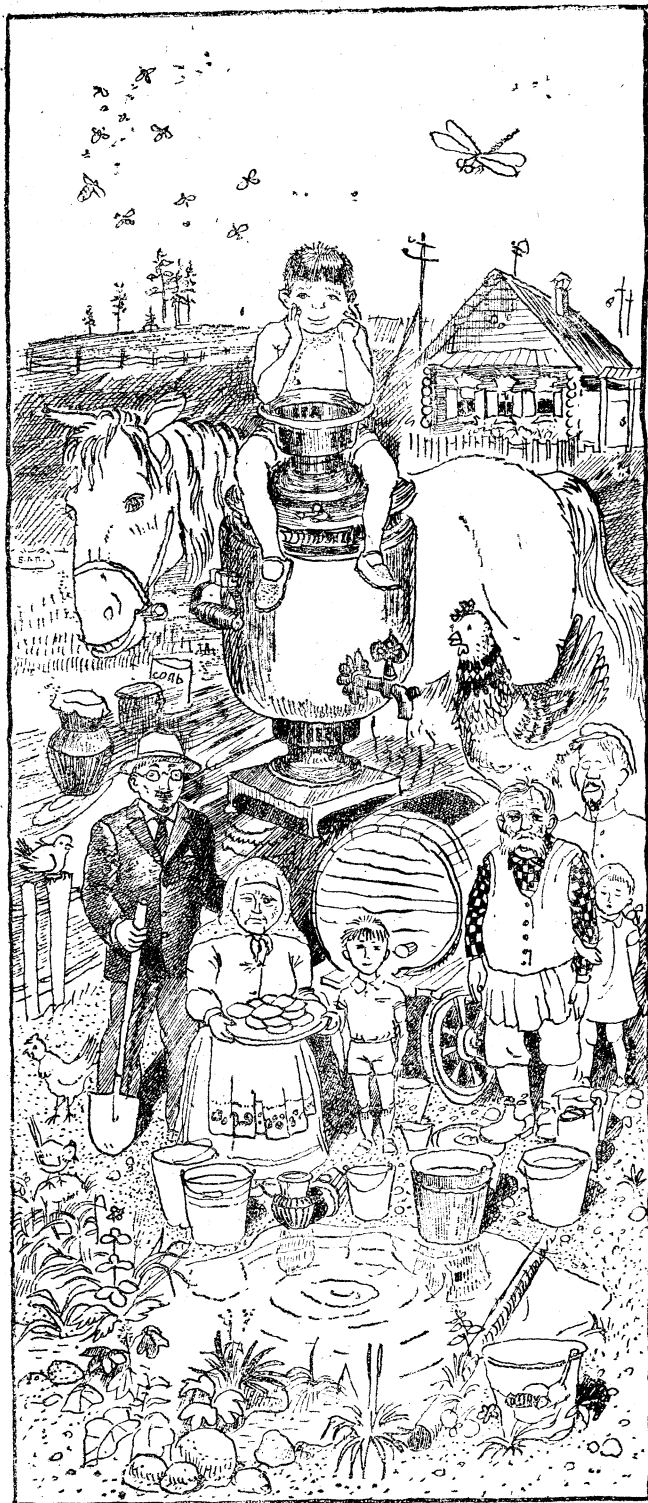
— Иду! — поспешно откликнулся тот.

Теперь центр сказки перемещается в дом дедушки Гильмуллы.

Подоив и выпустив корову в стадо, бабушка Сахибджамал насыпала курам зерна, разожгла самовар, налила в казан молока и поставила на огонь. Сходила в курятник и принесла полный подол яиц. Потом замесила тесто для пирожков с картошкой, которые обожал внук. Рашид приехал на лето из города и быстро стал в доме полновластным хозяином. Он уже рассыпал бабушкины четки, разбил самый большой горшок, засунул в леток улья палку. Ему все сходило с рук, если не считать нескольких пчелиных укусов.

Бабушка Сахибджамал накрыла на стол. Наступило святое время, когда дедушка Гильмулла садился к самовару и пил вприкуску густо заваренный цейлонский чай.

Он сам нацедил в цветастую чашку дымящийся кипяток, осторожно наполнил блюдце, аккуратно установил его на кончиках пальцев правой руки, левой взял кусочек колотого сахара и, зажмурив глаза, сделал первый глоток. Однако вместо блаженства на его лице изобразилось крайнее неудовольствие. Дедушка сердито заморгал глазами, недоуменно посмотрел на зажатый в пальцах сахарок и хлебнул еще раз.



— Ах, бездельник! — сказал он с чувством.
— Что еще не так? — справилась бабушка Сахиджамал.

— Он набросал в самовар сахару.

— Рехнулся, старый? Рашидик на такое не способен.

В ее голосе не доставало уверенности.

— Негодный мальчишка! — сказала она через секунду, пригубив свою пиалушку. — Вот я ему!

Однако внука будить не стала, отложив наказание на более позднее время. Ей еще предстояло печь пирожки с картошкой.

Внучек проснулся поздно, так как вчера до ночи играл в лапту. Вставать не торопился, сонно пялился на синее небо и белые облака за окном. Однако по мере того как сладостные кухонные запахи достигали его ноздрей, жизненная энергия вновь начала наполнять тело. Он подумал о новом ярком дне, просторной деревенской улице, необозримом поле, густом лесе и издал первый вопль:

— Бабушка, есть хочу!

Вскочил с постели, натянул шорты, сбегал во двор и на обратном пути сделал вид, что умылся под рукомойником. На столе уже стояла кружка молока и грудились пирожки. Обжигаясь, схватил один и надкусил. Скривился недовольно:

— Бабушка, чего они сладкие?

— Бог с тобой, внучек!

— Попробуй сама. Придумала тоже — пирожки с картошкой и медом!

Бабушка Сахиджамал недоверчиво отведала кусочек. Внук не соврал! Бабушка схватилась за голову: уж не положила ли она сахару вместо соли? Однако вон на печном карнизе стоит банка, из которой она набрала полную ложку для теста.

Позвали на помощь деда.

Старый Гильмулла немедленно обвинил Рашида в подмене соли сахаром. В доказательство снял с печи банку, зацепил щепотку и отправил в рот. Выражение его лица показало, что в данном случае внук не виноват.

— Дедушка Гильмулла! — позвал с улицы конюх Фахретдин.

— Чего еще? — откликнулся дед, сердито плюясь.

— Выходи скорее, вода в роднике стала сладкой!

— Ты что, с утра заложил?

— Провалиться на этом месте! Сладкая, как шербет.

— Час от часу не легче!

Вместе со всей деревней сказка побежала к лесному роднику.

Воду пробовали из ладоней, отпивали из кружек и чашек, становились на четвереньки и пили прямо из ручейка. Вода была сладкая, как шербет, и даже слаще шербета! Толпа все прибывала. Люди пили, уступали место вновь прибывшим, собирались группками, оживленно обсуждали случившееся. Спор разгорался, но никаких истин не рождалось. Старики полагали, что это, мол, божье дело. Молодежь видела причину в сахарине, который неведомо зачем и неизвестно кто высыпал в родник.

Пришел колхозный агроном. Люди расступились, давая дорогу ученому человеку. Тот действительно не посрамил науку и проделал такой опыт: намочил ладони и высушил их на солнце. Тончайший белый налет покрыл кожу. Агроном лизнул палец и заявил:

— Сахар!

— Ура! — заорали ребяташки.

Агроном пошел дальше. Он сказал, что ничего удивительного нет. Уральская земля рождает нефть, соль, железную руду. Почему бы ей не производить сахар? Чем сахар необычнее соли?

Далее сказка развивается следующим образом.

В деревне наступила эпоха благоденствия. Воду возили бочками, молочными флягами, носили ведрами и кринками. Упаривали в казанах на медленном огне до консистенции густого сиропа. Лето выдалось плодово-ягодное, так что во всех домах варили компоты, варенья, джемы, повидло, мармелад, халву, шербет. Все городские родственники были обеспечены сладкими витаминами на три полярных зимовки.

Вода в медовом ручье не убывала. Толстый слой сахара покрывал прибрежные камушки, траву, камыш. Повсюду вились разнообразие пчелы и осы. Мед в ульях прибывал со сказочной быстротой, его не успевали откачивать.

Конюх Фахретдин нашел еще одно применение для сладкого сырья. Он добавил в родниковый сироп некий ингредиент, выждал определенное время, провел необходимые испарительно-конденсационные операции и получил искомым продукт. Да не обидятся на нас представители древней профессии, но конюх вдвое чаще стал напоминать сапожника.

Агроном, имени которого по веским причинам мы не называем, пошел еще дальше. Он решил извлечь из родника почести и славу, выяснив причину его сладости. Взяв в помощники мальчишек, принялся копать. За три дня они углубились довольно далеко, но тайна оказалась глубже. Обессилев, Рашид посоветовал:

— Давайте взорвем!

Идею признали гениальной. Агроном сходил к буровикам, которые неподалеку искали нефть. Соблюдая технику безопасности, заложил заряд, организовал оцепление и поджег бикфордов шнур. Прогремел взрыв, взметнув в небо землю и камни.

Первым к роднику подбежал Рашид. Он увидел развороченное русло, обнажившиеся скальные породы, несколько сломанных сосен. Дебит родника увеличился втрое. Из-под земли хлестал мутный поток, омывая камни и быстро заполняя воронку.

— Ура! — крикнул Рашид и, сорвав шорты, прыгнул в воду.

Он тут же выскочил обратно, так как, во-первых, вода была ледяной, а во-вторых, она омерзительно пахла тухлыми яйцами.

Сладость же пропала совсем.

Деревня лишилась не только сиропа, но и питьевой воды. Теперь ее приходится возить из-за леса и двух гор. В связи с этим односельчане прокляли агронома и дали слово навсегда забыть его имя.

Конюх Фахретдин надрал уши городскому мальчишке Рашиду.

Вот как заканчивается сказка.

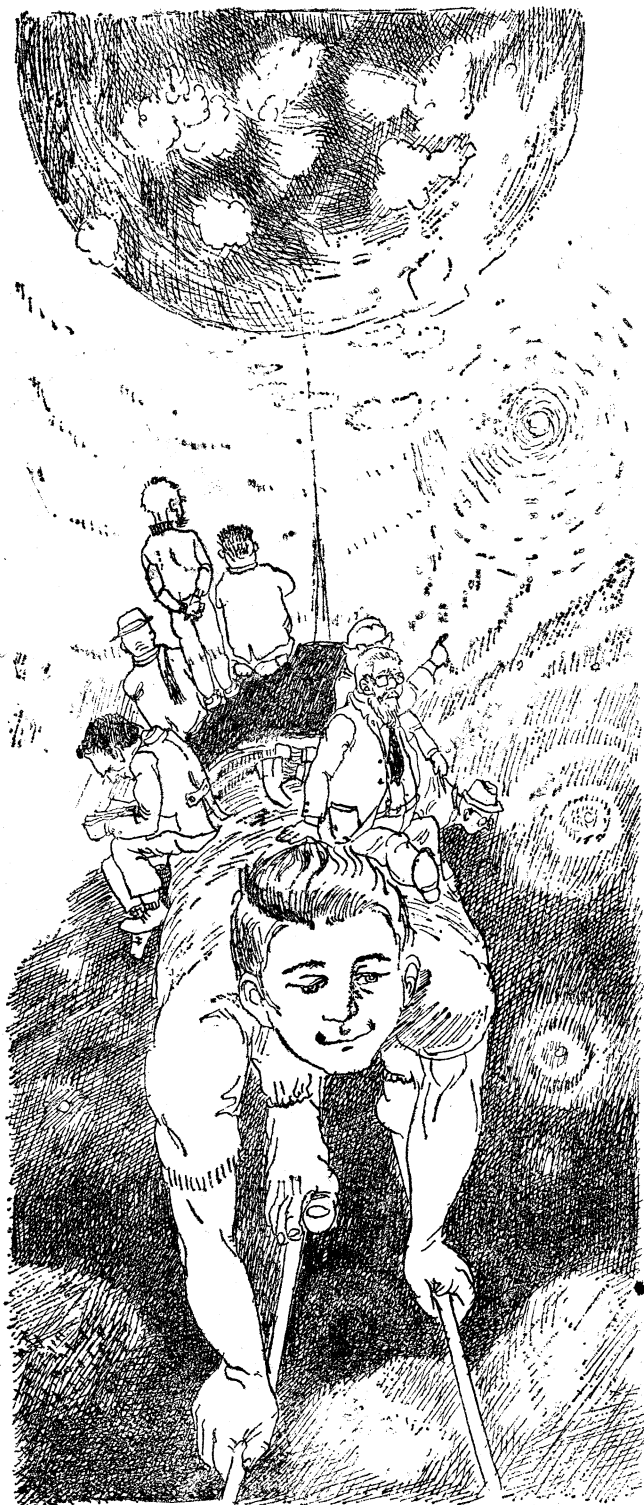
*Перевел с татарского
Спартак Ахметов*

ПАРАЛЛЕЛИ

Евгений СЫЧ

Утром Семен вышел во дворик и некоторое время ходил кругами. В голове и во всем теле чувствовал он не то чтобы легкость, а нечто такое, летящее, потребность то ли делать немедленно какую-то работу, то ли бежать немедленно куда-то и зачем-то. Но бежать было некуда по случаю воскресенья, делать нечего потому же, а заниматься зарядкой, хоть и очень хотелось, Семен считал неприличным — вырос. «Дров бы нарубить», — подумал он и расстроился: какие тут дрова, тут газ.

В задумчивости Семен обошел дом вокруг.



Тихо было по-воскресному, и только в садике, за домом, стояли и оживленно о чем-то разговаривали какие-то люди интеллигентного облика. Стояли они на земле, стараясь не мять, не топтать ни траву, ни цветы, ни, упаси, боже, сирень. Из земли, из-под самых ног их, выходили и уходили вверх, в небо, и терялись в этом небе — только не вертикально, а наискось под углом — две линии серого цвета, чуть блестящие. Было между этими проводами расстояние примерно в полметра, а там, в вышине, они вроде бы сходились. Люди вдумчиво, негромко, по очереди спорили. Семен послушал немного их спор, но по утреннему своему состоянию ничего не понял.

— Это что же? — спросил он. — Это что же вы тут, извините, делаете и чем занимаетесь? — Без угрозы спросил, просто и в самом деле стало ему интересно, что же это делают люди в воскресенье с утра в куцем садике за домом.

Те остановили спор и молча посмотрели на Семена. Был Семен по случаю выходного дня одет в чистую майку и тренировочные штаны — удобную городскую одежду. Армейский полубокс отрос на его голове до общих размеров, и надпись на груди, утверждающая категорично: «Сам дурак!», уравновешивалась строгой артиллерийской эмблемой: две синих скрещенных пушечки на плече.

Оглядев Семена, люди в пиджаках собрались было спорить дальше. Но один из них, седой, однако, вопреки очевидному возрасту смотревшийся на удивление молодо и бодро, глянул на Семена еще раз и заговорил с ним, как бы наскучив разговором с остальными.

— Вот эти линии — параллельные, — сказал он Семену.

И на лицах остальных отразились понимание и тоска, и некоторая обида, как будто объяснял он не Семену непонятное, а им — давно и хорошо известное, быть может, известное им даже гораздо лучше, чем этому, седому, который и объяснял-то как-то по-своему, не так, как надо.

— Вот эти линии — параллельные, — очень дружески, как старому приятелю, повторил Семену седой.

— А откуда они взялись? — спросил от нечего больше спросить Семен.

— Вот очевидный вопрос! — обрадовался седой. — Эти товарищи, — он широко показал на понурившихся остальных, — утверждают, что линии ниоткуда не взялись, а так и идут, так и тянутся из бесконечности в бесконечность и нигде не сходятся и не расходятся.

— Почему? — вежливо спросил Семен.

— Вот именно — почему! — еще больше обрадовался седой. — Должны они сойтись или разойтись, как вы думаете?

— А-а,—понял Семен,—это вроде рельсов на железной дороге: не сходятся и не расходятся.

— Нет, вы не так поняли,—чуть заторопился седой, а другие, в пиджаках, заулыбались, будто Семен понял именно так, как оно и было на самом деле.

— А занимаетесь-то вы чем? — поставил вопрос ребром Семен.

— Изучаем,— вздохнул седой.

— Что изучаете?

— Да вот, линии эти — сходятся они или расходятся.

— Что же вы тут, в садике, изучаете? Слазили бы и посмотрели,— усмехнулся Семен.

Остальные засмеялись, а один сказал: «А что? Это, пожалуй, мысли!» И они снова заспорили.

— Послушайте, а не могли бы вы сами слазить и посмотреть? — вдруг обратился к Семену седой.

— Хм,— усмехнулся Семен,— а зачем мне это?

— Но тут проблема особой важности, мировой значимости,— терпеливо, как непонятливому ученику, объяснил седой, а вся его компания, снова тихо, смутно заулыбавшись, стала отворачиваться, будто присутствуя при чем-то неприличном.

— Да нужна мне ваша проблема! — обиделся Семен. — Дела больше нет, что ли?

— Нет, в самом деле,— загорелся уже седой. — Если б вы сделали это, то оказали бы науке неоценимую услугу. И наука,— он посмотрел на Семена оценивающе,— вас бы не забыла и в ответной услуге не задержалась бы.

— Нужна мне ваша наука,— отрезал Семен. — И услуг мне никаких не надо.

— А про Нобелевскую премию вы слышали? — пошел с козырей седой.

Что такое премия, Семен знал, а про эту самую — не очень, но что премии бывают разные и что от премии, какой бы она ни была, ничего, кроме хорошего, человеку не бывает,— это он улавливал.

— Так что, за это — премия?

— Совершенно верно,— кивнула седая голова.

Семен очень внимательно уже вот минуту смотрел на собеседника и, кроме головы, ничего уже не видел.

— Это очень большая премия,— отдельно подтвердил седой.

— Ну так давайте,— сдался Семен,— давайте чем мерить, пока я не передумал.

Ему дали блестящий большой штангель.

— Вот видите,— показал седой. — Сейчас штангенциркуль,— он примерил к линиям,— разведен точно на эту ширину. Ваша задача определить там, вверху, очень далеко,— он махнул рукой туда, где терялись в небе линии,— определить, сходятся они или расходятся? Или остаются на той же ширине?

— А что ж вы сами,— засомневался опять Семен,— что ж не слазите и премию не получите?

— Да где нам,— устало махнул рукой седой,— просто сил не хватит, наша сила в другом: объяснить, обосновать. А потом, все мы утверждаем истину, каждый свою, и где гарантия, что, получив результат, тот из нас, кто его получит, не изменит самую малость, чтобы больше соответствовал именно его теории? А вы — лицо незаинтересованное, человек со стороны, свежий глаз. Свежий взгляд на проблему...

— Давайте,— окончательно решил Семен. — Ремень у вас есть?

— Какой ремень?

— Какие ремни бывают? Брючный.

— Нет, у меня, видите ли, подтяжки,— растерялся собеседник. — А зачем вам?

— А как же я штангель держать буду? В зубах, что ли?

Ремень сняли с самого молодого в компании: тоже в очках, но лет всего на тридцать смотрелся мужичок. Семен затянул ремень на впадом, мускулистом своем животе, засунул за него штангель, поплевал на ладони, сбросил сандалии и полез по линиям, благо поднимались они в небо не отвесно, а, как уже было сказано, под углом. Лезть было легко, больше того, хотелось лезть все дальше и дальше, быстрее и быстрее, наверное, потому как раз, что в воскресенье не нужно было работать, а Семен привык работать не глядя на календарь, в любой день недели. Зимой, конечно, меньше, но сейчас ведь не зима,— думал Семен. Обычно по воскресеньям неясная тоска и желание делать хоть что-то приводили его в тот магазин, что с одиннадцати, и до хорошего это, наверное, не дошло бы.

Вокруг было интересно. Семен, пожалуй, никогда еще так высоко не забирался. Сейчас он смотрел по сторонам, а больше — на землю, и открывающийся вид ему нравился. Земля была похожа на яркую игрушку, а небо вверху и впереди загибалось наоборот, выпуклостью вниз, и становилось мало-помалу фиолетовым, а совсем вверху даже черным. Это днем-то!

Семен осторожно, чтоб не упасть, сел на линии, они чуть пружинили, но вообще держали крепко. Вытащил из-за ремня штангель и смерил расстояние. Расстояние вроде бы не изменилось, только, если раньше штангель с трудом надевался на обе линии, чуть царапал, то сейчас, кажется, легче. Но в последнем Семен не был уверен. И потому решил пройти дальше, померить еще. Может, дальше совсем уж сходятся? Тем более усталости не было, вспотел только от быстрой ходьбы в неудобном положении, на четвереньках. Да ноги начала резать проволока линий.

И пошел Семен дальше.

И дошел он туда, где нечем стало дышать. Земля где-то вддали превратилась в голубой шарик, а солнце — в красный косматый шар, и какие-то еще шарики висели неподвижно или мельтешили, и все далеко. А линии тут кончились. Как обрезало те линии.

Семен потрогал рукой их твердые концы, но думать времени не было — дышать было нечем. Ну совершенно нечем! Он смерил еще раз расстояние. Так и не понять толком, сошлись линии или разошлись, если и была разница, то самую малость. Очень хотелось запустить штангелем обратно, в сторону земли, чтобы трахнуть по ученой лысине кого-нибудь из этих, втянувших Семена в глупость и чепуху, но Семен преодолел это желание, сунул инструмент обратно за пояс и, повернувшись, быстро полез назад, головой к земле, — ни верха, ни низа давно уже не ощущалось. И земля стала увеличиваться в размерах, и дышать стало легче, и небо из черного становилось синим, и внизу уже раскинулся город. Когда возможным стало угадать садик, где стояли, задрав головы, эти, больно умные за чужой счет, Семен остановился. Перевернулся нормально, головой вверх, и сел на линии. Отдохнуть, а заодно и подумать.

Обещал седой премию — это ясно. Говорил он, что линии сходятся или расходятся.

А другие как раз спорили, что расстояние остается такое же, где ни мерь. Ясно, тому надо, чтоб сходились-расходились, а этим наоборот. И никому не понравится услышать, что обрезаны линии, как веник. И никто не прав.

Но сходятся они или расходятся? Точнее, сходятся они должны или расходиться? Точнее, черт бы с ними, с линиями, сказать-то что нужно? Чтоб премию получить? Вот это Семену очень хотелось бы узнать. А подсказать некому. Сразу придется отвечать. Вон — головы задрали, как волки под елкой...

Так все-таки?

СОПУТСТВУЮЩИЙ ЭФФЕКТ

Александр МОРСКОВ

5 сентября 198... года. 22.45.

Сорокин спешил. До конца смены он хотел еще заскочить на аэровокзал. Там ему обещали продать по дешевке японский транзистор, и продавцу уже, наверное, надоело ждать. Не успел зажечься зеленый, как Сорокин рванул, обгоняя остальные машины. Пассажирка — пожилая полная женщина в черной плюшевой курточке, какие носят колхозницы, приезжающие в город, — только вздрогнула от страха. «Ничего, — подумал Сорокин, глянув на нее мельком и крепче сжимая руль. — Авось не вывалится». На следующем перекрестке еще горел зеленый, и таксист прибавил скорость. Вдруг на пешеходной дорожке мелькнула тень, что-то мягко ударило о капот, и тут же Сорокин почувствовал страшную боль в левом боку. Инстинктивно он нажал на тормоза и потерял сознание.

Такси развернуло поперек улицы. В это ночное время движение было небольшим, и шедшие позади две «Волги» сумели обогнуть машину. К месту происшествия вскоре прибыли работники ГАИ и «скорая». Врачи обнаружили сбитую девушку без сознания, водителя такси — тоже без сознания — и икающую от испуга пассажирку. Та была совершенно цела.

Лейтенант милиции Тарасов ничего не добился от гражданки Казаркиной.

— И не видела я никого перед машиной, и знать не знаю, откуда взялась эта девушка, а шофер ехал очень быстро, хоть я его и не просила, — вот и все, что показала свидетельница, приезжая из-под Тамбова, сорока восьми лет, ранее не судимая.

И лейтенант поехал в больницу. Пострадавшие в сознание еще не пришли, но рентгеновскими снимками врачи следователя снабдили. Тарасов небрежно бросил снимки на заднее сиденье машины, а в своем кабинете просмотрел их.

Часть наклеек на пленке отскочила, и с кого какой снимок сделан, было непонятно. Лейтенант решил, что разберется и так, по различиям в медицинском заключении. Но в бумагах было про обоих пострадавших написано одно и то же, одними и теми же словами. Перелом левой руки, трещина левого бедра, сотрясение

мозга — у девушки, перелом левой руки, трещина левого бедра, сотрясение мозга — у таксиста Сорокина. Удивившись, Тарасов еще раз внимательно просмотрел снимки. Изображения действительно были очень похожи. Тогда следователь наложил снимки один на другой: руку — на руку, бедро — на бедро, так, чтобы рисунок одной раны совпадал с рисунком другой. Зигзаги трещин и переломов совпадали до миллиметра. Только по тому, что коста на одном из снимков была чуть уже, он догадался: снимок сделан с девичьей руки. «Поразительно! — изумился Тарасов, покачав головой. — Будто оба под одно колесо попали! Но ведь Сорокин-то сидел за рулем!»

Лейтенант вынул фотографии, сделанные на месте происшествия. Вмятина на капоте была совсем небольшая. Через руки Тарасова прошло много дорожных аварий, и он безошибочно определил, что водитель при таком столкновении вообще не должен был пострадать. «Как это мне сразу в голову не пришло? — подсадовал следователь. — Ведь и пассажирка рядом с водителем ничуть не пострадала, если не считать икоту...» Он обхватил голову руками и тяжело задумался. Что же это получается? Сорокин был ранен до аварии? Но почему Казаркина ничего не заметила? И почему рисунки ран водителя и девушки совпадают? Да еще с такой точностью!..

8 сентября 198... года. 10.00.

Комиссар милиции Пирогов, плотный, приземистый человек с сединой в висках, встал из-за стола и медленно подошел к карте города.

— Итак, товарищи, — сказал он, — перед нами случай из ряда вон выходящий, уникальный случай. Я вызвал вас всех, чтобы, во-первых, никто не впадал в отчаяние из-за того, что его дело «не идет», а во-вторых, чтобы сообща прикинуть, где разгадку искать. Вот посмотрите на карту: кружками обозначены места, где произошли странные случаи убийств, наездов, двойных ранений, драк и так далее. Обратите внимание, все началось 5 сентября в 22.45 и продолжается до сих пор. Давайте взглянем на места событий, случившихся ровно в 22.45. Они располагаются по кругу радиусом в два километра. Затем круг начинает расширяться, на сегодня он захватил весь город и часть пригородов. У кого из вас самое свежее сообщение?

— Я сначала думал, что парень тот врал мне... — сказал в раздумье пожилой капитан Никонов. — В общем, задержали сегодня в 8.35



браконьера: лося подстрелил. Сам тоже раненый. Причем, как и лось, в правый бок. «Кто, — спрашиваю, — стрелял?» — «Да сам не знаю, — отвечает, — как вторым выстрелом попало». А я заглянул в двустволку — там один ствол только закопчен, и экспертиза не нужна. «Второй выстрел слышал?» — спрашиваю. «Нет», — говорит. Крутит, думаю, чего-то парень, видать, товарищey выдавать не хочет. А тут как вы, товарищ комиссар, успокоили нас, я и подумал. Можно сделать сравнительный обмер раны лося и бра-

коньера. Но я и без этого скажу: одинаковые у них раны — шестнадцатый калибр, и пули прошли под одним и тем же углом. Я потому парню и не поверил...

— Так я и думал, — кивнул комиссар. — А знаете, что находится в центре круга? — спросил он вдруг, оглядев всех повеселевшими прищуренными глазами. — Институт микропедиатрии. То есть больница, где лечат самых малюсеньких детишек! Кто из вас, товарищи, имел хоть какое-нибудь дело с этой больницей?

Капитан Терешкин при этом вопросе поморщился. Не хотелось ему снова связываться с институтом, но делать нечего, поднял руку.

— Вы, Василий Васильевич? — обрадовался комиссар. — А какое дело?

— Ребенок у меня там лечился, — буркнул капитан.

— Очень хорошо, — даже потер руки от удовольствия Пирогов. — Вот вас мы туда и пошлем. Выясните, почему все происшествя со странным исходом, можно сказать, вокруг самой безобидной больницы случились...

С неохотой поехал Терешкин в институт. Сразу нахлынули воспоминания. О том, как Катюша за две недели после выписки из роддома не прибавила в весе ни грамма. Как добрая детская врачиха Нина Васильевна выписала сначала моницидин, и он побежал в аптеку, страдая за свою «крохотку». А аптекарша прочла в рецепте: «Возраст семнадцать дней» — и ахнула: «Неужели такая маленькая — и уже антибиотик?»

Как потом Нина Васильевна отправила Катюшу с Леной в эту больницу, и по вечерам он приезжал встречать жену, потому что с ребенком ее на ночь почему-то не оставляли. А через четыре дня Лена сама заболела, и ему пришлось ездить в больницу по нескольку раз в день — возить материнское молоко. Мучительно было знать, что твоя «крохотка», которой именно сейчас так необходима мать, находится там одна. Небось заходится слезами, а медсестра просто не в силах уделять девочке внимание... Да, это были тяжелые воспоминания. Но, надо сказать, в больнице Катюшу вылечили как следует. Теперь ей уже три годика, девица хоть куда, только в росте от своих сверстников отстает.

Институт занимал громадную территорию. Белые корпуса с веселенькими занавесками на окнах были разбросаны. Много зелени...

Через несколько минут после того, как в кабинет директора института академика Лари-

на вошел Терешкин, в физлаборатории раздался звонок.

— Михаил Григорьевич?.. Николай Трофимович просит вас зайти к нему.

Завлаб Трубников еще не привык, чтобы его величали по имени-отчеству, однако делал все для этого и даже отрастил окладистую, прямотаки боярскую бороду, которая, впрочем, не очень-то его старила. Нехотя оторвавшись от расчетов, он запахнул белый кургузый халат и двинул в административный корпус. Вскоре позвонил оттуда:

— Андрюха, давай сюда! И Валеру с собой бери.

— А в чем дело? — спросил Андрей Тверской. Тоже бородатый и тоже, несмотря на это, весьма юный врач.

— А в том, дорогой, что нашим изобретением милиция интересуется...

Вскоре в кабинете Ларина собрался весь «ТТТ»: фамилия у инженера Валеры начиналась с той же буквы — Тихомиров...

— Расскажите-ка нам, пожалуйста, над чем работает ваша лаборатория, — снимая роговые очки, проговорил высоким голосом академик. Весь беленький, лучистый, домашний, он был едва виден за громадным столом. С трудом верилось, что это мировое светило в медицине...

Михаил пригладил свою черную бороду и стрельнул веселым голубым глазом в сторону милиционера.

— В доступной форме? — спросил он.

— В доступной, — солидно кивнул маленькой головкой директор. — Чтоб наш гость все понял.

— Мы, товарищ капитан, — начал Трубников, — пытаемся преодолеть непонимание между врачом и пациентом. У нас в клинике лечат людей в возрасте до года, так что если спросить нашего пациента: «На что жадуетесь?» — он, пожалуй, ничего вразумительного не ответит. Он только плакать умеет, и поди разберись: всерьез он плачет или по пустяку? Есть, конечно, много способов узнать, чем болен младенец, но они подчас неточны или болезненны, а иногда и вредны для больного. Поэтому мы хотим, чтобы врач почувствовал боль точно в том же месте и точно такую же, какую испытывает ребенок. Сначала мы изобрели шлемы. Один надевается на голову врача, другой — на голову пациента. При помощи электроники импульсы поступают от мозга малыша в мозг врача. Все бы нормально, но отвергли наш ТТТ-1: дорого, говорят, и громоздко. И тогда мы создали поле — на основе обычного электромагнитного. Оно заставляет врача чувствовать все, что чувствует ребенок. Аппаратура для ТТТ-2 неаппаратурно дешевле, но

во много раз уменьшились ее габариты. Сейчас новая установка проходит испытания.

— Когда вы начали эти испытания?

— Пару дней назад.

— А точнее?

— Пятого сентября, в 22.45.

— Все сходится! — воскликнул Терешкин возбужденно. — Вот что, товарищи изобретатели, где-то вы там у себя напутали. Ваш ТТТ-2 людей калечит, ранит их и еще черт-те что делает!

— Как так?! — вскопили изобретатели, а академик Ларин высоко поднял свои седые брови.

— А так! — откликнулся капитан и перечислил несколько странных случаев из тех, что были ему известны.

— Установка сейчас работает? — спросил академик.

— Да, — Трубников судорожно сглотнул.

— Срочно выключите ее!

— Нельзя, Николай Трофимович! — заторопился Трубников. — Я тут расчеты делал, и у меня какие-то сумасшедшие уравнения получаются. Может, где и ошибка проскочила, но выходит, что наше гиперполе как-то связано со временем. И если выключить, сегодня будет не восьмое сентября, а опять пятое. Надо бы еще посчитать, прежде чем отключать установку... К тому же насчет расширения поля я сомневаюсь. Не должно выходить!

— Миша, — остановил завлаба инженер, — говорил ведь я тебе, что на те конденсаторы не надеюсь. Может, течь где-нибудь появилась?

— Но ведь тогда поле не расширится, а сужаться будет! Напряженность-то при течи падает, — возразил сердито Трубников.

— Выключить установку все же придется, — твердо сказал академик. — Я, конечно, не могу сомневаться в ваших расчетах, Михаил Григорьевич. Мне, терапевту, не стоит спорить с вами, лучшим учеником академика Сорина и все-таки — время?! Это, простите, не укладывается в голове!.. Но не в том даже дело. Вы подумали о хирургах? Ведь самую простую операцию аппендицита невозможно сделать в таких условиях. Или, скажем, забой скота на мясокомбинате? А как будут питаться дикие животные? Да ведь если бы на нашей планете изначально существовал подобный эхо-эффект, земля так бы и осталась безжизненной, потому что в животном мире все едят всех.

— Бог с ними, с животными. А вот нельзя ли без хирургов обойтись? — спросил Терешкин.

— Ах, о чем вы говорите! — ужаснулся Ларин наивности милиционера.

— Капитан — за терапию, — заметил Андрей Тверской. — Я — тоже, ведь хирургия — это всег-

да насилие над человеческим телом. И вообще, тут, видно, дело не в поле. Мы же планировали только почувствовать боль ребенка. И я ее в нашем поле прекрасно чувствовал, а ведь до сих пор здоров. Причем чувствовал всегда боль именно того ребенка, который был у меня на приеме. Вот только что, к примеру, установил воспаление среднего уха у девочки семи месяцев от роду, но едва ее вывезли из кабинета, боль в моем собственном ухе прошла. Можете полюбоваться, Николай Трофимович, ухо у меня в полном порядке.

— Позвольте, позвольте! — не согласился академик. — Раз уж центр круга, о котором говорил капитан, оказался в нашем институте, да еще и время событий совпало, то другой причины попросту быть не может! А ваше ухо... гм, не знаю, не знаю...

— Но вы же, уважаемый товарищ изобретатель, — вдруг сообразил капитан Терешкин, — ничего не сделали ребенку, вы же только осмотрели его! А если эхо — это дополнительный эффект вашего изобретения? Попробуйте его убрать, ведь можно же, наверное?

Капитану очень понравилось то, что изобрели эти ребята. Ведь как здорово было бы, работай эта установка без всяких там побочных эффектов! А то спросишь у Катюшки: где болит, тут? Покажешь на животик — «Ага». На грудь покажешь — снова «ага». Сама-то еще не может точно определить...

— А ведь капитан прав, — сказал Трубников, — убрать сопутствующий эффект, и все дела... Николай Трофимович, у нас-то хирурги работают?

— Ко мне жалоб не поступало.

— Может быть, эффект появляется за стенами института? Здесь вокруг полно всяких НИИ, вдруг наше поле с чем-то взаимодействует? К тому же раз уж оно вышло за пределы Андреева кабинета, не изменились ли на больших пространствах его свойства? Наверно, все вместе и превратило гиперполе из друга во врага...

— Так или иначе, это не меняет дела, — сказал академик, прерывая размышления Трубникова. — Идите, Валерий Демьянович, отключайте.

5 сентября 198... года. 22.45.

Сорокин спешил. До конца смены он хотел еще заскочить на аэровокзал. И не успел зажечься зеленый, как Сорокин рванул, обгоняя остальные машины...



Новинки фантастики: год 1984-й

ПОМЕЩАЕМ ИНФОРМАЦИЮ О НОВЫХ НФ КНИГАХ, ВЫШЕДШИХ В ПРОШЛОМ ГОДУ, КАК И ПРЕДЫДУЩИЕ НАШИ ПУБЛИКАЦИИ ПОДОБНОГО РОДА (СМ. № 9 ЗА 1980, № 7 ЗА 1981, № 7 ЗА 1982, № 6 ЗА 1984 ГОД). СПИСОК НЕ ЯВЛЯЕТСЯ МАКСИМАЛЬНО ПОЛНЫМ, А ТЕМ БОЛЕЕ ИСЧЕРПЫВАЮЩИМ. КОМПЕНСИРУЯ ВОЗМОЖНЫЕ ПРОПУСКИ И ОДНОВРЕМЕННО ВЫПОЛНЯЯ ПОЖЕЛАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ, ВКЛЮЧАЕМ В ЭТОТ СПИСОК НОВИНКИ ПРЕДЫДУЩИХ ДВУХ ЛЕТ, УСКОЛЬЗНУВШИЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПРОШЛОГОДНЕГО ОБЗОРА.

К СВЕДЕНИЮ КНИГОЛЮБОВ: В РАСПОРЯЖЕНИИ РЕДАКЦИИ КНИГ НЕТ. ИХ РАССЫЛКОЙ МЫ НЕ ЗАНИМАЕМСЯ. НЕИЗВЕСТНЫ НАМ И АДРЕСА МАГАЗИНОВ, КОТОРЫЕ УДОВЛЕТВОРЯЛИ БЫ ЗАЯВКИ НА ФАНТАСТИКУ.

Анвар АБИДЖАН. АЛАМАЗОН И ЕГО ПЕХОТА. Фант. повесть. Пер. с узбекского. Ташкент, «Еш гвардия», 1984, 128 стр. Таблетки, чудесным образом помогающие в достижении заветных целей.

Павел АМНУЭЛЬ. СЕГОДНЯ, ЗАВТРА И ВСЕГДА. Сборник НФ рассказов. М., «Знание», 1984, 192 стр.

В первый авторский сборник писателя, дебютировавшего в фантастике в 1959 г. (рассказ «Икаррия Альфа» в журнале «Техника — молодежи»), включены и опубликованные в нашем журнале рассказы «20 000 000 000 лет спустя», «Выше туч, выше гор, выше неба».

Аркадий АРКАНОВ. В ЭТОМ МИРЕ МНОГО МИРОВ. Новеллы. М., «Советский писатель», 1984, 256 стр.

Значительную часть книги составили фант. рассказы и юморески, первоначально опубликованные в периодике.

Константин БРЕНДЮЧКОВ. ПОСЛЕДНИЙ АНГЕЛ. Фант. повесть. Ярославль, Верхне-Волжское книжное изд-во, 1984, 190 стр.

Общение с инопланетянином помогает герою книги полнее раскрыть свои способности.

Кир БУЛЫЧЕВ. ДЕВОЧКА ИЗ БУДУЩЕГО... И другие повести. Кишинев, «Лумина», 1984, 623 стр.

Помимо произведений об Алисе Селезневой («Девочка, с которой ничего не случится», «Остров ржавого лейтенанта», «День рождения Алисы», «Сто лет тому вперед», «Пленники астероида») в книгу вошли повести «Два билета в Индию», «Геркулес и Гидра», «Звездолет в лесу», «Нужна свободная планета», «Черный савояж».

Александр ВОЛКОВ. ТАИНА ЗАБРОШЕННОГО ЗАМКА. Сказочная повесть. М., «Советская Россия», 1982, 190 стр.

В шестой, заключительной книге известного сказочного цикла на Земле появляются агрессивно настроенные выходы с планеты Рамерия. В 1984 г. повесть переиздана во Владивостоке.

Николай ГАЦУНАЕВ. ЗВЕЗДНЫЙ СКИТАЛЕЦ. Фант. роман. Ташкент, «Еш гвардия», 1984, 288 стр.

Приключения пришельцев из будущего в дореволюционной Хиве.

Анатолий ГОРЛО. АВЕ, ЦЕЗАРЬ. Повесть, рассказы. Кишинев, «Литература артистикэ», 1984, 183 стр.

Рассказы и повесть, давшая книге название, сатирически изображают будущее капиталистического общества.

Андрей ДМИТРУК. НОЧЬ МОЛОДОГО МЕСЯЦА. Фант. рассказы. М., «Молодая гвардия», 1984, 271 стр.

Центральное место в первой — на русском языке — книге украинского фантаста занимает повесть в рассказах «Летящая».

Гурам ДОЧАНАШВИЛИ. ОДАРИЮ ТЕБЯ ТРИЖДЫ. Роман. Пер. с грузинского. М., «Советский писатель», 1984, 496 стр. Философско-фантастический роман о формировании творческой личности.

Сергей ДРУГАЛЬ. ТИГР ПРОВОДИТ ВАС ДО ГАРАЖА. Фант. рассказы. Свердловск, Средне-Уральское книжное изд-во, 1984, 272 стр.

Большинство рассказов, включенных в сборник, печаталось (начиная с 1977 г.) в нашем журнале.

Николай ЕЛИН. Владимир КАШАЕВ. СУТКИ НАЧИНАЮТСЯ В ПОЛНОЧЬ. Веселые истории. М., «Советская Россия», 1982, 269 стр.; **ОШИБКА МЕФИСТОФЕЛЯ.** Повести, рассказы. М., «Советский писатель», 1984, 278 стр.

В сборники включены фант.-юмористические рассказы и повести («Дети Мяча», «Ошибка Мефистофеля»).

Евгений ЗАКЛАДНЫЙ. ЗВЕЗДНАЯ РАПСОДИЯ. Фант. роман. Тбилиси, «Мерани», 1984, 367 стр.

Первая книга автора, выступающего в НФ с 1954 г. (рассказы «Подводные рыбыловы» и «Победители льдов» в журнале «Техника — молодежи»).

Александр ЗИБОРОВ. РЕДКИЙ АВТОГРАФ. Сборник. Душанбе, «Ирфон», 1984, 144 стр.

Большую часть первой книги молодого автора составили фант. рассказы и юморески.

Всеволод ИВАНОВ. МЕДНАЯ ЛАМПА. Рассказы, повести, романы. М., «Современник», 1983, 525 стр.; **МЕДНАЯ ЛАМПА.** Фант. рассказы, роман. М., «Молодая гвардия», 1984, 304 стр.

В книгах (более полно — в первой) собраны фант. произведения известного советского писателя.

Александр КАЗАНЦЕВ. ОСТРЕЕ ШПАГИ. НФ роман. М., «Молодая гвардия», 1984, 302 стр.

Главный герой первой книги новой трилогии писателя — французский математик Ферма. В книгу включены также четыре рассказа.

Анатолий КИМ. БЕЛКА. Роман-сказка. М., «Советский писатель», 1984, 272 стр.

Вениамин КИСИЛЕВСКИЙ. СЕДЬМОЙ КАНАЛ. Повесть. Ростов-на-Дону, Книжное изд-во, 1984, 144 стр.

Приключения инопланетянина на Земле.

Федор КНОРРЕ. БУМАЖНЫЕ КНИГИ ЛАЛИ. Повесть-сказка. М., «Детская литература», 1983, 175 стр.

Виктор КОЛУПАЕВ. ПОЮЩИЙ ЛЕС. Фантастика. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное изд-во, 1984, 319 стр.

В книгу вошли повести «Жизнь как год», «Защита» (печаталась в нашем журнале в 1977 г.) и восемь рассказов.

Борис КОМАР. ВЕКША: СТРАНСТВУЮЩИЙ ВУЛКАН. Повести. Киев, «Веселка», 1984, 178 стр.

К НФ относится вторая из повестей, составивших книгу.

Олег КОРАБЕЛЬНИКОВ. И РАСПАХНУТСЯ ДВЕРИ. Повести. Красноярск, Книжное изд-во, 1984, 296 стр.

Новую книгу молодого сибирского писателя составили повести «Надолго, может, навсегда», «И распахнутся двери», «Несбывшееся, ты прекрасна!», «Вечные тьмы», «Башня птиц».

Владимир КОРЧАГИН. КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ. НФ повесть. Казань, Татарское книжное изд-во, 1984, 223 стр.

Робинзонада на странствующем острове-«призраке».

Захар МАКСИМОВ. ОСТРОВ «ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА». Фант. роман-памфлет и повесть. М., «Молодая гвардия», 1984, 286 стр.

Кроме романа, давшего название книге, в нее вошла повесть «И ведро обыкновенной воды...».

МИР ПРИКЛЮЧЕНИИ. Сборник повестей и рассказов. М., «Детская литература», 1984, 640 стр.

В ежегодник включены повести А. Палая «Огненный шар», И. Радунской «Джунгли», роман В. Фирсова «Срубить Крест» (в журнальном варианте опубликованный «Уральским следопытом» в 1980 г.).

Анатолий МОШКОВСКИЙ. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ЗВЕЗДОЛЕТ; СЕМЬ ДНЕЙ ЧУДЕС. Повести. М., «Детская литература», 1984, 367 стр.

Обе повести издавались ранее, первая из них — в 1975 г., под названием «Пятеро в звездолете».

Валентина МУХИНА-ПЕТРИНСКАЯ. ПЛАНЕТА ХАРИС. Фант. роман. Саратов, Приволжское книжное изд-во, 1984, 76 стр.

Первая книга романа. В XXI веке на Земле объявляются давно уже живущие на ней посланцы планеты Харис.

НФ. Сборник научной фантастики. Вып. 29. М., «Знание», 1984, 215 стр.

В очередном выпуске сборника — печатавшаяся в нашем журнале в 1983 г. по-

весь Д. Биленкина «Пустыня жизни», рассказы советских и зарубежных авторов.

Владимир ОСИНСКИЙ. ОТПУСК НА ЗЕМЛЕ. Фант. рассказы, повести. Тбилиси, «Мерани», 1984, 256 стр.

В книгу вошли повести «Отпуск на Земле», «Жажда поутру», «Хроника одной командировки» и рассказы.

ОСТРОВ ПУРПУРНОЙ ЯЩЕРИЦЫ. Сборник НФ повестей, рассказов и очерков. М., «Молодая гвардия», 1984, 304 стр.

Основу сборника составила новая повесть Е. Гуляковского «Шорох прибоя».

Владимир САВЧЕНКО. ЗА ПЕРЕВАЛОМ. НФ роман. М., «Детская литература», 1984, 286 стр.

Действие романа, завязкой которого послужил давний рассказ автора «Пробуждение профессора Берна», развертывается в XXII веке.

СИНЯЯ ДОРОГА. Сборник фантастики. Л., «Детская литература», 1984, 175 стр.

Книгу составили произведения участников ленинградского семинара фант. прозы, которым руководит Б. Стругацкий, — повести Ф. Дымова и Г. Паниозовской, рассказы Н. Никитайской, В. Рыбакова, Б. Романовского, С. Логинова, Г. Усовой и «Воспоминания об отце» С. Беляевой (сокращенный вариант печатался в прошлом году в нашем журнале).

Эдуард СКОБЕЛЕВ. КАТАСТРОФА. Роман. Минск, «Мастацкая літаратура», 1984, 351 стр.

Роман о возможной ядерной войне.

Антон СОРОКИН. ЗАПАХ РОДИНЫ. Сборник произведений. Омск, Книжное изд-во, 1984, 272 стр.

В книгу, выпущенную к 100-летию со дня рождения известного в прошлом сибирского писателя, включена антивоенная повесть-памфлет «Хочет желтого дьявола», впервые опубликованная в 1914 г. — в самый канун мировой войны.

Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ. ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА СВЕТА. Повести. М., «Советский писатель», 1984, 416 стр.

Помимо заглавной, в сборник вошли повести «Пикник на обочине» и «Трудно быть богом».

Валентин ТАРАС. РАЗМЫШЛЕНИЕ. Повести, Минск, «Юнацтва», 1984, 173 стр.

В книгу включена фант. повесть-памфлет «Несовместимость».

Александр ТЕСЛЕНКО. ИСПЫТАНИЕ ДОБРОМ. НФ рассказы. Пер. с украинского. М., «Молодая гвардия», 1984, 270 стр.

Первая книга молодого украинского фантаста.

Станислав ТОКАРЕВ. ВАКАНТНОЕ МЕСТО. Повести. М., «Физкультура и спорт», 1982, 223 стр.

В сборник вошла фант. повесть «Игра в футбол на планете Руссо», опубликованная ранее в «Искателе» (1981, № 4).

Юрий ТОМИН. АБВГД И ДРУГИЕ... Повесть. Л., «Детская литература», 1982, 133 стр.

Продолжение фант. повести «Карусели над городом» (1979).

Юрий ТУПИЦЫН. ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА. НФ роман. Волгоград, Нижне-Волжское книжное изд-во, 1984, 320 стр.

Первая часть романа — «Перед дальней дорогой» — выходила отдельно: М., «Молодая гвардия», 1978.

ФАНТАСТИКА-84. Сборник НФ повестей, рассказов и очерков. М., «Молодая гвардия», 1984, 351 стр.

Традиционные разделы сборника — «Повести и рассказы», «Голоса молодых», «Школа мастеров», «Неведомое: борьба и поиск», «Мечта прокладывает путь».

Левон ХАЧАТУРЬЯНЦ, Евгений ХРУНОВ. НА АСТЕРОИДЕ. Приключенческая НФ повесть. М., «Молодая гвардия», 1984, 224 стр.

Во второй книге авторов действуют те же главные герои, что и в первой («Путь к Марсу»), которая вышла в 1979 г.

Акилджан ХУСАНОВ. ЖИЛ МАЛЬЧИК В ГОРАХ. Приключенческая повесть. Ташкент, «Еш гвардия», 1984, 160 стр.

История мальчика, выросшего среди медведей.

Наум ЦИПИС. СТАРЫЕ ДОРОГИ. Рассказы. Минск, «Мастацкая літаратура», 1984, 192 стр.

В разделе «Полет к Земле» представлены фант. рассказы автора.

Анатолий ШАЛИН. РЕДКАЯ ПРОФЕССИЯ. Фант. рассказы. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное изд-во, 1984, 160 стр.

Первая книга молодого сибирского фантаста.

Георгий ШАХ. НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ... НФ роман. М., «Молодая гвардия», 1984, 352 стр.

Ущербное общество, лишенное гармоничной универсальности, поделенное на профессиональные кланы.

Аскольд ШЕЙКИН. ТАЙНА ВСЕХ ТАИН. НФ повесть. Л., «Детская литература», 1984, 144 стр.

Помимо заглавной, в книгу включены повести «Дарима Тон» и «Северная баллада», вошедшая также в коллективный сборник «Пульс Хибин» (Л., «Советский писатель», 1984).

Зиновий ЮРЬЕВ. ЧАСЫ БЕЗ ПРУЖИНЫ. Повести. М., «Молодая гвардия», 1984, 304 стр.

Сборник составили повести «Черный Яша», «Часы без пружины» и «Беседы с королем Курри-Эшем Двести лет».

Фантастика печаталась, кроме того, в сборниках «Горизонт-84» (Ижевск, 1984), «Дружба», вып. 8 (Йошкар-Ола, 1983), «Литературный Владивосток» и «Океан и человек» (оба — Владивосток, 1984), «На суше и на море», вып. 24 (М., «Мысль», 1984), «Притяжение Волги» (Ярославль, 1984), «Узбекские повести» (М., «Известия», 1984), в книгах Р. Ахмедова «Точка пересечения» (Уфа, 1984), Т. Гаипова «В царстве русалок» (Ташкент, 1984), М. Ибрагимбекова «История с благополучным концом» (Баку, 1984), В. Комарова «Новая занимательная астрономия» (М., «Наука», 1983) и «Занимательная астрофизика» (М., «Наука», 1984, в соавторстве с Б. Пановкиным), Е. Лукьяненко «Однажды вернуться» (Киев, 1984), В. Павлова «День чудес» (Симферополь, 1984), Л. Платова «Дата на камне» (М., «Детская литература», 1984), В. Попова «Нас ждут» (Л., «Детская литература», 1984), Б. Сулимова «Зеркальный вариант» (Казань, 1984), Л. Треера «Происшествие в Утиноозерске» (Новосибирск, 1984), В. Чиркова «Дай оглянуться» (Кишинев, 1984), М. Чулаки «Книга радости — книга печали» (М., «Молодая гвардия», 1984).

В минувшем году переизданы произведения А. Беляева (вышли, в частности,

очередные книги его юбилейного пятитомника). А. Грина, И. Ефремова, Л. Лагина, А. Толстого, К. Цюлковского, «Тайна двух океанов» Г. Адамова (М., Стройиздат, 1984), «Купол Надежды» (М., «Художественная литература», 1984) и «Фазы» (М., «Детская литература», 1984) А. Казанцева, «Третий глаз Шивы» Е. Парнова (М., «Детская литература», 1984), «Конец Желтого дива» Х. Тухтабаева (Ташкент, 1984); из зарубежной фантастики — произведения Ж. Верна, Г. Гессе, Ж. Рони, Д. Свифта, М. Твена, Г. Уэллса, К. Чапека, д'Эрвилли. Вышли также в переводе на русский язык:

Хорхе Луис БОРХЕС. ЮГ. Рассказы. М., «Известия», 1984, 175 стр.; ПРОЗА РАЗНЫХ ЛЕТ. Сборник. М., «Радуга», 1984, 320 стр.

Первые на русском языке сборники произведений известного аргентинского писателя включают в себя и его фант. рассказы.

Джон БРАННЕР. КВАДРАТЫ ШАХМАТНОГО ГОРОДА. НФ роман. Пер. с английского. М., «Мир», 1984, 400 стр.

Антиутопический детектив английского писателя об использовании средств коммуникации для воздействия на подсознание человека.

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ФАНТАСТИКИ. Сборник. Пер. с болгарского. София, «София-Пресс», 1983, 302 стр. (Б-ка «Болгария», № 7—8).

В книгу включены роман П. Вежинова «Гибель «Аякса» и повесть А. Наковского «Невероятные встречи».

Томас МАКРАТ. ПИСЬМО К ВОЕВРАЖАЕМОМУ ДРУГУ. Поэзия, проза, публицистика. Пер. с английского. М., «Радуга», 1984, 328 стр.

В сборник известного американского поэта вошла фант. повесть «Из рога врата и врата из кости слоновой».

Эмил МАНОВ. ИЗБРАННОЕ. Пер. с болгарского. М., «Художественная литература», 1982, 392 стр.

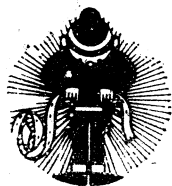
Включенный в книгу фант. роман «Путешествие в Уибрибу» представляет собою еще одно «пятое путешествие» Лемюэля Гулливера.

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ. Сборник рассказов. Пер. с английского. М., «Мир», 1984, 460 стр.

Наряду с уже переведенными у нас рассказами («Страж-птица», «Ордер на убийство», «Особый старательский» и др.) в книгу вошли произведения, ранее неизвестные советскому читателю.

Хайм ОЛИВЕР. ЭНЕРГАН-22. НФ роман. Пер. с болгарского. М., «Мир», 1984, 360 стр.

События романа развертываются вокруг вещества, с помощью которого обыкновенная вода превращается в высококачественное горючее.



СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

УВЛЕЧЕННОСТЬ —

● Учительница русского языка и литературы Н. М. Ирбе уже пять лет руководит в ростовской школе № 5 тимуровским клубом «Пусть светит». Клуб создан на базе школьного музея им. Гайдара. Ребята шефствуют над ветеранами войны, помогают им по дому, выполняют всевозможные поручения.

● Преподаватель начальной военной подготовки Котласской школы-интерната № 5 В. Н. Тюшев возглавил работу школьных следопытов по розыску ветеранов 28-й Невельской Краснознаменной стрелковой дивизии. Пока в школе открыта комната боевой славы, но экспонатов поступает так много, что недалеко день, когда комната превратится в музей.

● В средней школе № 143 в городе Горьком открыт музей боевой славы земляков; он рассказывает о боевом пути соединений, сформированных на горьковской земле. Руководят поисковой работой учителя А. Т. Ткачук, Е. Н. Саванина, И. П. Морейн.

● Предметы быта, инструменты бывших мастеровых, медные самовары, прялка, берестяные изделия — все это экспонаты будущего музея Первоуральского Дворца пионеров, который создается под руководством искусствоведа Р. Коваленко. Цель следопытов, побывавших в экспедициях в поселках Чусовая, Староуткинск и других, — оформить интерьер избы уральского мастера-вогю.

● Историю города Сергача, его культуру, быт, трудовую деятельность его жителей представляют экспонаты историко-краеведческого музея средней школы № 3, созданного при самом активном участии директора школы В. А. Терехова.

● Инициатором патриотического воспитания и следопытской работы в 4-й школе города Барыш Ульяновской области стал преподаватель военной подготовки Н. П. Шаров. Школьники поддерживают связь с ветеранами 45-й стрелковой дивизии, созданной в годы гражданской войны легендарным Щорсом.

К 200-летию сибирского села

Находки, обнаруженные при раскопках древних курганов в экспедициях, организованных Омским государственным университетом и педагогическим институтом, положили начало музею села Тевриз. Систематизация и описание теперь уже обширной экспозиции музея проводится под руководством профессора-историка Владимира Ивановича Матющенко.

Разделы палеонтологии и археологии будут самыми богатыми в музее. Древние поселения на севере Омской области заинтересовали даже столичных ученых: в тевризские места были снаряжены экспедиции московских и ленинградских археологов. Местные энтузиасты принесли свои первые экспонаты в начале шестидесятых годов — тогда для музея была выделена одна комната. Сейчас завершена реконструкция бывшего здания школы, отведенного под районный краеведческий музей. Открытие его будет приурочено к 200-летию Тевриза летом будущего года.

Краеведы-любители расширяют сферу поиска: они собирают материалы по истории Тевриза, восстанавливают по документам время становления в районе Советской власти, ищут участников первых пятилеток, записывают воспоминания земляков — бывших солдат Великой Отечественной войны. В будущем музее работает группа художников-оформителей.

Одновременно ведутся работы в старой церкви села Екатериновка, которая является памятником деревянного зодчества. Здесь расположится еще один, колхозный музей.

Поиск,

из которого родился фильм

Знаменитым музеем «А музы не молчали...» 235-й ленинградской школы руководит Евгений Александрович Линд. Когда-то его следопытам удалось найти женщину, преподнесшую букет цветов оркестру после первого исполнения Седьмой симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде. Этот поиск и родил фильм «Хроника одной семьи», снятый Ленинградским телевидением.

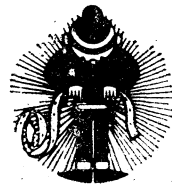
В фильме режиссера А. Каневского и оператора Ю. Иванова нет ни батальных сцен, ни громких фраз. Вся драматургия его строится на письмах, которые двое людей писали друг другу во время войны. Героиня его — та самая девушка, принесшая на сцену цветы музыкантам, Любовь Жакова. А для звукового оформления фильма использовано лишь одно произведение — Седьмая симфония Шостаковича.

...Лев Жаков был на фронте наводчиком противотанкового орудия. «Я не трушу, нет, — писал он своей любимой. — Но вся моя нежность, мягкость, любовь к природе вдруг сопоставляется с диким уничтожением жизни. Я не могу смотреть на обгорелые леса, на людей убитых, на изуродованное то, что я так люблю. Дай мне силу перебороть себя, выстоять...» «Как мне хочется прибежать к тебе, быть с тобой, для тебя... — отвечает ему восемнадцатилетняя Люба. — Понимаешь?! Пусть любовь моя крепит твою руку...» «Вчера нашел оптический прицел от снайперской винтовки. Сделал из него микроскоп. Наблюдал инфузорию, но стекла поцарапаны, и видимость плохая». В следующем письме: «Крепко жму твою руку, а если цензор отвернется, то и целую». И рядом — строчка, написанная другим почерком: «Целуйтесь, я не смеюсь». Военный цензор».

Герои фильма выжили. Любовь Вадимовна Жакова стала художницей, Лев Андреевич Жаков — биолог, профессор. Фильм о них — это негромкий рассказ о любви, преданности, верности.

А начало фильму положил следопытский поиск...

ОТ УВЛЕЧЕННЫХ



СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

Бессмертные подвига — в памяти о нем

Много лет водит по родным местам школьников-туристов ветеран Великой Отечественной войны Аркадий Андреевич Карякин, живущий в Лысьве. Он знакомит ребят с историей родного края, пробуждает в них чувство причастности к подвигу дедов и отцов.

Сколько еще обелисков расположено в малонаселенных местах, и как нелегко спустя десятилетия найти свидетелей подвига...

Давно исчезла с карты района деревня Старое Кормовище. Но именно там была воссоздана А. А. Карякиным и его юными помощниками история памятника кронштадтским матросам...

Еще один памятник. В пригороде Лысьвы, около поселка Каменный Лог, стоит могучая липа, у которой двадцать два ствола! Карякин познакомил ребят с женщиной, посадившей эту липу осенью 1918 года. Здесь погиб ее муж, Михаил Парфенович Алешин. В 1917 году он вернулся в Лысьву с царской каторги, в 1918-м организовал боевой отряд рабочих, и на месте, где растет липа, принял неравный бой с колчаковцами...

Бетонный обелиск у разъезда Паленый Лог был установлен Карякиным и его ребятами. Он поднялся на месте последнего сражения бронепоезда № 2, команда которого погибла в боях с врагами Советской власти в декабре 1918-го...

Все местные памятники взяты на учет лысьвенскими следопытами.

Все началось с экскурсии...

В школе № 9 подмосковного города Дмитров по инициативе и при участии учительницы Лидии Ивановны Шелапутиной создан музей Большого театра.

«Ваш музей уникален, потому что подобного нет ни в одном учебном заведении страны. Особенно приятно то, что появился он не в музыкальной, а в обычной школе», — такое мнение было у всех гостей — солистов Государственного академического Большого театра СССР, приехавших на открытие музея. Красную ленточку разрешила заслуженная артистка РСФСР Э. Е. Андреева. Гости ознакомились со всеми стендами и витринами, а после в школьном актовом зале провели для ребят музыкальную викторину и устроили концерт для учащихся, в котором прозвучали арии из опер.

Идея школьного музея родилась два года назад. Учащиеся побывали на экскурсии в Большом театре и увидели его музей. С тех пор все, кто слушал и смотрел спектакли ГАБТа, привозили из Москвы программки; другие ребята разыскивали либретто, «рыскали» по книжным магазинам и библиотекам, переснимали редкие гравюры и фотографии, собирали афиши.

Недавно между школой и театром заключен договор о шефстве.

И в рекордах — слава Отечества

В школе № 1 Первоуральска работает учителем физкультуры Виктор Семенович Широков. Создание школьного музея спортивной славы — его заслуга.

На двенадцати стендах собраны ленты чемпионов города, дипломы, грамоты, значки, жетоны, сувениры, афиши, нагрудные номера участников соревнований, газетные репортажи... Особое место отводится в школьном музее ведущему физкультурному коллективу — спортивному клубу «Уральский трубник».

Хорошая работа всегда дает результаты. И вот школа № 1 в Первоуральске стала центром пропагандистской работы по физической культуре и спорту: здесь проводятся встречи с ведущими спортсменами, тренерами, ветеранами спорта. А учащиеся школы стали за все время городскими секций... В соревнованиях первая школа показывает теперь только хорошие результаты.

Не нужна ли помощь, ветеран?

Инициатор этой работы в Белгородском технологическом институте строительных материалов — комитет ВЛКСМ. Секретарь комитета комсомола института Геннадий Смоляго и заместитель секретаря по идеологической работе Сергей Ападьков рассказывают.

Студенты решили навести справки о всех живущих вблизи института ветеранах войны, чтобы узнать: не нуждаются ли они в какой помощи? Сначала показалось странным, что ни в райвоенкомат, ни в райсобес ветераны не обращаются ни с какими просьбами... В институте создали бюро добрых услуг для бывших участников Великой Отечественной войны. Оповестили все организации, которые ведают ветеранскими делами, поместили объявление в газете. Первая заявка поступила от матери погибшего бойца Л. Х. Алтына, потом стали приходить еще и еще...

По заявке ветерана бюро посылает к нему своего представителя, и по мере той работы, которую нужно сделать, либо выделяется студент, чтобы оформить соответствующие документы или послать запросы, либо формируется дежурная группа, которая устанавливает шефство над семьей ветерана. Студенты помогают делать текущий ремонт, возвести необходимую хозяйственную постройку, вскопать огород...

Да, это в чистом виде тимуровская работа, отличие разве в том, что помощь оказывается квалифицированная и крупнее по масштабам.

Белгородский технологический институт строительных материалов открывает своим примером новую сферу работы для строительных отрядов, которые есть при каждом вузе. А идея такая — необходимо помочь каждому ветерану, если он в этой помощи нуждается.



ИДТИ ИСЧЕЗНУВШИМ СЛЕДОМ

Ольга КВИРКВЕЛИЯ

Рисунок Е. Таршиц

Профессия археолога — что это значит? Чаще всего археология ассоциируется с экспедициями, раскопками, лопатами... Но это только одна ее сторона, так называемая полевая археология. Существует еще «кабинетная» археология, задачей которой является изучение собранного во время экспедиции материала.

Эти очерки — о полевой археологии, поэтому в них почти нет научных фактов.

Большинство археологов специализируется на каком-то одном типе памятников, принадлежащих к определенному периоду — каменному веку, эпохе бронзы, античности... Сами археологические памятники тоже различаются по типам: стоянки, городища, селища, могильники и т.д. Я занимаюсь могильниками — захоронениями.

Впервые я попала на археологические раскопки, когда мне было двенадцать лет. Нас, группу ребят, отличившихся при создании школьного краеведческого музея, привезли на древнее городище. Стояла поздняя осень, археологи уже закончили работу, и только ветер старательно подметал старые мостовые. Мы бродили по пустынным улицам, заходили в полуразрушенные дома, повсюду натывались на груды черепков и битых кирпичей. Фантазия рисовала картины жестоких боев, отчаянья последних схваток... Мы не сомневались, что только вражеское нашествие могло погубить и опустошить это некогда богатое место. Много позже пришло понимание того, что город проиграл битву другому, незримому и гораздо более страшному противнику — Времени...

Притихшие, сядились мы в автобус, а ветер все швырял и швырял нам вслед пригоршни желтых листьев...

Еще долгие годы мне снилось, как идут по дороге седой старик и понурый мальчишка — последние жители древнего города, а я бегу за ними и зову, но они не оглядываются... Их нет, но они были. В этом смысл нашей работы — идти исчезнувшим следом.

«МЫ ЖЕ ЕЕ ВЫМЫЛИ!»

К месту раскопок под Сухуми мы добирались на стареньком «рафике». Двенадцать человек плюс экспедиционное оборудование — явно много для такой машины, и шофер все время прислушивался к ее нервному чиху. Однако до начала серпантина все шло благополучно. Но стоило «рафику» начать подъем в гору, как наши вещи словно взбесились: рукоятки лопат возмнили себя каями и пытались играть нами в бильярд, а во вьючниках выиграло самолюбие и они отказывались служить скамейками... Неудивительно, что, прибыв на место, участники экспедиции без сил вывалились на траву.

К вечеру мы слегка отошли. А наутро уже отправились осматривать памятник, который нам предстояло копать. Посреди просторной поляны возвышалось какое-то странное растение — гигантский куст, экзотическое дерево. Начальник с гордостью указал на него:

— Это и есть объект наших работ.

Мы с недоумением переглянулись. Нам, студентам-первокурсникам исторического факультета, казалось немислимым признаться, что не только памятника, но и вообще чего-либо рукотворного мы не замечаем. Наконец кто-то робко обратился к начальнику:

— Батоно* Лео, расскажите, пожалуйста, подробнее...

— Хорошо. Перед вами храм конца десятого века нашей эры с великолепной резьбой по камню. Внутри ожидается фресковая живопись.

Все объяснилось просто: цепкие лианы обвили стены храма плотным ковром, скрывшим под собой все детали сооружения... На несколько дней мы превратились в лесорубов и корчевщиков. Колочие ветви оставляли на лицах и руках глубокие царапины, а набившаяся в них грязь напоминала татуировку.

В лагере все шло своим чередом. Ребята подшучивали друг над другом, высмеивая и мнительного Сашу, и не очень храброго Мишу. Но больше всех страдала Тамара. Чистюля и маменькина дочка, она каждый раз брезгливо осматривала миску, ложку и кружку, стирала невидимую грязь, выскивала что-то в салате, двумя пальчиками бралась за чайник.

Несмотря на то, что воду мы возили за десять километров, дежурные содержали кухню в идеальной по экспедиционным понятиям чистоте, и ребят очень обижала привередливость Тамары. И вот однажды за ужином, когда все сосредоточенно уничтожали рисовую молочную кашу, Тамара ойкнула и вытащила из миски кость. Кость в сладкой каше?! Все сразу подумали о вскрытом накануне погребении. Тамара, видно, тоже. Она побледнела, зажала рот руками и кинулась в кусты...

— Томка, не переживай ты так, мы же ее вымыли!.. — кричали ей вслед дежурные.

* Батоно — почтительное обращение в Грузии.

Кость, конечно, была не из раскопа, а из вчерашнего бульона. Надо сказать, что шутка подействовала, и уже до конца сезона мы не видели на лице Тамары брезгливой гримаски.

Каждое утро в семь часов мы выходили на раскоп. Освобожденный от лиан храм открывал изящную резьбу, стройные пропорции. Нашелся и склеп с двумя захоронениями, о существовании которого не подозревал даже начальник. Очень низкий был склеп, пришлось проползти до задней стены и вести расчистку лежа на животе. Растянувшись во всю длину, я начала работать, постепенно продвигаясь к выходу. Ценой великих мук захоронение было вскрыто. И вдруг фонарик высветил еще одно... Там уже пришлось работать, лежа прямо... на скелете, который я аккуратно прикрыла газетой.

Страх перед покойниками никогда не был мне свойствен, но тут сложность заключалась в другом: скелет принадлежал бывшему настоятелю монастыря, пожилому человеку, судя по всему, прожившему праведно свой век, и я испытывала невыносимое смущение. Работать было трудно, но ребята потом рассказывали, что все переговоры с ними из склепа я вела удивительно почти-тельно и где-то даже чопорно...

«ОСТОРОЖНО, В РАСКОПЕ КАМНЕЕД!»

У археологов очень странное понятие будней и праздников. Будни — это своя экспедиция, а праздники — чужая. Хотя работаем мы тут и там одинаково.

Путешествие по Грузии закончилось праздником — посещением Ванской экспедиции. Вани — это античный город-храм. Копают его уже несколько десятилетий, поэтому сейчас на поверхности земли оказалось бесчисленное количество святилищ и жертвенников, производящих неизгладимое впечатление не только на случайных посетителей, но и на видавших виды экспедиционщиков.

В лагере я застала удивительную картину. Маленький седой старичок бегал вокруг стола, на котором были разложены какие-то бумаги, и возмущенно кричал на начальника экспедиции батона Отара:

— А я говорю, было! Не могло не быть!

— Батона Лали, но это невозможно! Фундамент здания здесь на восемь метров уже, чем у вас на чертеже, — батона Отар выглядел смущенным, — и к тому же оно

вообще расположено в другом месте, на двести метров севернее. А здесь находится ступенчатый жертвенник...

На столе были разложены чертежи реконструкций недавно открытых храмов, красивые разноцветные рисунки, изображавшие здания, в архитектуре которых совершенно фантастическим образом сплелись черты античного и варварского искусства.

— Батона Отар, давай говорить спокойно, — сказал батона Лали, хотя сам уже побагровел от возмущения. — Ты мне скажи, это красиво?

— Да, очень, — покорно признался батона Отар.

— Тогда почему говоришь, что этого не могло быть? Что, по-твоему, древние глупее нас были? Что, думаешь, они красоту хуже тебя понимали? Ты слышишь, что он говорит? — обернулся батона Лали ко мне. — Что предки наши дураки были, дикие совсем, в архитектуре совсем ничего не понимали!

— Да не говорил я этого! — защищался батона Отар. — Но фундамент-то все равно на восемь метров уже! И в другом месте!

Этот спор так в тот день и не закончился. Все дело в том, что археологические памятники обычно реконструируются по аналогии с другими, хорошо сохранившимися или описанными, а еще лучше — зарисованными в источниках. Все другие построения считаются гипотетическими и недостоверными. По некоторым международным соглашениям по ним не допускается реставрация памятников. Может быть, это и верно... Но иногда очень хочется, чтобы нашлось что-нибудь необычное, уникальное, не имеющее аналогий, не похожее на все известные памятники...

И еще одно в этом споре характерно: твердая вера археолога в то, что наши предки были мудры, человечны, что им было свойственно понимание красоты. И это правильно: нельзя изучать тех, кого не уважаешь.

...В Херсонес мы попали только часов в одиннадцать вечера. Скригнули тяжелые ворота, пропуская нас в город-музей, гулко зацокали каблуки по мощеной дороге. Мы шли по древней улице, мимо домов, фонтана с мозаичным бассейном, крепостных башен. Немного посидели в немом торжественном театре, ступенями уходящем в небо, пролистнули в памяти страницы истории античной драмы, полюбовались на призрачные колоннады базилик. Город был мертв, но он был величествен.

Мы копали базилику номер четырнадцать. В ней бы-



ло все: и совсем древние цистерны для засолки рыбы, и часовенка, и мозаика на полу, и мои любимые погребения. Ямы для них были выбиты прямо в мозаичном ковре, так что искать не приходилось. Работа шла легко, без срывов и авралов, и через две недели число расчищенных костяков перевалило за сотню.

Я ощутило тупела. Впрочем, Любана, первокурснице истфака Симферопольского университета, было не лучше. Она с утра до вечера снимала с пола по несколько камешков мозаики, отмывала их в кислоте и клала точно на то же место. Казалось бы, что в этом такого?

Но... туристы! Они стадами шли напрямик, сдвигали камешки, и вот уже невозможно определить, откуда этот маленький, в сантиметр величиной, откуда тот кусок...

— Товарищи, не ходите по мозаике! Идет реставрация!..

Я приходила на помощь Любана с более пространственными текстами:

— Товарищи! Мы ведь не ходим ногами по вашему столу, уважайте же и вы наше рабочее место!

Еще хуже было с отдыхающими. Представляете, идет курортный люд с пляжа, слизывает мороженое или пьет холодный кефир, и — вдруг: в огромной, трехметровой глубины яме, в центре города, роятся, обливаясь потом, какие-то чудаки в брюках и майках (городские власти почему-то считали для нас неприличным работать в купальниках и плавках)... Ну, как не кинуть в них стаканчиком или пустой бутылкой?! Один раз нам бросили даже живую курицу. Ошалевшая, она металась по раскопу, истошно кудахта и не даваясь в руки... Уберечь от отдыхающих вскрытые памятники тем более не было никакой возможности.

И однажды на ограждении вокруг старого раскопа появилась зловещая надпись: «Осторожно, в раскопе камнеед!» Подействовало... Я наблюдала такую сценку. В центре непривычно притихшей толпы цветастых дам и мужчин в шортах стоял реставратор Слава. В нем, видимо, по сугубо не курортной форме одежды, сразу распознали экспедиционщика и теперь осаждали вопросами:

— А этот, ваш камнеед, он какой?

— Бурый такой, величиной с крысу.

— А вчера ваш товарищ говорил, что это микроб, зараза какая-то...

— Ну да, микроб, только здоровенный, — не растерялся Слава. — Кстати, видите, там собака — почти оглоданная? Так это он ее... камнеед.

— А вы-то как же? — недоверчиво спросил отдыхающий с солидным брюшком и в кепочке «Таллин».

Слава сделал скорбно-героическое выражение:

— Все может быть...

Но смертных случаев в экспедиции все не было и не было, и надпись перестала пугать. Даже когда мы выдали массовый отъезд ребят, у которых кончился срок работы, за отправку в больницу, и то разошедшиеся слу-

хи только недели на три оградили раскоп от нашествия отдыхающих...

Копать в городе очень тяжело. Археолог вольно или невольно проникается культурой, системой представлений и символов тех, чьи памятники изучает, — иначе ему не понять всего обнаруженного, не сумеет правильно интерпретировать материал. Но в то же время он живет среди своих современников, в кругу их забот и тревог. Переходить из одного мира в другой — непросто. Может быть, поэтому археологи часто кажутся окружающим чужаками.

Признаюсь честно: мне кажутся чужаками окружающие...

Именно в Крыму на собственной шкуре узнала я, что такое туристы. Они ныряли в море только с ветхих развалин древней башни, прокладывали свои тропы только через раскопы, перешагивали, перепрыгивали натянутые шнуры и загородки, старательно игнорируя надписи, предупреждения и просьбы. По утрам мы обнаруживали во вскрытых накануне погребениях битые бутылки, консервные банки...

И несмотря на это мы все же копали. Судьба под самый конец сезона подкинула нам склеп с коллективным захоронением. Через мои руки прошло уже более тысячи погребений, но это было, пожалуй, одно из сложнейших. Склеп в полтора метра глубиной, с двумя нишами высотой по полметра был устлан скелетами двадцати семи человек.

Землю из него вытаскивали ведром, привязанным к веревке, ни о каких лопатах не могло быть и речи. По мере расчистки становилось все меньше и меньше места. Вот помещаются уже только ступни ног, вот можно стоять только на полупальцах, вот помещается только одна нога... А дальше? Как расчистить тот кусочек земли, на котором стоит моя нога?

Решаем сделать что-то вроде подвесных качелей. После изрядного количества синяков и шишек я приспосабливаюсь. Остается научиться работать головой вниз... Ведь надо не просто разместить землю: слой костей в склепе достигает двадцати пяти сантиметров — его надо прочистить насквозь, то есть с применением скальпелей, резиновых груш, пинцетов. Дело это очень тонкое, его и в устойчивом положении выполнять хлопотно.

Однако все закончилось благополучно, и сейчас этот склеп вместе с отреставрированной базиликой и восстановленной мозаикой принимает любопытных посетителей музея.

ЗМЕИ И СКОРПИОНЫ

Следующий сезон забросил нас в Среднюю Азию. В Байрам-Али, по местным понятиям, было еще прохладно, всего тридцать градусов. В тени — весна... В этом городке мы должны были запастись продуктами и водой перед выездом в Каракумы, на место наших

работ. Встретили нас гостеприимно. Даже, пожалуй, слишком... Во всяком случае когда мы, уже прибыв на место, обнаружили в бочке, прицепленной к грузовику, пиво вместо воды, мы недобрым словом помянули восточное радушие... Вообразите манную кашу на пиве или картофельный суп! Умыться, между прочим, пивом тоже не столь приятно.

Лагерь поставили на такыре — этаким глиняном потрескавшемся асфальте. Вокруг подрагивали от дуновения жаркого ветерка внешне совсем безопасные барханы. Но даже я, новичок в пустыне, была уже слышана об их коварности, о сотнях притаившихся ядовитых змей, зловещих тарангулах и скорпионах.

Змеи змеями, но специфика работы в пустыне не только в них. Что такое археологический памятник в обычном понимании? Полностью или частично скрытое в земле городище или могильник. У нас же он — россыпь находок на поверхности такыра: ходи и собирай. Чего было легче? Однако разглядеть нужное, важное в таком изобилии очень тяжело. В глазах рябит, спина болит от постоянных наклонов... Если попадется что-нибудь наполовину скрытое в земле — никакими ножами и лопатами не выковыряешь: сохшаяся глина держит, как цемент, приходится поливать ее дефицитной водой, пока она не размокнет и не отпустит облюбованную находку.

Днем Каракумы — это бесконечное царство желтого и золотого: лимонно-желтое небо, золотой песок, желтые иглы трав. Зато утром, с шести до девяти часов, пустыня цветет. Гиацинты, маки, ромашки, какие-то неведомые цветы и травы покрывают ковром такыр... К девяти часам солнце набирает силу — и все выгорает, чтобы следующим утром возродиться вновь.

Звери и птицы нас совсем не боялись. В экспедиции было одно охотничье ружье, и однажды, когда на тушенку и рыбные консервы смотреть уже было тошно, мы решили поохотиться. В качестве добычи выбрали дрофу, бродившую неподалеку. Выстрел... Дрофа с удивлением оглянулась, попробовала клюнуть дробинку и презрительно посмотрела на нас; задумалась о чем-то, потом нехотя полетела прочь.

Напоследок уже пустыня решила показать себя во гневе. В мгновение ока небо потяжелело, погасло золото песков — началась песчаная буря. Заунывно запели и сдвинулись с места барханы. С треском лопнули палатки, по земле покатился газовый баллон. Мы стояли в растерянности. Бежать? Прятаться? Где?.. Остаться на месте?..

К счастью, буря не очень расходилась — бархан только краем задел лагерь и засыпал машину по колеса. Две палатки из пяти уцелели.

Зато половина обнаруженных нами памятников ушла в песок, и теперь добраться до них не было никакой возможности... Оставалось ждать и надеяться на следующую бурю...

КРЕСТЫ НА ДОРОГЕ

Раскопки на средневековом городище под Москвой были знаменательны тем, что я впервые копала со старшекласниками. Присутствие школьников в экспедиции создает специфические условия работы.

Ребята работали самоотверженно. В один из дней четыре раза подряд начинался дождь, четыре раза мы возвращались в лагерь насквозь промокшие, переодевались и снова выходили на раскоп. И за все это время не слышно было ни одной жалобы.

По воскресеньям мы ходили в походы по окрестностям. Один из таких походов привел нас в странное и загадочное место — Семивражье. Этим непривычным именем назывался невысокий холм, весь иссеченный оврагами и поросший тонкими искривленными деревьями. На вершину холма вела единственная дорога, выложенная крупными плитами известняка. Ветви деревьев сплетались сверху в сплошной шатер. Солнечный свет не пропирал на землю, покрытую болезненно крупными папоротниками и хвощами. Дорога все время делала неожиданные повороты, подъемы и спуски, и казалось, что вот сейчас мы увидим... Что? Не знаю. Но ожидание висело в воздухе.

— Смотрите, кресты на дороге!

Кресты были высечены на плитах; мы стали пристальней смотреть под ноги и обнаружили несколько таких изображений. Пока мы размышляли об этом открытии, дорога вывела на вершину холма, откуда, как на ладони, было видно наше городище.

Семивражье, Семибожье... А ведь это, скорее всего, древнее языческое святилище, путь на которое потом христиане поместили крестами. Место для святилища вполне подходящее: огонь на вершине холма был виден с городища и мог служить и для сбора людей на празднества, и для предупреждения о нашествии врагов.

— Давайте поищем кострище...

Мы взялись за саперки, которые всегда носили с собой. Но шурфы закладывать было очень тяжело, почва слишком оказалась плотная, да и практически бесполезно — шанс выйти на маленькое кострище почти нулевой. Наша попытка не удалась.

С тех пор мы все собираемся поехать в Семивражье специально — найти-таки следы предполагаемого святилища, но... Каждый раз мешает другая, более срочная работа. Когда и кто, рано или поздно пройдет этой таинственной дорогой с высеченными крестами на плитах?..

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ...

...В тот год мне и моим помощникам, школьникам старших классов, раскоп попался невезучий. Мало того что до него было полчаса ходу от лагеря, да еще переход речушки вброд, мало того что местный пастух каждое

утро с завидной педантичностью прогонял стадо через раскоп, так еще и находок почти не было.

День за днем ребята выкидывали землю, девочки перебирали ее, я кидалась рассматривать каждый подозрительный камешек, след от корня или вообще нечто, блеснувшее на солнце, — и ничего. Но так быть не могло! Если есть культурный слой — должны быть и вещи...

Однажды, когда ребята, как всегда босиком, делали зачистку, Сережа вдруг ойкнул, наклонился, рассматривая свою пятку, и запрыгал ко мне, держа ногу наперевес и восторженно крича:

— Индивидуальная находка!.. Посмотрите, — и он протянул мне ногу. В пятке торчала воткнувшаяся иглока. Древняя!..

Такой способ показался Сереже перспективным, и он, копая, пританцовывал. Действительно, буквально через день он опять протянул мне ногу с иглокой.

В дни, когда у остальных отрядов шла камеральная обработка, мои ребята старательно заучивали «Методические указания к проведению раскопок»:

То ли под воздействием бесплодного ожидания открытий на раскопе, то ли еще по каким причинам, но среди ребят в лагере началась эпидемия влюбленности... Мы сначала не обратили на нее внимания. Но однажды вечером мне понадобилась девочка Оля, и я пошла в ее палатку. Там сидела задумчивая Таня, Олина подруга.

— А где Оля?

— Топиться пошла, — спокойно ответила Таня и, видя мою растерянность, деловито пояснила: — Так ведь Миша совсем ее не любит, он сегодня на нее даже внимания не обращал. Обычно хоть лопату земли в Ольку кинет, хоть песком осыпет, а сегодня — ничего... Как ей жить после этого?

Печальную Ольку мы в самом деле нашли на берегу и увели в лагерь.

На следующий вечер в мою палатку ворвался всклокоченный и разъяренный начальник экспедиции:

— Представляешь, вхожу я в палатку, а Лена лежит, ручки на груди сложила, благостная такая!.. Я спрашиваю: «Ты почему керамику не домыла?» А она отвечает: «Не могла, я умираю». Я так и сел... «От чего умираешь-то? Болит что-нибудь?» — «Нет, — говорит, — пока нет. Я ртуть из термометра выпила, а это яд. Но Сереже вы передайте: я его прощаю...» Я в нее теплой воды с боржомом чайник влил, от такого количества ртути не умирают... Но, слушай, что-то с этим делать надо! Мы ведь за них отвечаем, что родителям будем говорить, если у кого-нибудь получится на тот свет попасть?!

М-да... Тридцать школьников, влюбленных без взаимности, — это не сахар...

Мы установили ночные дежурства и бдительно следили за ребятами, отлавливая потенциальных утопленников и по несколько раз проверяя их в палатках.

Но вот настал последний день. До прихода машины, увозившей нас в Москву, осталось три часа. Мы молча

сносили бровку. Пять, десять сантиметров, еще тридцать... И вдруг:

— Ребята, стойте! Бревна!..

Ребята застыли. Только Слава продолжал меланхолично копать, круша появившийся из бровки кусок полустлелвшего дерева, пока у него силой не отняли лопату. Мы кинулись расчищать. До отъезда оставалось полчаса. Одно за другим открывались нашему взгляду аккуратно уложенные бревна. Деревянный настил! Если учесть, что рядом река, — возможно, это причал. Ребята схватились за лопаты, но вскоре раздался автомобильный гудок. Пора!.. Все!

Засыпали мы свою единственную стоящую находку, законсервировали ее до следующего года.

В Москве выяснили, что и обе наши иглы, и керамика были найдены именно под бревнами, значит, это действительно искусственное сооружение.

А на следующий год ребята докопали наш раскоп. Но уже не со мной — с другим археологом.

ВЫСОКИЙ БЛОНДИН В ЧЕРНЫХ БОТИНКАХ

Когда позади пятнадцать лет экспедиционной практики, когда костры и алюминиевые кружки — поперек горла, а на палатки и спальники смотришь с содроганием, рассчитывать на добровольное участие в раскопах в выходные дни не приходится... Но Андрей Кириллович, начальник нашего отряда, знал, чем меня прогнать:

— Поедем, а? Днем покопаем, а вечером тезисы к докладу напишем. В городе-то все некогда...

Это правда: в городе все некогда. Вздыхая, я стащила с антресолей рюкзак и настроилась копать курганы.

Суббота полностью оправдала худшие мои предположения: комары, крапива, мозоли... В курганах какие-то уродцы — с искривленными ногами, чудовищной толщины стенки черепов, горбуны какие-то... Скелеты отвратительной сохранности — на расчистку каждой косточки уходит десять-пятнадцать минут. В яме тесно, сидишь почти не шевелясь, чтобы не наступить на костяк; одной рукой осторожно, кисточкой или скальпелем, счищаешь землю со скелета, другой — судорожно хлопаешь себя по всем доступным частям тела в абсурдной надежде ослабить натиск комаров.

Наустро приезжает ватага школьников из кружка юных археологов. И все начинается заново. Бедные ребята!.. Этак можно не полюбить профессию, а глухо, на всю жизнь, возненавидеть...

Андрей Кириллович ходит вокруг кургана и спрашивает с надеждой:

— Как ты думаешь, кто здесь — мужчина или женщина?

— Мужчина, — мстительно отвечаю я.

Андрей Кириллович горестно вздыхает. Если погребение мужское — находок не жди, а вот если женское —

возможны и браслеты, и привны, и височные кольца. Это проверено.

Но я не ошибаюсь: погребение мужское.

— Бедненький, как же он весь скорчился!.. — сердобольно вздыхает юная археологиня. На дне огромной могильной ямы наискось и чуть ли не на боку лежит очень маленький костяк, ноги его согнуты в коленях и прижаты к груди. Для двенадцатого века, который мы копаем, поза совсем не характерная.

Второй курган. Высокий, весь поросший деревьями и кустами. Ребята больше рубят, чем копают.

— А?.. — во взгляде начальника сквозит мольба.

— Женщина, — смилостивилась я.

Начальник боится поверить, ходит кругами, смотрит под лопаты и вдруг безмолвно кидается в раскоп. Из бровки торчит стенка горшка.

— Целенький!.. — голос его почти нежен, но тут же грустнее: — Значит, мужчина... В этих краях горшки ставили мужчинам...

— Женщина! — упрямо кидая я.

И опять оказываюсь права — женщина, да еще какая! Четыре височных кольца на шерстяной тесьме, перстень, бусы! Бусины лежат, как на нитке — только фиксируй порядок. Погребение смотрится нарядно, даже красиво. Но это еще не все уготованные нам радости. В ожерелье оказываются четыре привески — одна монето-видная, две трезовидные и образок с изображением апостола Фомы... Это уже совсем чудесно! Гипотеза о христианско-языческом двоеверии славян в двенадцатом веке, которую нежно любит наш начальник, получает веское подтверждение. Еще бы, в одной низке — и подвески с языческими символами, и христианский образок!

В разгар ликования на нас обрушивается пренебрежительнейшее известие: школьникам пора домой, пришел автобус, и они уезжают, не докопав третий курган. Мы остаемся четвером. Шесть часов вечера.

Ох, и работка... Раскоп действительно впечатляет. Из-за деревьев курган пришлось копать сначала двумя узкими траншеями, в которых невозможно развернуться с лопатами. Глубина их тоже вызывает уважение — свыше двух метров. Погребение уходит под бровку, разделяющую траншеи. Что делать? Надо бы соединить траншеи над погребением, снести бровку, но на это уйдет уйма времени, а скоро уже стемнеет. Утром же мы сворачиваемся...

Решаем пока прорезать в бровке арку. Копать неудобно, нет размаха, и высота, на которую нужно забросить землю, приличная. Комья земли скатываются обратно, и мы дружно напоминаем сами себе сизифов. Наконец траншеи соединены узким лазом, в котором и предстоит мне работать.

Я мрачно вещаю:

— Мужчина.

— Это даже лучше, — радуется начальник, — хлопот будет меньше.

Вот тут он ошибся... Не успела я начать расчистку, как по бровке поползла трещина, и часть земли глухо обрушилась. Мы молча взялись за лопаты. Снова подготовили погребение к расчистке. Снова ухнула земля. На третий раз кто-то нервно захихикал. Но бровка больше не рухнула.

Погребение оказалось прекрасной сохранности. В яме находился полуистлевший деревянный гроб, покрытый берестой, кости, как новенькие, и на них тоже следы бересты — видимо, покойник был в нее завернут. Еще полчаса, и мы смогли разглядеть череп.

— Монголоид! Русский! — Эти два восклицания раздалось одновременно. Андрей Кириллович поскреб борду. Но думать было некогда.

— Высокий... — я торопливо расчищала ноги, — под два метра... В ботинках!!!

Это было уже слишком!.. Перед нами лежал расчищенный скелет высокого блондина с монголоидными чертами лица в черных кожаных ботинках... Слово «ботинки» здесь, конечно, неуместно, неточно — это были скорее полусапожки.

— Современный... — презрительно сказали наши добровольные рабочие.

— Исключено! — решительно возразил Андрей Кириллович. — Курганы здесь не насыпали с четырнадцатого века. Что раскисли? Это же почти уникальная находка!

Да, славно мы тогда поработали. И впрямь неплохой гренадер нам попался.

НОЧЬ ОШИБОК

А однажды судьба привела меня на Балтику, в Калининградскую область. Трое суток, проведенные в кувозе, откровенно говоря, изрядно вымотали. Все мы, наспех поставив за дюнами палатки, расположились у костра, и даже говорить было лень. Мы предоставили право вести беседу Маршрам — сестрам-близнецам Марине и Ире, старожилам балтийской экспедиции. Несмотря на довольно поздний час, солнце и не собиралось садиться, но воздух потерял прозрачность, и тени, распластавшиеся по песку, стали призрачными, чуть шевелились от ветра. Монотонный гул прибоя, шорох дюн, непривычный, сдержанный в своей красоте пейзаж — все это настраивало на ожидание чего-то необычного.

Разговор постепенно перешел на мистические темы. Мариры с абсолютно серьезными лицами рассказывали о местных привидениях, о «ночных гостях», о «невидимых певцах дюн». Мы посмеивались про себя и поглядывали на реакцию школьников Ильи и Миши, понимая, что эти легенды относятся к традиционным экспедиционным байкам, рассчитанным на новичков. Солнце наконец опустилось в волны, пламя костра угасло. По небу рассыпались чужие звезды. Мы разошлись по палаткам.

Среди ночи что-то разбудило меня резким шлепком по спальнику. Я вскоčila. Странный зеленоватый свет

струился сквозь полог в палатку. Я высунулась наружу и прислушалась. Где-то совсем рядом, за ближайшей дюной, пела женщина. Ее низкий грудной голос, торжественная мелодия, слова на непонятном гортанном языке завораживали. Мне стало прохладно. Задерживая полог, я еще раз оглянулась: от дюны огромным нимбом исходил все тот же зеленоватый свет...

«Рассказать о ночных видениях или сделать вид, что ничего не было?» — думала я утром, идя к завтраку. На лицах всех остальных мне почудилось такое же сомнение и нерешительность. И когда Мариры спросили, как нам спалось, всех прорвало.

Выяснилось, что в эту ночь:

Саня видел три странные фигуры, вышедшие из моря и растворившиеся у разных палаток;

Лена, подходя к своей палатке, за три минуты до этого абсолютно пустой, заметила, как из нее вылетела огромная птица;

Олег слышал, как несколько мужчин на берегу переговаривались на незнакомом языке и небо при этом было исчерчено яркими лучами;

Андрей рассказывал захватывающую историю о некоем Сигизмунде, посетившем его ночью и предлагавшем совершить путешествие в загробный мир...

Только Илья и Миша спали спокойно и ни в каких происшествиях участия не принимали.

— Ну, что, откроем тайны Балтики? — спросила Марина у сестры. Та кивнула.

— Значит, так. Зеленоватым светом сияют дюны под луной — это просто. Они же поют женским голосом, а когда ветер посильней — то и под аккомпанемент странных инструментов — это деревья скрипят. Огромная птица — чайка, они часто забираются в палатки в поисках пищи. Мужчины на берегу — местные рыбаки. А говорят непонятно потому, что дюны искажают все звуки. Лучи в небе от их фонариков. Нам только два момента непонятны — тени и Сигизмунд... Гулять ночью никто не ходил?

— Ходили, — ответили Олег, Андрей и Ира.

— И разошлись по своим палаткам?

— Да...

— Значит, со странными фигурами все ясно.

— Но кто меня по спальнику шлепнул?! — поинтересовалась я.

— Палатку надо лучше натягивать. А вот Сигизмунд...

— Понял! — Андрей рассмеялся. — Это мой черный плащ висел!

Мы еще долго подшучивали друг над другом, а столовую даже переименовали в харчевню «У Сигизмунда».

Эта ночь сослужила добрую службу, когда наш отряд впервые приехал на место будущих раскопок, условно названное «Замок». Оно оказалось еще более фантастичным, чем дюны, но пыльное воображение уже не мешало нам работать.

А фантастичным наш Замок был вот почему. Пред-

ставьте себе узкую полоску земли между озером и Куршским заливом, сплошь заросшую цветами выше человеческого роста. Меж цветов бродят серые цапли и аисты, вдоль берега плавают, с любопытством поглядывая на людей, лебеди, а в центре уходят в землю остатки мощной каменной постройки... Среди всего этого дикого великоления бегают геофизики с непонятными приборами; ныряют, распугивая чаек и рыб, аквалангисты; ковыряясь в земле детскими совочками, берут пробы геоморфологи... Наш отряд был одним из немногих пока комплексных — в его составе работали люди разных специальностей, которые изучали Замок со всех, так сказать, сторон и точек зрения.

Прошлогодний подъемный материал давал надежду на то, что мы раскопаем памятник четырнадцатого века, но этого не произошло: ранние слои памятника уходили глубоко в грунтовые воды. Доступным оказался только девятнадцатый век. Казалось бы, что нового можно узнать из раскопок девятнадцатого века, хорошо описанного и документированного? В том-то и дело, что многое... В письменных источниках отражены только те события и стороны жизни, которые наши предки считали важными. Археологические памятники позволяют получить информацию о всем комплексе. К тому же авторы письменных источников всегда в большей или меньшей мере субъективны. Они описывают мир таким, каким видят его сами, в рамках своих представлений и убеждений. В этом смысле археологический материал обладает большей объективностью. Он освещает разные стороны одного и того же исторического процесса.

...Мир делится на НАС — современных людей и на НИХ — наших предков. Нам редко удастся узнать Их имена, увидеть Их лица. Но вдруг взглянут со старых фресок женщина со строгой прической и внимательным взглядом, юноша, гордо запрокинувший голову, девушка с легкой улыбкой на пухлых губах... И все вдруг отступает перед лицом прекрасного, вечного и в то же время хрупкого, как сам мир, который трудно уничтожить, но так легко изломать...

Что Мы без Них? Деревья без корней. Реки без истоков. Мы — всегда чуть-чуть Они, и понять Их — значит понять Нас.



Михаил СЕМЕНОВ

Президент академии

Есть на севере Урала городок — Карпинск. Он носит имя Александра Петровича Карпинского — общественного деятеля, академика, почетного члена многих иностранных обществ и академий. Его по праву считают и «отцом русской геологии».

Президиум Академии наук СССР ежегодно присуждает золотую медаль имени А. П. Карпинского советским и иностранным ученым за заслуги в геологии.

Почему выпала такая честь небольшому уральскому городку носить имя великого ученого? Карпинский родился в этом городе, который до 1941 года назывался Богословском.

Много лет занимаюсь я сбором материалов для биографических очерков об уральских горных инженерах. Переписывался и с дочерью академика А. П. Карпинского — Евгенией Александровной Толмачевой-Карпинской (ныне покойной). В основу очерка легли эти письма, а их у меня скопилось более сорока. Большинство фактов из жизни великого русского ученого, а также иллюстрации публикуются впервые.

К сожалению, весь семейный архив Карпинских, как сообщила Евгения Александровна, погиб во время блокады Ленинграда на квартире старшего брата Александра Петровича.

«...Вы помянули в своем письме Павла Петровича Аносова, нашего известного металлурга и металлографа. Посылаю Вам «для коллекции» фотокопию портрета его сестры Марии Петровны, которая приходится мне... родной прабабкой... Аносов окончил Горный Корпус в 1817 году, а в 1819 его окончил Фердинанд Грасгоф — представитель третьего поколения известной саксонской фамилии, выписанной Екатериной II из Фрайберга, за которого Мария Петровна Аносова вышла замуж, когда он еще в молодости служил на юге Урала, а потом был назначен на должность начальника Богословского горного округа. В 1829 году в Богословск были направлены только что окончившие Горный Корпус Михаил и Петр Михайловичи Карпинские.

Фердинанд Богданович и Мария Петровна и выдали потом замуж свою дочь Марию Фердинандовну за моего будущего деда Петра Михайловича, который впоследствии стал начальником Горных заводов Урала и жил в Екатеринбурге».

Таким образом выяснилось, что дедом Александра Петровича Карпинского по материнской линии был ураль-

ский горный инженер Ф. Б. Грасгоф, а бабушкой — сестра П. П. Аносова М. П. Грасгоф-Аносова.

Второй дед — Михаил Карпинский — окончил Горный Корпус (в то время еще Горное училище) в 1799 году и был направлен в Тамбов на квасцовый завод, после стал его управителем... Служил в Москве обер-берг-пробиером в Пробириной палате, в Петербурге — в чине обергиттенфервалтера. По всей вероятности, дед А. П. Карпинского по отцовской линии был не только талантливым горным инженером, но и превосходным химиком, так как Пробириная палата в Москве еще со времени Петра I была единственным в России учреждением, где определялось качество добываемого в то время золота и других драгоценных металлов, и должность старшего горного прибиера была очень ответственной...

Отец Александра Петровича — П. М. Карпинский (1810—1856) — родился в Москве, воспитывался в Петербургском Горном кадетском корпусе, после окончания которого много лет работал на горных заводах Урала. Был он всесторонне образованным человеком и, как вспоминала Евгения Александровна, собрал в Богословске хорошую библиотеку, часть книг из которой бережно хранил Александр Петрович.

Горные инженеры и другие служащие Горного ведомства получали в то время весьма незначительное содержание, что отчасти компенсировалось правом воспитания сыновей на казенный счет в Горном институте, куда воспитанники принимались с десятилетнего возраста.

В начале лета 1866 года А. П. Карпинский окончил Горный институт и был направлен на Южный Урал, в Златоустовский горный округ, практикантом в звании поручика Корпуса горных инженеров. Там он проработал около двух лет.

В 1867 г. А. П. Карпинский работает смотрителем Миасских золотых промыслов. Все летние месяцы он проводит на полевых исследованиях на Урале, продолжавшихся регулярно и в дальнейшем.

В 1868 году талантливого молодого инженера вызвали в Петербург для подготовки к профессуре. А. П. Карпинский приступил к чтению лекций в Горном институте по геогнозии и петрографии. Через год после защиты диссертации «Об авгитовых породах деревни Мулдакаевой и горы Качканар на Урале» он был избран



Петр Михайлович Карпинский — отец А. П. Карпинского, начальник Уральских горных заводов (Екатеринбург)



Мария Фердинандовна Карпинская — мать А. П. Карпинского



А. П. Карпинский в годы первых геологических исследований на Урале

адъюнктом по кафедре геологии и геогнозии, а в 1877-м — профессором геологии Горного института.

В 1876 году А. П. Карпинский возглавил две геологические партии для исследования каменноугольных отложений и разведки угля на восточном склоне Урала.

К тому времени относится снимок, где Александр Петрович сфотографирован с группой уральских горных инженеров. Анализируя по моей просьбе эту фотографию, Евгения Александровна писала: «Снимок сделан, когда Александр Петрович был уже профессором, но в начале его долгодетных полевых работ на Урале. Рядом с А. П. Карпинским — горный инженер Леш Август Александрович.

Крайний справа — горный инженер Гебауэр Фердинанд Юстинович. В то время он был в Каменском заводе на Урале. Родом он из Эстонии... И последний — горный инженер Брусницин Федор Павлович, родной брат моей матери. Отец их был профессором Петербургской Академии художеств, а дед прославился тем, что впервые на Урале открыл россыпное золото...

Все трое горных инженеров, запечатленные на снимке, считались «техническими помощниками» Александра Петровича, который к зиме возвратился в Петербург, а Гебауэр и Брусницин остались на Урале и обрабатывали собранные за время экспедиции материалы: делали чертежи, разрезы, профили и т. п.»

С 1916 года А. П. Карпинский руководил Академией наук, исполнял обязанности вице-президента, а в мае 1917 года стал первым ее выборным президентом. На этом посту он оставался до конца жизни. Александр Петрович восторженно принял Великую Октябрьскую революцию. Под его непосредственным руководством осуществлялась перестройка работы Академии наук. Многие начинания Академии проводились не только по его

инициативе, но и при его личном участии. Большую роль он сыграл в организации изучения производительных сил страны, особенно Урала и национальных окраин.

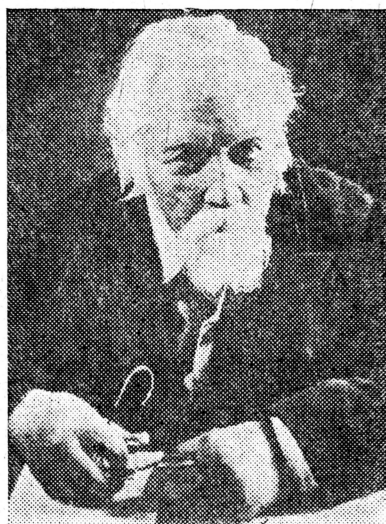
В своем первом печатном труде «Об авгитовых породах деревни Мулдакаевой и горы Качканар на Урале» — диссертации — А. П. Карпинский впервые научно доказал, что «...качканарская порода» содержит в себе 15,11 процента магнитного железняка, может с большим успехом использоваться в металлургическом производстве...

Здесь же он высказал смелое научное предположение о том, что «коренные месторождения золота на Урале разделяются на жильные и такие, в которых этот металл является включенным в породы непосредственно».

Его диссертация была одной из первых геологических научных работ, в которой Александр Петрович применил микроскопический метод изучения горных пород. Прогнозы, высказанные в его первой научной работе, посвященной Уралу, нашли блестящее подтверждение в уральской горной промышленности.

Ныне Качканарский горно-обогатительный комбинат отправляет уральским металлургам миллионы тонн железованадиевого концентрата, производственное объединение «Миассзолото» успешно ведет добычу драгоценного металла.

Важное значение имеют также работы А. П. Карпинского по углям на восточном склоне Урала и о происхождении платиновых месторождений так называемого «уральского типа». Он развивал собственную теорию и неоднократно ставил ее на обсуждение перед широкой научной общественностью. Признавая, что идет вразрез с общепринятыми представлениями, он писал: «Тем не менее я хочу высказать свои соображения не для того, чтобы остаться правым, в чем я пока уверен,



А. П. Карпинский во время последней поездки на Урал в 1932 г.

по чтобы вызвать их проверку при исследованиях на месте и при сборе соответствующего материала для лабораторного и кабинетного изучения».

Происхождение платины «уральского типа» занимало Александра Петровича на протяжении всей его научной деятельности. «Первая его статья на эту тему,— писала Евгения Александровна,— вышла в академических изданиях в 1926 году. Он выступал не раз с докладами на эту тему и за границей, причем с его мнением не соглашались, но опровергнуть не могли...

Вопрос о платине остался открытым, хотя газетные корреспонденты мне говорили, будто новейшие исследования подтвердили мнение моего отца».

Александром Петровичем Карпинским впервые была составлена тектоническая карта Урала, главным образом его восточного склона. Главнейшими его научными трудами, посвященными геологии Урала, были: «Геологические исследования в Оренбургском крае», «Геологическая карта восточного склона Урала», «Об аммониях артинского яруса и некоторых сходных с ним каменноугольных формах».

Изучение А. П. Карпинским так называемых «артинских аммоний», наименованных им в честь уральского поселка Арты, где они впервые были выявлены, показало, что развивались эти аммонии на месте каменноугольных, а не пришли к нам «со стороны» и что между каменноугольным и пермским бассейнами перерыва не было.

За эту палеонтологическую работу А. П. Карпинский был удостоен премии Кювье Французской Академии наук.

В работах А. П. Карпинского закладывались основы учения о месторождении руд и минералов. Им было предсказано нахождение нефти на Урале и в Башкирии...

Научные труды А. П. Карпинского впервые наметили решение загадок восточного склона Уральских гор, в значительной степени разрушенных и погребенных под Западно-Сибирской низменностью. Ему же наша наука обязана изящными реконструкциями мощных складок Урала по материалам, доставлявшимся ему, как крупнейшему геологу, другими исследователями.

«Александру Петровичу принадлежит целый ряд важных приоритетов в геологической науке,— писала Евгения Александровна,— о которых он, по своей исключительной скромности, никогда сам не помнил. Кроме того, всем научным работникам, работавшим на Урале или вообще в тех же областях знаний, в которых Александр Петрович работал сам, он в случаях обращения к нему показывал им свои незаконченные рукописи или даже давал им прочитать их...

Многие геологи более молодых поколений говорили мне, что они много «мудрили» над Уралом, а на деле оказалось, что правильно было то, что Карпинский сказал пятьдесят лет назад...»

Научная деятельность Александра Петровича отличалась разносторонностью. Им были составлены сводные геологические карты Урала и европейской части СССР, написаны крупные работы о минеральных богатствах Ильменских гор на Южном Урале.

А. П. Карпинского беспокоила судьба минеральных богатств Ильменских гор. Он горячо поддерживал идею академика Вернадского об организации в Ильменах так называемого Национального парка — заповедника.

После Октябрьской революции А. П. Карпинский ходатайствовал об этом перед Советским правительством. И в 1920 году В. И. Ленин подписал декрет об организации Ильменского государственного заповедника.

...Аннотируя по моей просьбе редкий и нигде ранее не опубликованный снимок, подаренный мне семьей горного инженера Е. И. Сидорова, на котором запечатлен А. П. Карпинский на одном из съездов в Свердловске, Евгения Александровна писала:

«Александр Петрович после революции был в Свердловске всего один раз, в 1932 году, в связи с выездной сессией нашей Академии. В первом ряду, недалеко от него, сидят с одной стороны — академик А. М. Терпигорев, с другой — И. М. Губкин...»

Умер А. П. Карпинский 15 июля 1936 года, окруженный всеобщей любовью и уважением. Руководители партии и правительства в телеграмме родственникам покойного писали: «Смерть Александра Петровича Карпинского — крупнейшего мирового ученого, бессменного президента Академии наук с 1916 года и выдающегося общественного деятеля является тяжелой утратой для всей советской науки и трудящихся Союза ССР».

Похоронен А. П. Карпинский в Москве, прах его замурован в Кремлевской стене на Красной площади.



ВВЕРХ ПО РЕКЕ ЗАБВЕНЦА

Александр МАТВЕЕВ

ТЕПЕРЬ ПОЕЗДА ИДУТ ДО ОБИ — В ЛАБЫТНАНГИ, В САЛЕХАРДСКОМ АЭРОПОРТУ ПРИЗЕМЛЯЮТСЯ РЕАКТИВНЫЕ САМОЛЕТЫ, МЧАТСЯ ПО ОБСКИМ ПРОТОКАМ БЫСТРЫЕ «МЕТЕОРЫ», А ТУРИСТЫ ИСХОДИЛИ ВДОЛЬ И ПОПЕРЕК ПОЛЯРНЫЙ И ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ. НО В НАЧАЛЕ ВЕКА ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЭТИМ МЕСТАМ БЫЛО ПРОБЛЕМОЙ, А ЕЩЕ РАНЬШЕ — ПОДВИГОМ...

1. ВПЕРЕДИ — КАМЕНЬ

Без малого девятьсот лет тому назад, в 1096 году, в начальной русской летописи — «Повести временных лет» — появилась запись о событии, может быть, не таком важном, как смерть какого-нибудь князя или рождение княжеского сына, но все же достойном упоминания.

А рассказывается в летописи о том, что некий новгородец — Гюрята Рогович, человек, видимо, знатный и богатый, отправил своего отрока в дальний путь — на Печору. Не будем удивляться поступку Гюряты, который отправил отрока в опасный вояж за тридцать земель, потому что древние русичи называли отроками не только подростков и юношей, но и дружинников, служителей, помощников.

Долго тогда продолжались такие путешествия. Только через четыре года посланец Гюряты вернулся в Новгород. Много он поведал о жителях дальних стран — Печоре и Югре, а также о кочевой Самояди. И сам повидал немало, да и бывалых людей понаслушался. Кое-что попало и в летопись. Есть в ней и рассказ о каменных горах невообразимой высоты — «как до неба». Горы эти — за Печорой и протянулись аж до Лукоморья — до берегов Карского моря. Путь до них труден и опасен — «непроходим прспастьми, снегом и лесом».

Это было первое упоминание о Камне — Урале, точнее, о Полярном Урале, а безвестный новгородский дружинник стал первым русским путешественником в уральские земли. С крайнего севера, с берегов студеного Карского моря, с покрытых снегами каменных громад Заполярья начиналось открытие Урала русскими.

Путешествия на Печору и крайний север Урала начинались в разных городах — в Великом Новгороде, Вологде, Устюге и в самой Москве-матушке. Но добирались русские до тех далеких мест всегда через Двинскую землю, или Заволочье. Так назывался обширный край за волоками, которые связывали бассейн Волги с Двиной и другими северными реками. И до тех пор Заволочье служило базой всех походов на Урал, пока не стала доступной Кама-река, а до XVI века камский путь был заказан русским.

Оставалась только Печора, притоки которой — Уса, Щугор, Илыч — начинались на Уральском хребте. Лишь печорскими «чрезкаменными» путями, в обход областей, подчиненных татаро-монголам, можно было пробраться в богатые сибирские края. А ключом к Печоре стал город Устюг, жители которого своего не упускали: в 1323 году устюжане побили и пограбили тех новгородцев, которые возвращались из похода на Югру, а в 1329 году — тех, которые туда направлялись.

За Устюгом дороги расходились. Одни плыли вниз по Двине, затем пробирались по старинному волоку с Пинеги на Кулой, а оттуда морем в устье Мезени. Потом они поднимались вверх по Мезени до устья Пезы и Пезским волоком попадали на Цильму. А там и до Печоры рукой подать — всего-то... 300 верст. Долгой, изгибистой и трудной была эта дорога, но более безопасной.

Другие плыли по Вычегде до самых ее верховьев, затем через Южную Мыльву добирались до волока, а дальше сплавлялись по Северной Мыльве и Печоре.

Путь по Вычегде и Южной Мыльве был покороче, но выводил он на верхнее течение Печоры, а до главных волоков через Урал отсюда было еще ой как далеко, ведь надо было добираться до Шугора и Усы. Да и беспроходной была эта дорога: воинственные зауральские вогуличи сами норовили попасть на Вычегду да пограбить русское и пермское население.

Трудными были все тогдашние пути-дороги, и длились они долгие месяцы, но главные испытания начинались, когда на востоке за Печорой перед путниками возникали очертания могучих хребтов Уральских гор — Камня.

Со страхом писали очевидцы, что это «место пустое», «камени в облаках не видати» и «длина его от моря и до моря». Ждали здесь путников и непроходимая горная тайга, и бурные реки, и длинные волоки по каменным перевальным местам, через которые можно было перетащить только маленькие «чрезкаменные» лодки, а грузы приходилось не раз и не два переносить на себе в котомках. Одним словом — Камень. И название-то такое твердое и жесткое, как сам путь. Откуда только оно взялось?!

На Уральском Севере русские — жители Восточно-Европейской равнины — впервые встретились с высокими каменными горами. Их надо было как-то называть. Гора — общее и неопределенное слово, холм для Полярного Урала не годится, пик сравнительно недавно проникло в русский язык из французского... Вот и стало древнее русское слово *камень* по совместительству обозначать каменные хребты и горы. И весь Урал стал тоже Камнем. А поспособствовали этому местные языки, в которых слово со значением «камень» могло обозначать и каменную гору и весь Урал: коми Из и хантыйское Кев — «Камень», «Урал», ненецкое Нгарка Пэ — «Урал», дословно «Большие камни».

К трудному переходу через Камень готовились за-

года и с роздыхом. Поэтому и возник на рубеже XV—XVI веков в низовьях Печоры на Пустом озере царев городок; чтобы краем править и подати собирать, а прежде всего «для опочиву Московского государства торговых людей, которые ходят в Сибирь торговать». Место здесь, правда, было невеселое: кругом голая моховая тундра да редкий кустарник, но стоял Пустозерский острог, впоследствии город Пустозерск, очень удобно — на полуострове, с трех сторон окруженном водой. А протока соединяла озеро Пустое с Печорой.

Только нет сейчас этого знаменитого в прошлом города. Давно разъехались жители. Догнили последние избы и падают кресты на забытом кладбище. Лишь название и архивные документы хранят еще память о бывшей столице Печорского края, крепости и торговом центре, а позднее — месте ссылки, откуда невозможно было убежать и где закончил на костре свой жизненный путь русский писатель XVII века неистовый протопоп Аввакум Петров.

За Камень вело несколько «проходов» или «чрезкаменных» путей. Знаменитый венгерский исследователь Уральского Севера Антал Регули насчитал десять таких проходов на Полярном Урале и семь — на Приполярном и Северном. Но самыми известными были два печорских прохода: Собский, или Большой, по Усе и Ельцу на Сось — приток Оби и Щугорский — по Щугору на Ляпин и Березов. Главным во все времена считался Собский проход.

Эти два пути действовали и в XVII веке, пока Петр I не запретил ездить через Камень по печорским волокам. Есть-де хорошие дороги через Верхотурье и по горным заводам, а потому нечего дальним путем возить товары в Сибирь и обратно: по тем местам за всеми не углядишь. Наверное, так рассудил царь Петр.

И забыли русские купцы старые чрезкаменные пути... Только местные коренные жители — ненцы, манси, ханты и вездесущие коми-ижемцы — проходили по ним со своими оленьими стадами да изредка проезжал какой-нибудь русский начальник или путешественник.

Прошли годы. И когда после отмены крепостного права оживилась торговля, снова стали думать о том, чтобы соединить напрямую Русский Север и Сибирь через Уральский хребет. Так намного короче было бы везти дешевый сибирский хлеб на Печору, чем вкруговую через Екатеринбург, Пермь, Чердынь.

Сперва богатые купцы и меценаты Михаил Константинович Сидоров и Александр Михайлович Сибиряков пытались проложить пути через перевалы Уральского хребта. Сибиряков даже расчистил дорогу с Усть-Щугора на Ляпин и некоторое время перевозил по ней различные грузы, прежде всего муку.

Летом 1952 года я прошел по так называемому Сибиряковскому тракту не один десяток километров. Это была довольно чистая просека в несколько метров шириной, которая отсекала глухие горные леса Приуралья, бесследно вырождавшаяся на обширных болотинах и вновь возникала в горной тайге, устремляясь все дальше — к перевалу. Местные жители, «экспедиторы» всех мастей, туристы в то время еще хорошо знали эту заброшенную дорогу и ее название, а на берегу Печоры можно было видеть полуразрушенные амбары на конце «трансуральского» пути Сибирякова.

Частная инициатива потерпела крах, но идея продолжала жить. И вот в 1908 году вологодский губернатор самолично отправился взглянуть, какие пути можно проложить через северную часть Уральского хребта. Только и эта экспедиция ничего не изменила. Разве что одним планом стало больше...

Самые отважные из губернаторской свиты подня-

лись даже на вершину Тал-Поз-Иза, высочайшей горы Северного Урала. Среди них был и Борис Васильевич Безсонов, секретарь и фотограф экспедиции. В 1909 году он опубликовал интересную книгу «Поездка по Вологодской губернии в Печорский край и будущим водным путям на Сибирь», поместив в ней очень приличные по тем временам фотографии.

Наблюдательным человеком был Борис Васильевич — ничего не скажешь! Заметил он одно обстоятельство: Усть-Щугор — село коми-зырянское, на самом Щугоре населения нет, за Уралом в Саранпауле, где кончается Сибиряковский тракт, опять-таки живут в основном коми-зыряне, потому это селение и называется по-мансийски Саранпауль — «Зырянская деревня», а названия притоков Щугора почему-то сплошь и рядом русские...

2. НА ЩУГОРЕ

Старинным водным путем по Щугору русские люди поднимались до самого Камня, затем был чрезкаменный волок, а дальше спускались по горным рекам бассейна Ляпина и Северной Сосьве до Оби. Я хорошо представляю трудности и лишения Щугорского пути, потому что сам видел Щугор, брел, шатаюсь от усталости, по его берегам и тонул в его ледяной воде...

Удивительно красива в своей первозданной дикости эта река. Стремительным потоком выносит Щугор свои прозрачные воды в Печору. А весь его путь — сплошные стремнины и перекасты, камни и пороги, по которым мчится бешеная вода. Каждый камешек, каждую гальку видно на дне Щугора даже при глубине в несколько метров. А присмотреться — заметишь и рыбу...

Зародившись в распадках у горы Анквалсуиён на Северном Урале, принимая бесчисленные горные речки, Щугор быстро набирает скорость и несется на север к горе Тал-Поз-Из, обгибает ее и, отделив Северный Урал от Приполярного, стремительно бросается на запад навстречу Печоре. Скорость течения такова, что кажется, едешь в автомобиле.

Мне пришлось сплавиться на обычной деревянной лодке от метеостанции Верхний Щугор до устья. Это более 200 километров. Нас было трое: инспектор гидрометслужбы, проводник-коми и я. Тогда я не вел дневника, о чем теперь горько жалею. Время сделало свое, и я забыл имена спутников, а это были знающие и славные люди, от которых я многому научился. Ночи были светлые, как вообще в июле на Приполярном Урале, и мы гребли поочередно, останавливаясь, только чтобы попить чаю. Один сидел на веслах, другой — на руле, третий спал или смотрел на мелькавшие щугорские берега. Мы доплыли за сутки. Вот что такое Щугор!

Только в кыртах — каменных воротах — замирает Щугор и становится черным и безобидным, а высокие скалы в еловых шапках надежно укрывают его от июльского солнца. Кругом каменные стены, покрытые мохом. Глушь. Типина. Сказка.

Бескрайние леса, чистая вода, роскошные береговые луга с травой в человеческий рост, уйма дичи, в реке — семга и хариус, казалось бы, что еще нужно человеку! А вот поди ж ты — берега Щугора и в середине XX века были такими же пустынными, как при Иване III, когда князь Семен Курбский шел с войском на Камень. Одна только маленькая коми-зырянская деревушка — несколько домиков — прикорнула на красивом местечке в двух десятках километров от устья. Она так и называлась Мичабечевник — «Красивый бечевник». Сейчас и ее, кажется, нет.

Почему так? Берега Щугора не слишком-то удобны для оседлой жизни. Да и подниматься вверх по течению

очень трудно. Это ведь теперь есть моторки. А раньше по таким рекам шли бечевой — все равно что бурлачили. Дело это тяжелое и требующее немалого опыта. У меня его, к сожалению, не было. И когда наш экспедиционный отряд поднимался вверх по Щугору, на каком-то перекате лодку развернуло потоком воды и захлестнуло. Лодка пошла ко дну. Кастрюля с маслом пронеслась мимо моего носа с чудовищной скоростью. А потом мы еще долго извлекали из воды вещи, подмоченный сахар, конфеты и другие продукты.

На обратном пути обычно сдержанный и мрачноватый проводник-коми кивнул головой в сторону этого злополучного переката — совсем не самого страшного! — и не без юмора сказал: «Сашка-перекат». Незадачливый экспедитор Сашка, то бишь я, молча проглотил пилюлю. Дорого бы я сейчас дал за то, чтобы узнать, сохранилось это название или нет — мой трагикомичный вклад в щугорскую топонимию.

По горам в долине Щугора издавна кочевали оленеводы. Недаром название Щугор переводится «место выпаса оленей», «стадо оленей». Слово *чугор* или *сюгор* в этих значениях встречается в русских документах. В коми языке *чужар* — «табун», «стадо», хантыйское *сяхыр* — «пастбище». И даже в далеком саамском языке есть слово *чигар* — «стадо оленей». Значит, название Щугор заимствовано русскими из какого-то местного языка, правда, пока не удалось выяснить, из какого именно. И случилось это очень давно, потому что слово уже прочно усвоено, ведь звука *щ* нет в местных языках.

А над долиной Щугора господствует самая высокая вершина Северного Урала гора Тэл-Поз-Из — 1617 метров. В переводе с языка коми — «Гнездо ветров». Характеристика яркая, исчерпывающая и вразумляющая — держись подальше.

Русские называли эту величественную вершину, даже в июле покрытую пятнами снега, — Столп. Так во всяком случае называет ее Сигизмунд Герберштейн в своей книге «Записки о московитских делах» со слов князя Курбского, который побывал в этих местах. И действительно Тэл-Поз-Из больше походит на «столп», чем многовершинная Сабля и примкнувший к другим горам Полярного Урала и более низкий Найер. Да и князю Курбскому сподручнее было идти на Ляпин по долине Щугора.

Никто на Уральском Севере не знает сейчас древнего имени Столп. А вот названия основных притоков Щугора — русские. Одна только речка Тельпос — правильное было бы Тэлпоз, — названная по горе, вклинивается в строй русских гидронимов: Большой Паток, Малый Паток, Глубник, Торговая, Волоковка. Русские имена и у порогов: Дурной, Молебный, Большой... Конечно, коми переделали эти названия по-своему: Ыджид-Патэк, Тэргэвэй, Дурнэй-Ель, Молебнэй-Кось... Но и в этих «переодетых» топонимах сразу видна русская природа. Пожалуй, только название Паток требует некоторых пояснений.

Поднимаясь вверх по течению Щугора, первопродцы должны были обозначить (хотя бы важнейшие его притоки: сам Щугор осмыслился как основной *поток*, наиболее значительные притоки в низовьях — Большой и Малый Паток — как побочные потоки — *патоки*). Сразу же вспоминается всем известное «сладкое» слово — *патока*, но еще интереснее русское диалектное *паточина* — «источник, родник», засвидетельствованное уже в исторических документах XV—XVI веков. В русских говорах находим и другие похожие пары слов: *солнце* — *пасолнце* — «побочное солнце», *облако* — *паоблако* — «низкое облако от поднимающегося тумана». Таким образом, и *патока* в общем-то обычное русское слово.

Как же случилось, что на заброшенном «чрезкаменном» пути до сих пор звучат старинные русские названия? Видимо, пользовались им местные жители и после запрета Петра I. Во всяком случае, Антал Регули писал, что Щугорский водный путь был «оставлен» только за сорок лет до его поездки, то есть сравнительно недавно — в самом начале XIX века. Наверное, поэтому и сохранились так хорошо полурусские-полукоми названия Овин-Парма, Мертвый-Ель, Рублевый-Ель, Порог-Из, поразившие в 1908 году Бориса Васильевича Безсонова.

И вот что рассказали Безсонову местные коми. Раньше на Щугоре ловили рыбу и охотились русские. Среди них был особенно известен очень умный человек и знатный промысловик по имени Филипп. Его избастояла у самого Тэл-Поз-Иза. И название ручья Филипп-Ель подтверждает этот рассказ, потому что русское Филипп в коми языке превращается в Пилип.

И все-таки Щугорский «чрезкаменный» путь постепенно заглох. Только произошло это не в один день по мановению государеву. Русские и коми не раз еще ходили бечевой по щугорским берегам. А затем коми берегли русские названия, приспособив их к своей речи.

Но не всегда у названий такая судьба.

3. ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ УРАЛ...

У этой в общем-то невеселой истории было забавное начало. С молодости не оставляет меня полудантасическая идея пройти по горам Урала от начала до конца. Там, где удастся, по водоразделу, а где не выйдет, в обход — зигзагами, как подскажут сами горы. Только вот за один сезон, похоже, не управиться: более 2000 километров надо пройти. Это по горам-то, да еще и с рюкзаком...

Трудный вопрос, где начинается Урал, я решил просто: откуда отправлюсь в дорогу — с юга или с севера, там и будет начало Урала. Сложнее оказалось выбрать направление пути.

Прежде всего я поставил на карте две точки: одну где-то в жаркой полупустыне северо-западнее Аральского моря, другую — чуть южнее берегов холодной Арктики.

Первая припала на горный массив Жамантау, южную оконечность Мугуджарского хребта, примыкающего к Уралу с юга, вторая на гору Константинов Камень, близ Карского моря. Почитал я разную литературу и решил, что начинать маршрут с Жамантау явно не стоит. Этот невысокий горный массив, который на юге переходит в равнину, не очень-то привлекателен. Там почти нет речек, ручьев и родников, очень мало растительности, а следовательно, и пригодных для пастбищ мест. Вот и заслужил этот массив казахское название Жамантау — «Плохая гора».

Пусть лучше Жамантау будет концом маршрута. Да и от зимы бежать несколько перспективнее, чем к зиме. Поэтому я решительно, правда, пока что мысленно, направился на Полярный Урал. И сразу же узнал много интересного.

Прежде всего оказалось, что коренное население этих мест ненцы считают концом Урала не Константинов Камень, а небольшие сопки прибрежных тундр, называя их в совокупности Пэмал — «Конец Камня», «Конец Урала». Здесь возвышаются Большая и Малая Хора-Маха — «Оленья грива», Парсейса — «Очень Черный Камень», Сибилей — «Сумрачная гора».

А затем выяснилось, что и Константинов Камень не без сомнения можно считать концом Урала. Он относится к Миписейскому хребту — группе «островных гор»,

отделенных от основных хребтов Полярного Урала и более низких, чем они. Но это уже, как говорят, тонкости. Все-таки и «островные горы» круто поднимаются над тундрой: высота Константинова Камня — 492 метра, а его южные соседи — горы Малый Минисей и Большой Минисей — еще выше. Это и позволяет считать Минисейский хребет северным концом Урала.

Итак, точку для старта я выбрал — Константинов Камень. Ну, а потом отправился по карте на юг и пробежал глазами по хаосу горизонталей. Хороши горы, ничего не скажешь! А какие названия: Хахаремпэ, Хойдыпэ, Няроцэ! Это надо же: Ха-ха-рем-пэ! Правда, на самом деле они могут звучать несколько иначе — в картографической топонимии на Уральском Севере много ошибок.

Все эти названия — ненецкие. В ненецком языке пэ — «камень», «каменная гора». Значит, пойдём по ненецким горам с севера на юг.

Стоп! А это что такое: Марункев, Харнаурдыкев, Лонготгегантайкев... Неужели хантыйские названия? Ведь *кае* по-хантыйски «камень», «каменная гора». Откуда они здесь? А дальше Понпэлиз — «Камень Собачье Ухо» — уже из языка коми. И снова ненецкие топонимы: Пендирмапэ, Енганепэ. Что за чехарда?

Беру карту, составленную Анталом Регули, который в 1843—1845 годах в одиночку объехал чуть ли не весь Уральский Север. Венгерский учёный Йозеф Эрдеди — спасибо ему! — послал мне копию этой карты — она была издана в Венгрии. Правда, названия гор видны плохо. Копия уменьшена. Горы изображены штриховкой. Названия написаны мелким бисерным почерком прямо на штриховке. Мучение одно! Но все-таки можно понять: на всем Полярном Урале господствуют ненецкие названия на пэ.

Посмотрим еще карту Эрнста Карловича Гофмана, начальника Североуральской экспедиции Академии наук 1847—1850 годов. Опять на Полярном Урале идут подряд названия на пэ: Хаюды-Пэ, Хуробада-Пэ, Пороч-Ядыр-Пэ, Пендырма-Пэ...

Теперь все ясно — ненецкие названия с течением времени стали заменяться на картах хантыйскими и коми: то ли изменились маршруты ненец-олёневодо-вод, то ли проводниками топографических партий были коми или ханты.

Путешественники чутки к названиям мест и их изменениям. В 1909 году по горным тундрам Полярного Урала продвигалась к Минисейскому хребту экспедиция, снаряженная на средства братьев Кузнецовых. Руководил экспедицией известный геолог Олег Оскарович Баклунд. И однажды в его дневнике появилась такая запись: «В описание пути и местностей около стоянок до сих пор не введено ни одно местное название. Это происходит от того, что экспедиционные проводники не могли назвать ни одной речки или горы, кроме главных. Как ни старались члены экспедиции во главе с Григорьевым (топографом экспедиции. — А. М.) узнать названия хотя бы более выдающихся гор, остья упорно уверяли, что особых названий для них нет, хотя из года в год они совершают путь с вершины р. Собь до северной оконечности Урала. Может быть, эта горная полоса в то время, когда на ней охотились и странствовали самодеды, изобилвала... названиями, которые, по мере того как камень запустел, были забыты».

Все очень толково объяснил Баклунд. А ведь от времени Регули и Гофмана его отделяли какие-то 60—65 лет. Но на календаре 1985 год... И карта бесстрастно регистрирует исчезновение все новых географических названий.

У древних греков был миф о Лете — реке забвения.

Глоток воды из этой реки — и души умерших уже не вспоминали о земле.

Исследователь прошлого плывет вверх по реке забвения. Труден этот путь. Сначала перед ним светлая и спокойная река, но постепенно чернеет вода, все выше волны, и вот уже непроглядный мрак окружает со всех сторон. Надо возвращаться и начинать все сначала...

4. В СОКРОВИЩНИЦЕ ПАМЯТИ

Десятки тысяч лет тому назад появились первые личные имена и названия мест. А потом люди поняли, что самая страшная казнь — лишить имени, самая высокая честь — назвать именем человека город, где он родился.

У народа своя память, своя точка отсчета и система расчета. Народ помнит свои дороги и своих героев. Сколько сил потратило царское правительство, чтобы выкорчевать из памяти народной самое имя Емельяна Пугачева и все, что связано с пугачевским восстанием. Даже реку Яик переименовали в Урал, а Яицкий городок — в Уральский. Состарились в Кексгольской крепости под арестантскими номерами лишенные фамилии и имени жена и дети Пугачева. Сгниул на царской каторге его ближайший сподвижник башкирский военачальник и поэт Салават Юлаев. А в памяти народной жили и живут Пугачевский вал, Пугачевская башня (та самая Кексгольская), Салаватов ключ, Салаватова пещера, Салаватов лес, Салаватов двор...

Октябрьская революция внесла свои поправки: появились на карте нашей страны города Пугачев и Салават, поднялся над Уфой бронзовый всадник — памятник Салавату, глядит со страниц книг и учебников чернобородый донской казак — Емельян Пугачев.

Портреты других борцов за народную свободу не сохранились. Памятники им не поставлены. Но народ помнит их имена.

К северу-востоку от Первоуральска в верховьях реки Малой Черной есть гора Рыжанкова. Этому названию уже более двухсот лет...

Ласковым прозвищем Рыжанко, или Золотой, разбойники называли своего атамана, двадцатисемилетнего крепостного крестьянина Андрия Степановича Плотникова из села Новое Усолье Соликамского уезда. Был он, верно, рыжеволос, за что и получили такое прозвание. А еще был Рыжанко не только лихим разбойником, перед которым тряслись помещики-душегубы, но и человеком, что надо... То он спасает девушку от насилия, то вершит суд над своим же атаманом, уличенном в разных мерзостях, то, откликнувшись на призыв крестьян, казнит жестокого заводчика Ефима Ширяева, владельца Васильево-Шайтанского завода, демидовского последыша.

Доброе же, видно, было сердце у атамана — и Ширяева-то хотел простить. «А что, Ефим Алексеевич, будешь ли добр к крестьянам, не станешь ли их жестоко сечь и большими окладами работ окладывать?» — спрашивал он Ширяева. Только люди упростили не делать этого: «Бейте, режьте, рубите, жгите его, не оставляйте его живым», — кричал Ефим Нарбутовских, и Рыжанко поднял пистолет...

После этого случая отправилась воинская команда на поиски Рыжанко. И не повезло храброму атаману. 23 июня 1771 года задевал он с товарищами на высокой горе. Развели разбойники огонь, уже стали подумывать насчет обеда, да и не заметили, как их окружила сыскная команда. Эх, Рыжанко, Рыжанко, как же ты оплошал? Ведь еще на одному десятку ширяевых можно было бы отплатить за муки народные, сколько денег и харчей раздать людям... Ведь впереди еще и Крестьянская вой-

на 1773—1775 годов, а — ей-же-ей! — как пригодился бы ты Емельяну Пугачеву. Так нет же, надо было так нелепо попасться. А дальше уже все, как обычно: дознание, пытки, кнут, вырванные ноздри, клеймение, вечная каторга в Нерчинске и безвестная смерть.

Все, казалось, было вытравлено из памяти — царские палачи умели это делать. И лишь в архивных дебрях пылились старинные документы о Рыжанко.

Только есть еще память народная: и стала та несчастная гора, на которой поймали храброго Рыжанко, горой Рыжанковой, и поныне пишется на картах его славное имя. Каждому отмерено, что положено. И Рыжанко получил свое бессмертие.

Были в те беспокойные времена и другие разбойники, но не всех, конечно, запомнил народ. Скрывались разбойники обычно в глухих горных лесах, но не так, чтобы уж очень далеко от заводов: на грибах да на коре долго не протянешь. И стали такие горы называться у Нижнего Тагила Гулящими — по «гулящим» людям, а под Екатеринбургом — Варначими, по «варнакам» — каторжникам. И все: не каждого гулящего человека и тем более варнака поименно помнили люди. Были и такие, что забыть бы поскорей. А Рыжанко запомнили...

Я много раз бывал в верховьях Черной. Все горы здесь похожи друг на друга, как близнецы: высокие, округлые, покрытые густым лесом. Одна из них Рыжанкова. Мемориальной доски нет. Вместо нее — название.

Сто тридцать равноправных народов и языков в нашей стране. И у каждого народа есть свой рыжанко, да не один. Люди помнят своих героев — знаменитых охотников, великих силачей, благородных разбойников, просто хороших людей, а названия помогают хранить их в памяти.

Не раз и не два рассказывал мне мансийский оленевод Дмитрий Ильич Санбиндалов об Эрыг-Хумит — «Людях из песни», или, что тоже самое, Эрыг-Отырт — «Богатырях из песни», но я так и не добился от него, как же звали этих мансийских героев. Нет у них имени. И в моих записях тоже не раз и не два появились Эрыг-Хумит-Я — «Река людей из песни», Эрыг-Хумит-Нёл — «Мыс человека из песни» и, наконец, скалы Эрыг-Отырт — «Богатыри из песни» — сами окаменевшие герои.

Но когда звучат имена, как помогают они сказителю, как выручают они его память! Ведь иной раз имя — целый рассказ. И гомеры всех времен и народов знали и помнили об этом.

Четверть века назад я прогуливался по улицам весеннего Ленинграда с молодыми венграмми-лингвистами. Говорили о многом, но, конечно, прежде всего об уральских родичах венгров — ханты и манси. И вот Габор Берецки, теперь известный финно-угровед, мимоходом заметил, что в библиотеке Академии наук есть лишние экземпляры богатырского эпоса ханты в записях Серафима Патканова. Более того, они продаются.

Патканов — это же редкость! Хвала библиотекам, продающим то, что не нужно. И спасибо Габору, которого, к сожалению, с тех пор я так и не видел.

Переворачиваю страницы бесценного труда Патканова. Здесь и богатырский эпос ханты, и мифы, и сказки, и песни, и загадки. Вот, например, предание о богатырях из города Эмдера, который в русских документах назывался Ендырским городком. Необыкновенной силы были эти богатыри, но они в конце концов погибли.

Первым назван богатырь Ху-Сасытэм — Тав-Тав-чем-Ютманг-Урт — «Богатырь, раздробивший сущенное конское бедро». Ничего себе названьице! «Богатырь,носящий имя, откуда он добыл свое славное имя?» — спрашивает себя рассказчик. А кто сумеет руками разломать конское бедро на семь частей? Вряд ли найдешь такого. А наш герой — пожалуйста! Вот какой сильный.

Имя другого персонажа — Худэм-Сот-От-Титтидэм-Лулэнг-Мох-Тохтынг-Мох-Кынэнг-Урт-Ига смутило и самого Патканова. Вот что он написал: «Это прозвище состоит из следующих частей, которые я не решаюсь перевести вместе: Худэм-Сот-От-Титтидэм — «Гнивший 300 лет», Лулэнг-Мох, Тохтынг-Мох — «Детеныш малой гагары, детеныш большой гагары», Кынэнг-Урт-Ига — «Гнилой богатырь — старик». Ну и характеристика. От такого надо бы держаться подальше. Напрасно этого не сделали эмдерские богатыри.

Что здесь правда? Что вымысел? Все так слито, что и не разобраться. И все равно — это борьба народа с забвением.

У исследователей прошлого свои тропы, идущие вверх по реке забвения. Их ориентиры — древние документы, археологические памятники, предания, личные имена, географические названия...

5. ПО БОЛЬШОМУ ПРОХОДУ

Самым важным из «чрезкаменных» проходов был Большой, или Собский. Он шел по горной долине, отделяющей южную часть Полярного Урала от северной. Сперва путники поднимались на лодках по Усе, затем по ее притоку — Ельцу, потом преодолевали волок и попадали в Сось.

Этот волок был хорошо освоен, и летом на нем былолюдно: торговцы, промысловики, служилые люди пробирались на Обь и возвращались на Русь.

В низовьях Соби была поставлена таможня — Собская застава, где брали «на государя» пошлину — десятую часть товара — и строго следили за тем, чтобы кто-нибудь тайно не провез бобровые или соболиные шкурки. Таможенным головам было предписано обыскивать, «не боясь и не страшась никого ни в чем, чтобы в пазухах, в штанах и в зашитом платье отнюдь никакой мягкой рухляди не провозили... а что найдут, то брать на государя».

Чтобы не кочевать с товарами по бескрайнему Обскому краю — и накладно это было, и рискованно — русские купцы приспособились торговать у самой заставы, и стала она таким же важным центром сибирской торговли, как Березов и Тобольск. Чего только не везли русские на Обь, чтобы заполучить «мягкую рухлядь»: медные котлы и оловянные блюда, топоры и зеркала, веревки и нитки, сахар и пряники, железные наконечники для стрел и колокольчики. Бойко шла торговля!

Зимой волок пустел. Был Собский проход широким и удобным, но в зимнюю вьюгу путнику не было спасения на открытом месте: снегом заносило обозы, гибли олени и люди.

Теперь тут железная дорога — поезда идут к Оби в город Лабитнаги. Но нет-нет и покажет себя Полярный Урал лютый стужей, снегопадом, метелью. Перевальные участки пути засыпает многометровый слой снега, и в теснины между скал пробиваются бульдозеры и вездеходы спасать пассажиров.

«Ветреная дыра» — Тэла-Рузь — говорят о таких местах ижемские оленеводы, а уж они-то повидали всякую непогоду.

Зима наглухо перекрывала Большой проход. Потому в наказе собским таможенным головам предписывалось жить на заставе три месяца — июнь, июль и август, «а больше того жить там нечего, потому что торговым и промышленным и всяким людям мимо... Собского устья... в осень и во всю зиму и весной ездить нельзя: то место пустое...»

Зато летом здесь было хлопотно: ведь не только Сось, но и окрестные хребты приходилось держать под

неуспынным надзором, чтоб не пронес кто-нибудь свою кладь в обход заставы. А горы-то не маленькие: набегаясь по ним — язык высунешь...

Торговые люди тоже не дремали. Добирались глухим Щугорским путем до Сосвы и в обход Березова — через Ияспалову протоку — попадали прямо в Обь. Ищи-свищи их на обских просторах!

На реке Торговой — притоке Щугора — бойко шла беспопытная обменная торговля с югрой и самоядью. Лес — не тундра, здесь было труднее углядеть за каждым проезжим. И хотя и на этом пути скоро появилась таможня — Киртасская застава, кто посмелее да похитрее пробирался на Обь по Щугорскому, или, как его еще называли, Югорскому пути.

Но Большой проход был куда люднее, особенно в XVII веке, когда по заполярным тундрам возили товары в далекую Мангазею. И все-таки по указу Петра I он был закрыт для русских торговых караванов, хотя местные старожилы — пустозеры и обдорцы, уж не говоря о ненцах и ханты, — продолжали им пользоваться. Иной раз пробирались и зимой.

В 1843 году проехал зимним путем в Обдорск и знаменитый финский ученый Александр Кастрен, исследователь языков народов Сибири. Ярко описывает Кастрен свои впечатления от поездки в полярную ночь и горы Пайер, самой высокой вершины Полярного Урала, которую он видел издали. Образное ненецкое название Пэ Ерв — «Хозяин Урала» Кастрен переводит «Князь гор». Чуть по-другому выглядит перевод этого названия в «Книге Большому Чертежу» 1627 года — Князькова гора. Перевели первопроходцы более или менее точно, а измерили еще точнее: «от верху Усы до верху горы Князьковой 150 верст». Прикинул я это расстояние по карте-миллионке — получилось 150 километров. Неплохо работали «топографы» XVII века! Да еще на Полярном Урале...

Название Князькова гора давно забыто и не удержалось на карте, но оно наводит на размышления. Ведь уж где-где, а по Большому проходу должны быть русские географические имена. Одно нахожу сразу: в Собь русские попадали по Волочанке, упоминаемой в той же «Книге Большому Чертежу». С ней все ясно: Волочанка от русского *волочить*. А как с названиями других рек Собского пути?

Вслушиваюсь в звучные наименования двух главных рек — Уса и Собь. Нет, что-то не нахожу я для них места в русском языке. А в языках коренных жителей? Древнее население здесь ненцы — «Самоядь кочевая». Но ненцы называют Усу Сабривьяха — «Глубокая река» и Нгысма Ям — «Зырянская Обь», «Ижемская Обь», а Собь — Падьяха — «Котомочная река».

Может быть, топонимы Уса и Собь происходят из языков других коренных народов Уральского Севера?

Манси живут намного южнее и вообще не знают этих географических названий. У ханты Уса — Саран Ас, то есть, как и у ненцев, «Зырянская Обь», а Собь — Супьхан. Некоторые ханты дают и перевод — «Река-помеха». Но это уже явная народная этимология.

Кое-что находим только у коми: Усу они называют Усва, вторую часть топонима — ва — переводят «вода», но первую — ус — объяснить не могут. В одном источнике XVIII века есть и Собва. А глагол *собны* в коми языке — «брести по воде». Значение «Река, по которой бродят» для названия волоковой реки Собь тоже подходит, особенно если вспомнить ненецкое Падьяха — «Котомочная река». Если брести по такой реке, то, конечно, с котомкой. Но логика — одно, а язык — другое: брести и котомка — слова разные.

А может быть, это все-таки старорусские названия, смысл которых забыт?

Ведь русское слово *ус* часто употребляется в переносных значениях: в Свердловской области усами называют ответвления узкоколейной железной дороги — Правый Ус, Средний Ус, в некоторых архангельских говорах *ус* — «рукав реки». Коми топоним Усва, то есть Ус + ва, прямо подтверждает эту версию. Когда название Ус потеряло связь с первичным «нарицательным» значением, как это нередко бывает со старинными именами, оно перешло в Уса под влиянием таких слов, как *вода, река*.

Добрых пятьсот верст приходилось русским людям плыть вверх по Усе до Камня, и, наверное, были какие-то русские названия у ее притоков. Только не дошли они до нас. Сейчас здесь коми топонимы: Адзьва — «Луговая вода», Лёмва — «Черемуховая вода», Кёчпель — «Заячье ухо».

Но есть все-таки два больших притока Усы, названия которых явно Дали русские — Большая Роговая и Малая Роговая. Геолог Георгий Александрович Чернов пишет, что на этих реках неоднократно находили остатки костей мамонта, его бивни — «рог». А в XVI—XVII веках на Усе стоял знаменитый в те времена Роговой городок. Шла здесь меновая торговля с местным населением и отдыхали торговые люди перед поездкой за Камень или после нее. И сам Роговой городок и бивни мамонта привлекали русских промышленников и торговцев. Только сейчас уже не докопаться, что появилось раньше — название реки или городок.

У коми эти топонимы тоже сохранились: Большая Роговая стала Ыджид Рэгэвэй, а Малая названа Лёк Рэгэвэй — «Плохая Роговая», ведь говорят «малый — захудалый».

Выше Роговой опять идут коми топонимы, и только в самых верховьях Усы находим еще одно русское по облику название — Елец. Загадочен этот топоним. В документах начала XVII века он приводится в формах Ель и Вель. Может быть, это слово и местное: в коми языке *эль* — «лесной ручей». Правда, лесов по Ельцу, прямо скажем, негусто. Может быть оно и русским. Ведь есть в центральной России город Елец, название которого сопоставляют с русским словом *ель* и диалектным *елец* — «лесная поросль». Одно ясно: конечное *ец* — старинный русский суффикс, который всем знаком по слову *молодец*.

За Ельцом — волок и Собь. Известный историк Сергей Владимирович Бахрушин писал: «Каменный волок», которым производился перевал через Уральские горы, прерывался семью озерами, в промежутках между которыми приходилось волочить лодки и переносить поклажу на руках». Конечно, не на руках — это тяжело, а на спине — в котомках. Вот почему ненецкое Падьяха — «Котомочная река». А ведь ненецкое слово *пад* — «мешок», «котомка» и русские диалективные слова *собь* — «все свое, имущество, пожитки», *собенька* — «котомка» — одно и то же. Поэтому русское название Собь можно рассматривать как «перевод» с ненецкого. В дальнейшем Собь-река стала просто Собью — «Собственной», «Своей рекой». Такое значение в русской топонимии не редкость: в Архангельской области есть болото Свое, в Костромской — луг Собственный, а в парках Павловска и Гатчины близ Ленинграда — Собственные сады.

Значит, за Полярным кругом у русских тоже была «Своя река» — Собь, на которой заканчивался трудный многомесячный путь.

До сих пор на Уральском Севере можно встретить старожиллов с фамилией Собянин. Это — люди с Соби, потомки русских первопроходцев.



УКРАСИТЬ КНИГУ...

Растет интерес к экслибрису. Изящная миниатюра, приклеенная к внутренней стороне книжного переплета, не только указывает на принадлежность книги, на характер книжного собрания книголюбца, но и свидетельствует о дружбе владельца экслибриса и художника, создавшего его.

В самых разных городах страны возникают клубы экслибрисистов, объединяющие художников-графиков и коллекционеров книжных знаков.

Третий год работает такой клуб в Горьком. Выставки малой книжной графики организуют члены клуба в книжных магазинах, библиотеках, кинотеатрах, Домах культуры.



Известно в городе имя коллекционера, журналиста, ответственного секретаря горьковского областного клуба экслибрисистов Владимира Пантелеева.

Создавая домашнюю библиотеку, он стремился не только приобрести любимые книги, но и как можно больше узнать об их авторах. Так была положена основа для переписки и личных встреч с писателями. Зная об увлечениях библиофила-экслибрисиста, литераторы присылают ему в подарок свои книги с автографами. «Дорогому Владимиру Пантелееву — на добрую память с благодарностью за добрые слова, которые согрели мне душу, за любовь к поэзии. Большого Вам счастья!» — написал на одной из книг выдающийся советский поэт Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Эдуардас Межелайтис. Оренбургский прозаик Борис Бурлак прислал свой новый роман «Смена караулов» с надписью: «Дорогому Владимиру Борисовичу Пантелееву. Это, наверное, и о Вас сказано, что мир не без добрых людей. С сердечной признательностью за внимание». «Чуткому и отзывчивому человеку — Владимиру Борисовичу Пантелееву от всей души и с благодарностью» — так написал на своей книге «Все радости жизни» свердловский писатель Павел Кочочигов. Более ста книг в библиотеке В. Пантелеева с дарственными авторскими надписями.

В многотысячной коллекции книжных знаков, собранных библиофилом, представлены миниатюры советских и зарубежных художников, работающих в жанре экслибриса.

Все книжные знаки в собрании В. Пантелеева разбиты на пятьдесят тем, а внутри каждой — по авторам.

Владимир Пантелеев пропагандирует творчество советских художников, постоянно устраивая выставки по материалам своей богатейшей коллекции. Он сам сконструировал и изготовил удобные разборные



металлические стенды для своих экспозиций.

Только за последнее время с большим успехом он провел выставки: «Владимиру Маяковскому — 90 лет», «Книжные знаки свердловских и челябинских графиков», «Книжные знаки советских писателей», «Образ женщины в экслибрисе», «Военная тема на книжных знаках», «А. М. Горький в экслибрисе», «Максим Горький и его современники», «Лениниана в экслибрисе», «Землю от пожара убе-



речь!» и др. Ко многим выставкам выпускаются иллюстрированные буклеты.

Проводимые В. Пантелеевым выставки сопровождаются интересными беседами о творчестве художников, работы которых представлены в экспозициях. Сотни писем от любителей малой книжной графики приходят к нему со всех концов страны по адресу: 603098, г. Горький, ул. Артельная, д. 13, кв. 43.

Коллекция Владимира Пантелеева всегда в движении. Лучшие экспонаты из нее можно увидеть и на выставках за рубежом.

Художники создают для книг горьковского библиофила новые знаки. Сегодня мы знакомим читателей «Уральского следопыта» с миниатюрами В. Ресниса (Рига), А. Шершнева (Псков), В. Зверева (Кемерово).

А. НОВИКОВ.

ЗВОНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА

Среди коллекционеров есть умельцы, которые к каждой вещи приложили терпение, прежде чем очередная вещь стала вновь служить.

Вот мы в гостях у брянского мастера Николая Тарасовича Романова. «Часовым делом начал интересоваться еще в молодости, — рассказывает Николай Тарасович, — не шли в доме единственные часы, ремонтировать в то время было некому, и я сумел наладить их. Мать похвалила». Но прошел не один десяток лет, не одну профессию сменил Николай Тарасович:

плотничал, работал слесарем, закройщиком, прежде чем интерес к часам стал душевной потребностью.

Перед войной работал на военном складе, кроил прорезиненные комбинезоны, шил противогазные сумки.

В годы войны делал для военного предприятия ключи, всякие замки. Большую часть ключей приходилось изготавливать из проволоки. Возвратившись в Брянск, Николай Тарасович стал работать на машиностроительном заводе в цехе по наладке швейных машин.

Николай Романов начал собирать среди железного лома детали и части от часов и неделями сидел за столом, ремонтируя и восстанавливая ходики, будильники... И обрел мастерство в столь кропотливом деле.

Уже 15 лет идут часы одной французской фирмы. Умелец восстановил недостающие движущие детали, нарезал резьбу, сделал для них заново маятник.

А вот другие старинные часы. С ними пришлось долго повозиться: заново сделать метровый маятник, сменить циферблат, пружину и другие детали. Идут теперь старинные часы высотой с человеческий рост и отбивают двойным боем для дочери мастера неповторимые звоны прошлого века.

Смотрю на часы различных марок в комнате Романова, действующие и требующие постоянного к ним внимания, и думаю: кто бы перенял опыт умельца? Ведь для музеев и любителей старины нужны часы, которые бы действовали. И как бы угадывая мои мысли, Николай Тарасович говорит, что привил любовь к часовому делу молодому сварщику Ивану Костинову.

Всю свою коллекцию настенных часов Николай Тарасович Романов думает подарить молодому умельцу, который и живет напротив старого врачевателя часов.

В. СТОЛИЦИН.

ЛЕСНАЯ СТРАЖА



В моей коллекции значков, посвященной теме «Лес — богатство Урала», есть старинный жетон из желтой жести. Его носили на ремне полевой сумки, а иногда на правой стороне груди лесные сторожа. Знак мог быть укреплен и на воротах дома лесного служителя.

Существовали в былые времена и другие знаки: «Лесник», «Лесной объездчик», «Лесной кондуктор». Всем сразу было видно — это представители государственной охраны лесов.

Ю. ОСТАНИН.



„Последнего взмаха не будет у вёсел...“

Людмила СЕРГЕЕВА

«Здравствуйте, дорогая редакция! Решила вам написать и вот почему. Родилась я в деревне Щипачи на родине знаменитого поэта Степана Щипачева. И вот обидно мне, что память о нем в тех местах забывается. Прошли годы, деревни не стало, вся территория на сотни гектаров стоит поросшая бурьяном. Осталось в Щипачах восемь домов... Домика Щипачевых нет и в помине.»

Наше поколение выросло на стихах и поэмах Степана Щипачева. «Павлик Морозов», «Домик в Шушенском», «Красный галстук» — думаю, и сегодня эти произведения читают пионеры. Ведь это сокровища нашей советской литературы.»

*З. С. КУФЕЛЬД,
с. Ербогачен Иркутской области».*

Деревня Щипачи еще совсем недавно относилась административно к Камышловскому району Свердловской области. Волковское стояло от Щипачей так близко, что собаки переругивались «деревня с деревней», не особенно напрягая глоток. Только Волковское находилось в Богдановичском районе.

Может, по той причине, может, по какой другой, но жили прежде волковские и щипачевские, как в разных государствах. Степан Петрович Щипачев вспоминал об этом в повести «Березовый сок». Долго мужики не могли договориться, кому поскотину городить. Долго спорили. Рядили, на сколько длинной оставить, кому, от каких и до каких пор. На сходе все переругались, да так и разошлись ни с чем. Поставили на поскотине две изгороди с волковской и с щипачевской стороны, сделали двое ворот. Чтобы проехать по дороге через тот луг, нужно было открывать одни ворота, после — другие и закрывать их в той же последовательности.

Сегодня читают про те времена люди и улыбаются. Когда было-то? В начале века... В Щипачах делились жители на верхохон и низовцев — по течению речки Калиновка. Была еще зарека — самая бедная часть деревни. Ни один праздник не обходился без кровавых драк; заводились мужики и парни по пустякам, а кончали часто тяжелыми увечьями. Ссоры мешали и в крестьянских делах. Решили, к примеру, пахоту всем миром провести — так опять же перессорились: кому-то показалось, что свою лошадь пахарь бережет, а чужую больше кнутом стегает. Разошлись каждый по своим наделам, работать, как деды и прадеды, — врозь. А много ли в одиночку наработаешь?

И в одной-то семье жили не больно ласково. Когда умирал ребенок, говорили то ли с облегчением, то ли со вздохом горьким: «Бог прибрал. Одним ртом меньше». Росли ребятишки неграмотными, как отцы и матери: «Сохе грамота не польза». Самой большой похвалой была сказанная по весне словно невзначай фраза: «Хлебо-то еще не молотили, прошлогодний едим».

Хлеб был мерилом всего. Он был радостью, когда хватало вдоволь. Он был горем, когда не дотягивал хле-

бушко до нового урожая. Многие семьи перебивались на одной картошке. А кому и картошечки не досыта елось... Чтобы заработать свой хлеб, отправлялись мужики и бабы по талой воде на заработки. Одни уходили и не возвращались вовсе. Недаром из трехсот дворов, что насчитывались в Щипачах к периоду коллективизации, осталось меньше половины. И прежде всего исчезла самая бедняцкая часть села — зарека.

На примере своей семьи рассказал Щипачев в повести «Березовый сок» о горькой судьбе дореволюционной русской деревни. Отец Степана умер, когда мальчику исполнилось четыре года. Остался после отца дом, крытый полусгнившими драницами, лошадь да долги за семенное зерно.

Летом Степан с матерью косили и ворошили сено, осенью жали хлеб; зимой безропотная лошадевка Игренька тащила из лесу воз с дровами. Бабушка ушла в Камышлов в няньки к детям богатого купца. Сестра Татьяна жила в услужении у попа. Домой возвращалась чистенькая, одетая по-городскому, совсем не похожая на деревенских подружек. Так и жили врозь, иначе в деревне не прокормиться. И оттого все больше отдалялись от деревенской жизни.

Пахотных мужиков, тех, что нанимали работников, было только двое, да и те в соседних деревнях. По весне девятилетнего Степана увез пахотный мужик Матвей. Когда начали сеять, в овражках и под кустами еще лежал снег. Мальчонка босой шел за лошадью и пел во весь голос частушки, все, какие знал, даже те, что сам придумал на масленицу. Хозяин кормил работника хорошо, но денег за пахоту не платил — старые долги отработывал пахарь. Первые свои заработанные три рубля он принес домой в десять лет, когда ходил с деревенскими на асбестовые прииски. Купил в первую получку горбушку белого хлеба на четыре с половиной копейки и съел тут же, в хозяйской лавке: «Так вот он какой, белый хлеб!» Здесь же, на приисках, он впервые увидел паровоз. Шел 1909 год.

Десятилетним пареньком Степан принял участие в рабочей забастовке на приисках. Хозяин отказался прибавить полкопейки за работу в вечернее время. Решили на прииск не выходить, пока не получат, что требуют. И добились своего. Так деревенские мужики и бабы, те, что ссорились на поскотине из-за изгороди, те, что неудачно начали всем миром свою первую пахоту, впервые объединились в общей борьбе, почувствовали свою силу.

Певцом нового дня России станет мальчишка из села Щипачи. В мае семнадцатого года Щипачева призвали на службу в армию. Огонь гражданской войны охватил Россию. Контрреволюция подминала под себя Омск, Екатеринбург, Уфу. Проводилась всеобщая мобилизация. Чтобы избежать службы в белогвардейских войсках, Щипачев до одури накурился махорки... Военфельдшер в полковом околотке признал годным его к нестроевой.

С середины апреля 1919 года Степан Щипачев — в рядах Красной Армии. Он сражался в легендарной Чапаевской дивизии. Стихотворение Щипачева «На смерть коммуниста», написанное им еще в колчаковском тылу, было напечатано отдельной листовкой, эти листовки разбрасывали над вражескими окопами. Об этом периоде жизни Степан Петрович писал:

На город шел Колчак,
у мыловарни
Чернел окоп, в грязи была сирень...
А я сиял: я стал
партийным парнем
В осенний тот благословенный день.

Война была в разгаре, но молодого коммуниста Щипачева направили на краткосрочные курсы красных командиров в Оренбург. До 1925 года служил в Крыму, был преподавателем в военной школе. Там же, в Симферополе, вышел первый сборник стихов поэта «По курганам веков». Вскоре его стихи стали появляться в столичных журналах, затем вышло сразу несколько сборников.

«Мои стихи, — признался однажды поэт, — нужно рассматривать как что-то очень лиричное, помноженное на дату, которая стоит под стихотворением». Многие произведения Щипачева — своего рода поэтический дневник, в котором каждое стихотворение написано в контексте своего времени, определенных событий.

Работая в Москве, Щипачев приезжал на Урал. Юношески восторженную любовь к родному краю он сохранил на всю жизнь. Годы и время неумолимо стирают в памяти лица земляков, бывшие дорогами даты. Одно остается неизменным — творческое наследие поэта.

Как тронет смерть, когда кругом друзья,
Когда трава, и облака, и ветер —
Все до пылинки — это жизнь моя?

Время изменило и край, где родился поэт. Если хотите узнать, чем живет сегодня его деревня, чем дышит, лучше отправиться в дорогу в страдную пору. Автобус от Свердловска до Богдановича катит среди полей, где каждый свободный клочок земли заботливо ухожен. Клонятся долу тяжелые метелки овса, шokolадам огибают колосья ржи. Охватывают поле по самой горизонт полосы скошенных хлебов.

Непривычно выглядит защитная полоса у дорог. Обычно густо поросшая сорняками, она тут зеленеет от густых зарослей кукурузы и подсолнечника. От дороги в сторону деревень уходят трактора с прицепами, «с горбушкой» груженные зеленой массой. На картофельных и морковных полях приготовлены ящики и мешки. Автобусы у обочин терпеливо ожидают горожан, которые убирают картофель. Щедростью отвечает земля на заботу. Вдоволь будет и хлеба, и молока, и овощей.

Развивающееся хозяйство Волковского совхоза сыграло свою роль в исчезновении Щипачей: выгоднее было объединить средства в одном большом хозяйстве, чем делить его на мелкие. Сегодня положительные результаты такого подхода видны самому неподготовленному человеку. Открыт в селе новый магазин, затейливая чеканка у входа говорит, что и вдали от города люди устраивают свою жизнь со вкусом. Закончено строительство новой столовой. Весело тренькает кран, устанавливая опоры здания детского комбината.

Главная гордость совхозных строителей — восьмилетняя школа. Мечтают о ней многие, потому что до последнего времени в начальной волковской школе ребята учились по два-три класса вместе. Старшие переходили на печение ильинской школы-интерната. Путь до Ильинки не близкий — более десяти километров.

Средняя школа там, конечно, хорошая: кирпичное здание, теплое, с учебными классами и спальными корпусами. Но... в гостях хорошо, а дома лучше. Скоро в Волковском появится новая школа, а уж в учениках недостатка не будет: разрастается село, строится, заводят новые улицы. Сегодня каждый деревенский житель мечтает о квартире с удобствами. Правильно. Село включено в перечень объектов по экспериментальной застройке.

Центральная улица Волковского покрыта асфальтом, около домов тоже проложены асфальтовые дорожки. Теленок, лобастый, с метиной между глаз, пытается боднуть скамейку у новых ворот — похоже, он отлично чувствует себя на асфальте. Неуютно лишь старенькому грязному автобусу, что стоит около столовой и ждет рейса на полевой стан: дорога размыта осенними дождями. До деревни Щипачи, в которой расположена откормочная свиноферма, без болотных сапог не доберешься. Но это — сегодня. А завтра и здесь будет новая дорога.

На том месте, где когда-то стояла изба Щипачевых, чуть дальше от берега, размытого весенними водами, заложены фундамент памятника Степану Петровичу Щипачеву, который сооружается по инициативе его земляков. Богдановичи чтут память тех, кто прославил эту землю. В поселке Байны родился и вырос Герой Советского Союза Григорий Павлович Кунавин. Краеведческий кружок Дома пионеров и школьников собирает материалы о Герое Советского Союза Кузьме Петровиче Пургине.

Валентина Николаевна Щипачева, жена поэта, передала в дар городскому краеведческому музею 117 различных предметов, принадлежавших Степану Петровичу: его портфель, книги с автографами, рабочий блокнот, рукописи стихов, магнитофонную запись голоса поэта... Сын его, художник, также передал в дар богдановичскому музею портрет Степана Петровича.

Волковское — Щипачи... Две деревни, две судьбы. Когда-то их разделяло поле. Сегодня их объединяет память, судьба человека — современника Революции. Сегодня их объединяет труд. А поле, оно останется полем — русским полем. И этим все сказано. Вон оно какое!.. Насколько хватает глаз, раскинулось. Пляшут по нему солнечные лучи, прорвавшись сквозь дыры дождливого неба; лучи так осеяземо желты, что, кажется, догони один — и можно обнять рукой, как сноп с колосьями спелых зерен.

...Говаривал когда-то дед Алексей из деревни Щипачи: «Бежит речка, моет камешки. И тыща лет пройдет — будет бежать, крутые бережки подмывать. Силу-то ей мать-земля дает, из самой глубины студеные ключи высылает».

Так и нам, людям, дает она силу. Кто мы без нее? Что она без наших забот? Земля-кормилица. Земля-песня. Земля-радость. И ничто на земле не исчезает бесследно...

Летам невозможно не верить,
что жизнь все короче, короче...

А я еще все на галере работаю веслами строчек.
Собой обреченный когда-то на сладкую каторгу эту,
Гребу и за датой дату на сердце бросаю, как мету.
Но сердце не ведает страха над меридианами весен,
Как будто последнего взмаха не будет у весел.

Так писал Степан Щипачев незадолго до своей кончины. Будто подводил итог своему творчеству и одновременно заглядывал в будущее...

СЛОВАРЬ ХОРНБИ

Леонид ЖАРОВ

Рисунки А. Вохмина

По четыре часа сплю, утром встану — простыня в ниточку. Простите, это какая остановка? К окну протолкнуть бы себя — прислониться, поспать. И дырку продышать можно. А ну-ка, плечиком!

На почту успеть бы. Лариска придет — на столе словарь. Оксфорд, автор Хорнби. Улыбнется, может. А то все грусть всесветная. Раньше квартиры не было, теперь — детей. А у детдомовских — «наследственность плохая». Носик в щечку утопит, морщинки на лбу — одна в другую — буквой «Т». Неужто тридцати нет? Сидит у телевизора, ногу то в тапочек, то из тапочка. Тапочки розовые, вьетнамские. На них вышиты дракончики. Про словарь Лариска осенью прочитала. Высылают наложенным платежом. Может, купим? — букву «Т» раздвинула, улыбается. Читаю — сорок рублей! А она: зато на всю жизнь. Отправил, ничего не говоря ей, открытку в «Книгу-почтой».

Это какая остановка? Не проехать бы. Хорошо, отпустили пораньше. Отчет защитил сегодня по хоздоговорной теме. Все хорошо, только зам по науке глаза узит. Кулак подмостил под щеку, усталился на графики. Встает, брюшко на стол вываливает, пуговка на пиджаке пицтит, бедная! Начинает: «Значит, вы полагаете, что основания промысловых скважин устойчивы. А на Муравленковском месторождении? А на Тарасовском?» Будто не знает! Зам у нас без посла в голове. В поле пропадем месяцами, потом тут стулья трем. А толку? Строят, как хотят! Будто не знает. Лаяться пришлось. Зато отпустили пораньше.

Народу-то! Это какая остановка? Успеваю на почту. «Диссер» отменяю вечером, пусть головка отдохнет. Шайбу погоняем. Каток только расчистить. Пацаны забавные во дворе. На коныках по дороге шмыгали. Походил по соседям, в ЖКО, субботник организовали — каток под окнами! Лариска нудела, что «диссер» забросил. Зато каток! Освещение с Тимошей протянули, забавный парень. В ПТУ на электрика учится. Нос задран-

ный, ноздри большущие, будто пещеры. Выезжаю на вираже — прошлую субботу играли — он меня плечом в зубы — ап! Я бороду чуть не проглотил. Пацаны хохочут, клюшки побросали. Ну, думаю, мальчишечка!.. Тут он хватает шайбу, я разворачиваюсь, задом еду, проход ему оставляю возле борта. Он ускоряется — и туда; я чуток подумал — может, не надё? — а потом — в хоккэй играют настоящие мужчины! — присел пониже и — на борт его.

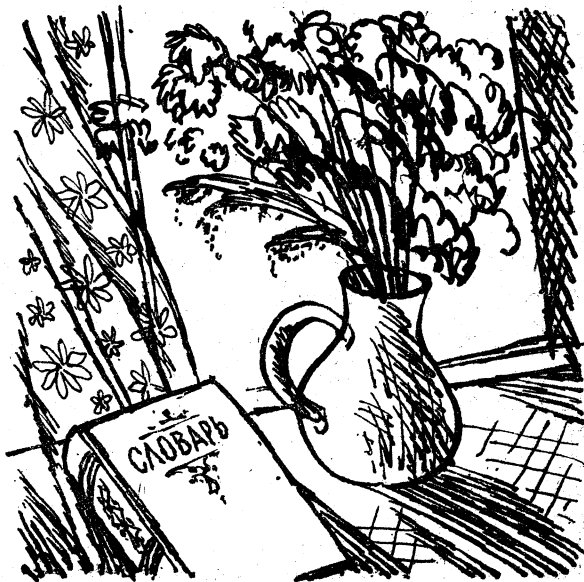
Вы выходите? Выходите? Куча у дверей. Баба упирается. Ты ж выйди, потом зайдешь! Нет, стоит. А ну-ка, плечиком. Прогнулась, не нравится. А кто ж виноват? Потерпи, может, поумнешь.

Ф-фу! Почта за углом, рыбочек! Два пацана в сугробе. Один малец совсем. Э-э, дерутся. Ну-ка! Вали, вали отсюда! А ты, малец, во-он в тот двор приходи на каток. В четвертую квартиру стукни.

Хороший малец, мордаха знакомая. А! Подарки я развозил позавчера, служил Дедом Морозом. На директорской «Волге». Помотался. Напоследок в общежитие, к лаборантке. Детей на лестнице! Маленькие, как запятые. Как заорут: «Дедушка Мороз, ты к нам?» К вам, к вам, где триста семнадцатая? Этот малец и подскочил. За

Леонид Жаров — участник тюменского областного семинара молодых прозаиков и поэтов. Родился в Нижнем Тагиле, окончил Московский государственный университет, сейчас работает в Тюменском отделении Института геологии и геохимии Сибирского отделения Академии наук СССР.

В нашем журнале публикуется впервые.



руку меня повел. Снизу улыбается. Челка со скульками, глаза бусенятся. У меня два подарка в мешке — дочке лаборантки и себе, Лариске купил. Распотрошил кулек, раздал. Обрадовались! Малец аж поцеловал меня.

Вот она, почта. Деревянный домик. Эх, снежок визжит! Темп, темп! Пятнадцать минут осталось. Так и знал! Закрыто. Бабка на крыльце топчется. Побарабаним. То-то, идут. Не кричите, девушка, я постарше вас. Еще без четырнадцати. Помните песенку: «У нас еще в запасе четырнадцать минут»? Да, буду выкупать. Бланки эти?

Ручка есть? Есть! Конёц обжеванный. Бобров разводят, что ли? Чернильница бочоночком. Крышка люком, тяжелая. Каслинская? Нуте-с, предъявлен паспорт, серия... Пером этим только Обь на картах рисовать! Серия, номер... Бабка села, локти растопырила. Сиреневый рукав, протерся; нитки белые просвечивают. Прибедниться любит народ! Выдан двадцатого июля... Бабка губами шлепает, пишет. А, перевод получает. Выдан отделом внутренних дел... Ну-ка, подвинуть локоть ее. Не убирает. А посильнее? То-то, убрала. Так, число, месяц, подпись. Готово!

Девушка, пожалуйста. Ого, и прописку нюхает. Красивый ящичек! Наклейка желтая. «Московский Дом книги». Эх, времена студенческие! Калининский, Арбат, Старокопюшенный, Молчановка! Спасибо, девушка. А фэйс у нее аккуратнейший! Ух ты! Бюст!

Вот и бабушка в окошечко бумаги подает. Зачем же кричать, девушка? Шесть минут еще. Бабушке деньги получить надо. Бабушка, вы где живете? Мне полчаса до Камчатской идти, а бабушке сколько — посчитайте. Не хотите? Телефон весьма кстати. Справочное? Областное управление связи.

Открыла сейф. Ну, народец!

Ф-фу, хорошо на улице. Е! Словарь забыл возле телефона! А, бабка несет. Спасибо, бабушка. Некогда, некогда, потом поговорим!

Полседьмого пропикало — с ума можно сдуреть! В телеграмме слова неправильно сосчитала. Не идет Славик — случилось чего?

Гордеевне соседка позвонила, «скорую», мол, вызвала, приступ у матери. Гордеевна графином звякает об стакан. Ладно, иди, не концертируй. Пластаюсь одна с обеда. Народу хоть немного.

Без двадцати. Не осталось никого. Чего ж Славка-то? Крючок на дверь набросить, посмотреть побежать. Полвосьмого в цирке начало. Радовался билетам! Билеты Аникеев привес, Пал



Ксаньч. На старой работе главный инженер. На Север зовет: «В структурном подразделении верные люди нужны». Жена у него, дочка школу кончает, в городе остаются. Положительный человек, ответственный. Пьет мало.

Сказала — в цирке отвечу. А чего отвечать — не знаю. Почта надоела. Я — из-за комнаты. Развелась со своим — записался, из очереди исключили на квартиру. А тут по радио передают — жилье предоставляется. Ничего, девять метров, туалет свой. Чего Пал Ксаньчу скажу? Северной женой заделаться? У Славки ухо болит, боюсь везти.

Где же Славка-то? До горки добежала — нету.

Без пятнадцати. Только пальто сняла, бухают по двери. Очкарь с бородашкой, старуха. Ну да-вайте, чего вам?

Извещение, наложенным платежом, сорок один рубль. Шуточки отпускает. На, на тебе бланк. Мне твои шутки неуместны!

Где же Славка? В окно посмотреть! Не видно, заморозило стекло.

Очкарь скалится. Мешки под глазами — за очки цепляются. Тоже, небось, соучастник бутылки. Чего скалишься, Змей Горыныч? Посылку искать паршивую. Лампочка в подсобке перегорела. Спички сбоку лежали, на полочке. Книжка, а стоит-то! Добавить немножко, Славке шубку можно купить.

Где же он, паршивец?

Нате вашу посылку!

Все! Пальто надеваю, платок. Старуха. Какой перевод? Сейф опечатала, семь часов уже, какой перевод? Человек руки вымыл уже! Чего на возраст спекулировать?

Телефон схватил! Змей! Сколько раз Гордеев не говорила: переставьте телефон.

На, на тебе перевод! — господи, где же Славка? — восемнадцать рублей, побыстрее пиши-то, рубли прописью, копейки цифрами. Ноль-ноль копеек цифрами. Цифрами, два колесика!

Все! Дверь на ключ, погасила свет, на крыльцо! Господи, Славик! Где ж ты пропал, сы-на? Побегали, побегали, по дороге расскажешь. Опять Гришка приставал? Вот паразит! Отброс общества! В субботу в школу выберусь. Дядя заступился? Есть же мужики! Хоть бы посмотреть. Повезло какой-то, муж с развитием. Я бы ему всеми зубами улыбалась.

Такси! Садись, Славик! Валенки отряхни, сиденье не пачкай! Хоть вздохну чуток. Пудреницу достать. Будет, Слава, будет Дед Мороз в цирке. Чего он про Деда Мороза? А-а, позавчера. В общежитие штук десять наезжало. Только к своим — шашь в комнату — и обратно. Хоть последний попался настоящий — конфетки в кори-

доре раздал. А Славiku мандарин. Славик прибежал, хвастается, я заревела, дура. Есть люди положительные, не все Змей Горынычи.

Поеду с Пал Ксаньчем. Да, северная жена. А так ходи на танцы «Кому за тридцать». Облает любой. Славка, не вертись! И Славiku защита будет.

Закрyто? Беда! Опоздала. Канаву разрыли, досточку бросили. Куда мне по досточке? Обходила, обходила канаву — длиннющая!

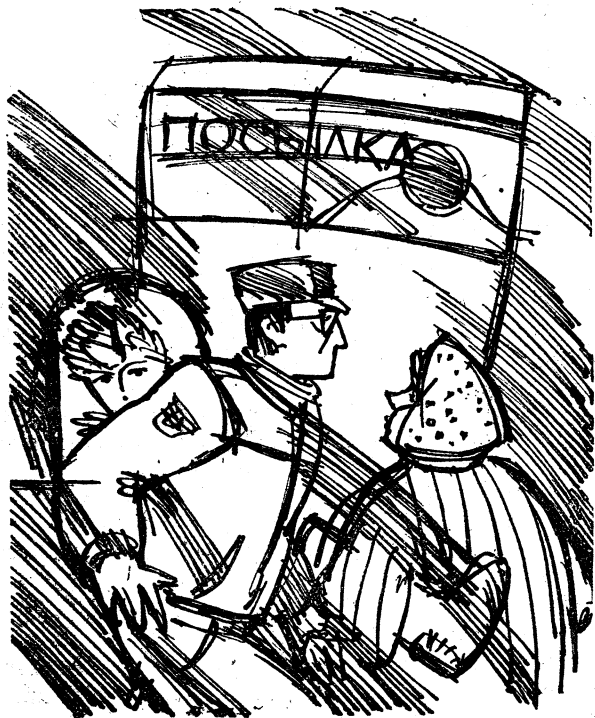
Помыла в магазине, домой иду — бумажка в ящичке. Премия пришла. Чудно, живу на шестом этаже, магазин внизу, а они почтой. «Тебя не нашли». Правильно, я у Тимоши была.

Мне на почту сходить — история. Дерну еще. Закрyто. Мужчина идет. Серьезный. Борода с цыганинкой. Лупит по дверям. Должно, начальник. Открыли. Крутой человек! Доча, премия пришла.

Отдышусь на стуле. Немочь напала. Завтра к Тимоше, в больницу, свалился внучек. Последний год совсем от рук отмотался, скорей бы армия забрала. Дома не дождешься, придет — чего только от него не наслышишься. Растрепай-некудыще! Свет какой-то делал. В какой, говорит, играть. Какой этот по телевизору смотрю — уродуются. Ты же худенький! Смеется внучек. Умок-то легонький. Отца-матери нет. Пришла в субботу, — лежит, охает. Говорит, о какой-то борт его стукнули.

Ну, вот, написала. Доча, правильно? Чего? Не хочет премию давать, — сейф, говорит, закрыт. Обратно пойду. В добрый час сказать, в худой промолчать.

Мужчина скандал открыл. Телефон взял. Начальник! Хлопочет за меня. Доча, не сердись. Вышла рано, перекопано, по досточке не пройти. Что писать-то? Здесь? Восемнадцать рублей. Спасибо, доча. Посылку-то начальник забыл! Дай крикну, вынесу! Назад бежит. Хороший человек. Что же в таком ящичке у вас красивом? Отмахнулся: некогда, мол, мне — и рысью побегал. Пойми их, начальство...





ГОЛОСА В ЛЕСУ

Игорь НИКОЛЬСКИЙ

Фонотеки записей голосов животных теперь не такая уж новость. Их начали создавать лет двадцать назад. Фонотека на биологическом факультете Московского университета насчитывает более трех тысяч записей насекомых, рыб, лягушек, птиц и зверей. Понятное дело, коллекция собирается для научного и учебного пользования. На территории нашей страны только птиц насчитывают свыше 700 видов, и каждый имеет свой особенный репертуар звуков, присущий только данному виду акустический код. Звуковой канал общения, как теперь достаточно хорошо выяснено этологами, — один из важных у животных. Изучением этого вопроса занимается биологическая акустика. Охота с магнитофоном за звуковыми «портретами» животных в заповедниках, заказниках, национальных парках служит постоянным и основным источником пополнения коллекции.

Для научных сотрудников, студентов, аспирантов, пишущих на магнитофон звуки природы, такая «охота» не самоцель, а способ сбора учебного и научного материала. Часть этих сборов поступает затем в собрание на постоянное хранение.

Когда ко мне, хранителю фонотеки, приходят корреспонденты, они просят рассказать о коллекции, ее использовании, о том, как добывают записи. В заключение журналисты неизменно просят: а теперь что-нибудь интересное, какое-нибудь захватывающее приключение...

Такой вопрос всегда озадачивает: тигра в Уссурийской тайге не интервьюировал, белую медведицу в логове на острове Врангеля записать не пытался, как кричит белуга, тоже слышать не приходилось. Что еще интересного? Да, вот, пожалуй... Мы собираем нашу коллекцию, записывая голоса не только наземных животных, но и рыб, водных насекомых, охотимся за звуками чесночницы. Это земноводное в брачный период издает под водой выразительные стуки, иногда принимая позу дирижера за мгновение перед оркестровым вступлением. «Взять» эти звуки можно, если использовать специальный прибор — гидрофон. И однажды он к нам попал. Проверили его на воздухе — работает, опустили в ванну — прекрасная чувствительность, улавливает даже потирание пальцами в воде, звук идет чистый, без помех. На следующий день заторопились за город, к одному болотцу, где чесночниц замечали и ловили. Опустили в воду гидрофон, включили все как полагается и... услышали в наушниках полку Штрауса. Забавно? Не очень. Аппаратуру надо было должным образом экранировать от помех...

Зоологов давно интересует то, как животные узнают друг друга, какую роль играет голос? Вот речные крач-

ки... Во время гнездования эти птицы образуют колониальные поселения. Тем не менее любая крачка ревниво оберегает участок и оттого изрядно сварлива. Представьте, залетает она в колонию и намерена занять свое гнездо. Но перед тем как сесть, зависает над пенатами и издает трескучее, резкое, сердитое «кирря». Кому оно адресуется? Конечно, соседям. «Внимание, это я, ваш сосед, а не чужак. Впрочем, готов постоять за свое право иметь здесь гнездо». А еще это сигнал супруге: я прилетел, правда, без рыбки, смотри не спутай меня с чужим и не прогони. Такова приблизительная расшифровка словами. Но есть ли какие-либо индивидуальные признаки птичьего сигнала? Это нас интересует давно. Когда крик крачки растянули на осциллографе, то увидели: звуковая посылка приняла вид трели и сложена из отдельных элементов, звуковых всплесков. Померили периоды следования всплесков у сотен криков «кирря». Он оказался различным у крачек. Получается, что птицы обладают звуковым окрасом, как бы ритмической мастью. Более того, даже у супругов звуки не совпадали...

Значит, у крачек имеется звуковой пароль, предъясвление которого помогает узнать друг друга? Похоже. Своевременное узнавание предупреждает также у птиц ненужные драки, ведь гнезда в колонии располагаются плотно. И еще: хотя внешне крачки очень похожи, они к тому же узнают своих в «лицо».

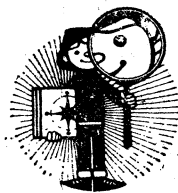
Как еще, помимо науки, можно использовать записи криков и песен птиц или, скажем, способность некоторых животных воспринимать ультразвуки? Оказывается, можно, и даже довольно неожиданно! Записи тревожных криков применяли для отпугивания стай птиц от ягодников в Казахстане, от аэродромов и пчелиных пасек в Узбекистане, от звероферм в Прибалтике. Крики бедствия пернатых употребляют для охраны урожая во многих странах мира уже четверть века. А недавно ультразвукам нашли новое применение. Было замечено, что звуки высотой свыше 20 килогерц не только воспринимаются копытными — оленями, лосями, кабанами, — но и вызывают у них настороженную реакцию. Эта особенность была использована для отпугивания крупных млекопитающих от дорог. На автомобиле установили ультразвуковые свистки. Они приводятся в действие ветром при разгоне машины: люди звука не слышат, а для животных такой сигнал — предупреждение.

Вообще, заманчиво попытаться управлять поведением животных, предъясвляя им не только отпугивающие, но и приманивающие звуки. Это, кстати, древний охотничий прием. Использовали их и на птицеферме.

Еще на заре века на одной из российских птицеферм проводили опыты по стимулированию цыплят, причем роль звуковой насадки выполнял фонограф — чудо техники того времени. В наши дни эти работы получили продолжение на птицефабрике по разведению инкубаторских цыплят. Как известно, птенцы выводковых птиц, едва оставив хрупкую купель, обретают способность активно передвигаться. На птичьем дворе их водит и наставляет наседка; инкубаторские курицыны дети лишены родительского призора. В первые часы жизни они беспорядочно и вяло ищут кормушку, плохо питаются, увеличивается отход. Дело поправилось, когда у кормушек разместили динамик и стали воспроизводить созывающий голос наседки. Кроме того, в опытах удалось также добиться более дружного вылупления цыплят из яиц. Как? Призывными сигналами наседки. За эти и другие работы по прикладной биоакустике, принесшие экономический эффект, сотруднику биофака МГУ Александру Тихонову была в 1982 году присуждена премия Ленинского комсомола.

Появляются сообщения о применении записей с пением птиц для создания благоприятного, успокаивающего фона в лечении больных, страдающих бессонницей, а также в постинфарктных и детских санаториях.

Таким образом, коллекции записей голосов животных служат не только зоологии, хотя одно это уже явилось бы достаточным основанием для их создания. Записи хранятся в виде магнитных лент и грампластинок. Пластинки, конечно, более надежны, их в коллекции биофака МГУ более сотни. И мы подумываем об организации выставки зоологической дискографии. Но есть и досадные пробелы. Не найдена, например, первая пластинка с записью пения «натурального» соловья (выпущена на российский рынок в 1910 г.). Это было знаменательное событие, ведь до 1910 г. появлялись лишь передразнивания животных, имитации. И все-таки принимать эту грамзапись за основательницу отечественных зоологических дисков нам не хотелось бы. Сей соловей (клеточного содержания) был записан в Германии, в Бремене, а затем, благодаря дочерним фирмам всеильной по тому времени грампластиночной компании «Граммофон», пел по всему свету. В поисках отечественных дисков мы обратились к каталогам и нашли указания на две прелюбопытные пластинки. Оказалось, что в 1911—1912 гг. известный цирковой артист Анатолий Дуров записал на студии братьев Пате шуточные декламации с участием животных. Одна из пластинок называлась «Шуты», а другая — «Качели». На них звучат, помимо голоса артиста, по-видимому, натуральные голоса его питомцев: собак, поросенка и петуха. К сожалению, этих пластинок в коллекции фонотеки голосов животных биофака МГУ нет. Да и сохранились ли вообще эти старинные шеллаковые диски?



МИР НА ЛАДОНИ

● О соснах, выращенных украинскими исследователями, не скажешь: зимой и летом — одним цветом. Хвоя на них и зеленая, и красная, и желтая, и даже белая! Это — результат мутагенеза, то есть направленного воздействия на гены. Основная цель ученых — получить сосны с повышенной продуктивностью. Уже есть деревца, которые отличаются ускоренным ростом.

● А вот американские ботаники проводят опыты по выведению декоративной многоцветной травы. В природе есть травянистые растения, у которых верхние листья ярко-красные или пурпурные, а нижние — зеленые. Исследователи пробуют получить траву с желтыми, синими, розовыми листьями. Такая трава в газонах будет, как они утверждают, серьезным конкурентом цветам.

● Своеобразную школу-семилетку прошел у румынского врача Сорина Урина прирученный им ворон. Птица научилась за это время говорить. В ее «словарном запасе» 50 слов — от простых до сложных. Ворон произносит, хотя и по слогам, даже небольшие предложения. А кроме того, он имитирует лай уличных собак.

● Почти три ведра медных монет, отчеканенных в 1770—1808 годах, добыли лесозаготовители в глухой Кондинской тайге (Западная Сибирь). Клад, происхождение которого пока неизвестно, был обнаружен при корчевке пней на одной из лесосек.

● Обычная полимерная пленка, выброшенная после использования, не разрушается десятилетиями, загрязняет природу. А вот пленка, созданная совместно химиками Минска и Ленинграда, распадается под воздействием солнечных лучей в течение 45—60 дней. Процесс этот можно ускорить вчетверо, если ненужную уже пленку предварительно обработать растворами. Новая пленка нужна прежде всего земледельцам — овощеводам страны.

● В Центральной Монголии археологи обнаружили развалины города, существовавшего еще двадцать веков назад. Это пока единственный памятник градостроительства древних азиатских кочевников. Там же раскопан участок мощеной дороги шириной в несколько метров.

● В составе Уральского научного центра Академии наук СССР организовано еще одно академическое учреждение — Институт органической химии. Работа исследователей нового института будет связана прежде всего с задачами развития нефтехимии Прикамья.

● Астрофизический институт Академии наук Казахстана одним из первых в стране сделал снимки приближающейся к Земле кометы Галлея. Это произошло, когда расстояние до кометы составляло 750 миллионов километров. Снимки кометы получены с помощью телескопа, изготовленного в ГДР.

Прицеп на 1300 тонн

Дороги Тюменского Севера скоро опробует тяжеловоз, способный перевозить по 1300 тонн груза за один прием. Такой автомобильный прицеп разрабатывают инженеры Челябинска и Москвы. У него будет 576 колес, автоматизированное — с электроникой — рулевое управление.

Новый прицеп предназначен для доставки крупных изделий, необходимых при освоении Ямбургского газоконденсатного месторождения.

Ранее челябинцы изготовили платформы на колесах для перевозки 300- и 600-тонных грузов. С помощью одной из них было доставлено на озеро Иссык-Куль научно-исследовательское судно.

П. МИХАЙЛОВ

Подводные горы Байкала

То, что Байкал — самое глубокое озеро на Земле, известно давно. А вот байкальская новость, «добытая» исследователями Лимнологического института Сибирского отделения Академии наук СССР: в озере скрыты горы высотой более 7 тысяч метров!

Сначала ученые пробовали пробурить скопившиеся в озере осадочные толщи, но твердых пород буровой снаряд не достиг. Тогда применили эхолоты, подводные взрывы. И оказалось, что в центральной котловине озера толща осадков достигает 6 тысяч метров. Они-то, эти осадки, и прикрывают гигантские горы, поднимающиеся со дна почти к самой поверхности.

Реки и речки, впадающие в Байкал, ежегодно засыпают подводные горы миллионами тонн галечника, песка, глины, ила.

В. ПЕТРОВ

Кое-что об акулах и человеке

На килограмм увеличился мировой рекорд веса тигровых акул, выловленных в океане. У берегов Австралии двум рыбакам-счастливицам попался экземпляр длиной 4,1 метра и весом 462 килограмма. Прежний рекорд продержался почти тридцать лет.

...И чего только не находили в желудках пойманных акул! Даже пишущую машинку! Хищницы заглатывают все, что попадает в океан с берега, с кораблей. Впрочем, то, что вытянули сетями уругвайские рыбаки, оказалось, видимо, не по зубам ни одной акуле. А вытянули они... автомобиль марки «Рено»! Кузов лимузина проржавел, но покрышки оказались в хорошем состоянии и даже с нормальным давлением воздуха в них. Это случилось не у берега — в открытом океане.

С. ФОКИН

Подростки-ремонтники

Жителям улицы Рупниецибас в Риге не приходится ждать-поджидать, скажем, слесаря-сантехника, когда он нужен. Общественная комсомольско-молодежная ремонтная служба быстро направляет для выполнения заявки кого-нибудь из подростков с инструментом в руках. Впрочем, юные мастера (а это учащиеся из профтехучилищ, техникумов, школьники) в свободное время работают в жилых домах и без вызова: чинят двери, окна, электропроводку...

В республике создано более ста общественных молодежных ремонтных бригад.

В. СТАР

Современный папирус

В Каире существует единственный в мире институт по изучению папируса, где уже много лет ведутся исследования с целью раскрыть тайну изготовления этой древнеегипетской бумаги. Пока удалось изготовить папирус, который несколько толще обычной бумаги. По мнению ученых, современный папирус сможет сохранить свои свойства в течение многих тысячелетий.

Г. ФРОЛОВ

Телефон-малютка

Специалисты Уральского филиала ВНИИ технической эстетики разработали моноблочный телефон.

Художественно-конструкторский проект новинки (автор Ю. Савин) предусматривает применение в этом аппарате достижений телефонной электроники. Все устройство аппарата размещается в разговорной трубке, которая снабжена кнопочным набором и световым контролем номера. Пользоваться таким телефоном можно одной рукой, что имеет большое значение для больных, прикованных к постели, для односторонних инвалидов.

Авторы проекта предусмотрели элегантно оформленные телефоны, при его изготовлении будут использоваться пластмассы ярких расцветок.

Выпуск моноблочных аппаратов осваивает Пермский телефонный завод.

Я. АНДРЕЕВ

Удивительное золото

Как известно, металл золота соединений не образует, за что он и назван благородным. Руды, из которой извлекают все металлы, для золота не существует. Золото самородно. Это правило. Однако у всякого правила есть исключения. Подобным исключением, совершенно уникальным, является минерал золота калаверит!

Прежде всего необходимо уточнить, что существует элемент, воздействующий на золото. Это хлор. В момент выделения из смеси двух сильных кислот — «царской водки» — хлор способен растворить золото.

Свободный хлор выделяется и из магмы, но почему, в таком случае, нет минерала хлористого золота? Минерала нет, однако соединение такое существует в природе, только оно растворимо в воде, в отличие от хлористого серебра — минерала кераргита. Вот почему в морской воде имеется постоянная примесь хлористого золота, это своеобразная форма золотой руды. Что это за минерал калаверит? С каким элементом кроме хлора способно золото вступать в химическое соединение? Этот элемент — теллур. Не металл, металлоид, элемент будущего, малоизвестный и таинственный. Он способен улетучиваться при прокаливании подобно мышьяку, сурьме.

Химическая активность теллура невероятно сильна, он соединяется со всеми металлами, включая платину! Встречаются, конечно, редко, минерал нигглит — теллурид платины, мелонит — теллурид никеля, гессит — теллурид серебра, алтаит — теллурид свинца и другие.

Калаверит — теллурид золота — представляет из себя малозаметные мелкие палочки, гвоздики, крючочки желто-серого цвета, которые легко выпустить из вида, собирая шлихи из россыпных месторождений.

К. ФЛУГ



ПРОВАЛЫ

В горах Кавказа Петя побывал.
— Что видел? — дома расспросить
хотели.
— Провалы там... В шашлычных —
Ркацители...
На том у Пети в памяти
Провал.

ВЗРЫВНИКИ

Чтоб проложить дорогу между скал,
При этом сэкономить аммонал, —
«Здесь древняя ценнейшая
порода!» —
На скалах начертали взрывники.
И скалы — не прошло полгода —
Туристы разобрали на куски!

А. ТЕРЕНТЬЕВ

МУДРЯШКИ

Ему сказали: «Скромность ук-
рашает человека». Он подумал:
«Вот бы достать импортную».

Дочь не поступила в театраль-
ное училище, и родители устроили
ей сцену.

Он трезво смотрел на немод-
ные вещи.



Он не искал легких путей в жиз-
ни, — искали родители.

У самого молоко на губах не
обсохло, а собрался кому-то нос
утереть.

Время диктует. Но не делайте
ошибок при записи.

В. ТУРЕНКО

Когда наука на марше, медные
трубы не нужны.

Если река богата рыбой, значит,
местность бедна промышленностью.

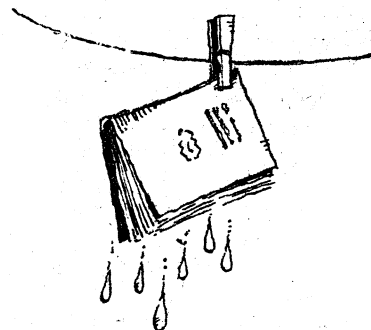
Можно ли вкус к делу считать
делом вкуса?

Многих животных в Красную
книгу занесли ногами вперед.

Книги — друзья, которым про-
щается даже то, что они выживают
нас из квартир.

Так болели за окружающую сре-
ду, что уже не было сил оздоро-
влять ее.

Когда открываются новые гори-
зонты, появляются и новые миражи.



Чем больше воды в книге, тем
меньше она похожа на источник
знаний.

Он слился с природой — река
стала грязнее.

В. ВОРОНЦОВ

Дети — цветы жизни. Они тоже
увядают, если их ни во что не ставят.

В дневнике сына родители по-
стоянно расписывались в собствен-
ном бессилии.

Возможно, что в спорах учите-
ля с учениками и рождается исти-
на, но гибнет дисциплина.

Евг. ТАРАСОВ

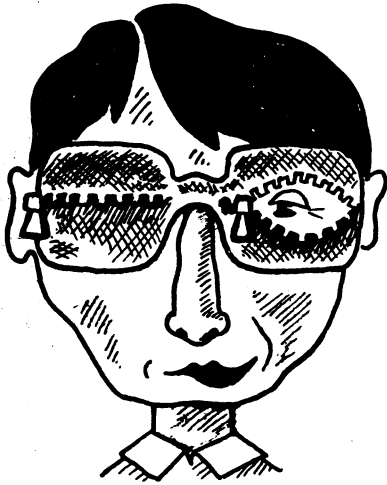
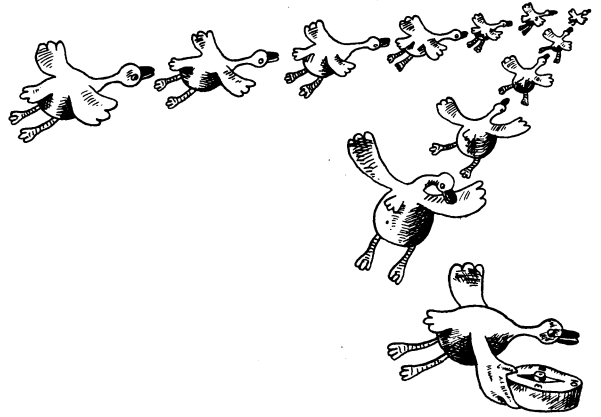
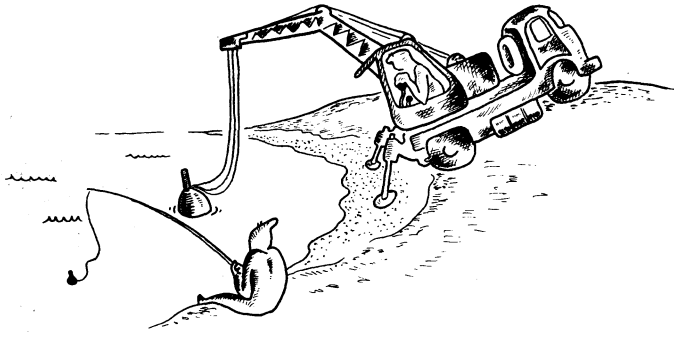
Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРА-
ПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. главного редактора), Н. Г. НИ-
КОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕБИШЕВ,
Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ,
В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел
фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), М. В. Бурангулова (корректор),
Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Ли-
патников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор),
Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат),
51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни),
51-09-69 (краеведения)

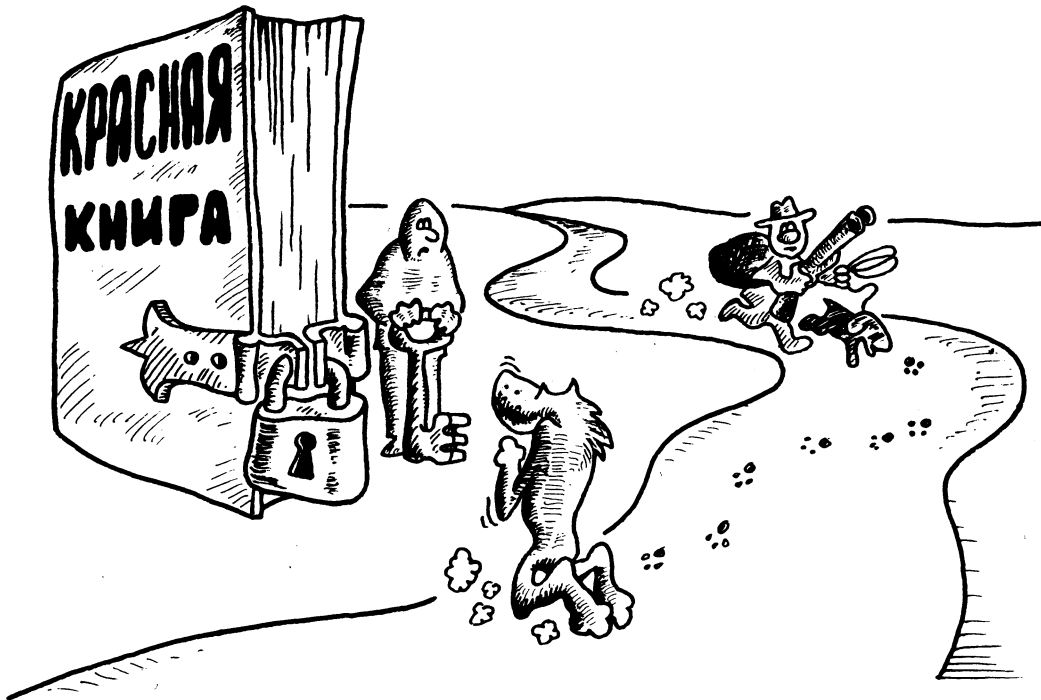
Сдано в набор 29.04.85. Подписано к печати 18.06.85. НС 11234. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая
печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 10,6. Тираж 307 000. Заказ 528. Цена 40 коп.



ВАЛЕРИЙ ЛОМАКОВ



Родился в 1956 году в г. Свердловске. Окончил электротехнический факультет Уральского политехнического института им. Кирова. Занимался мультипликацией. Первую карикатуру опубликовал в 1980 году. Работает электриком на керамическом заводе.



ЧИТАЙТЕ

В 1986 году

Шла Великая Отечественная... Восемнадцатилетним ушел на фронт Вадим Данилов, ныне известный журналист, а тогда новоиспеченный командир огневого взвода, выпускник артиллерийского училища. И с ходу — в бой. Молодость его поколения мужала в смертельном поединке с врагом, каждый день испытывал на прочность силу характера, силу товарищества. Кто-то не выдерживал, надламывался — Вадим Данилов честно пишет и об этом. Достоинство произведения, на взгляд редакции, именно в том, что, не облекая свое повествование в романтические, героические одеяния, автор сумел показать, как в боях выковывалась человеческая личность, Боец с большой буквы, который отстоял мир на планете. Повесть не носит строго документальный характер, но она вместе с тем несет на себе отпечаток авторской личности.

Как и Вадим Данилов, с первой журнальной публикацией выступит в «Уральском следопыте» Николай Дудников. Автор многие годы работает в Ямало-Ненецком национальном округе, и накопленные жизненные впечатления легли в основу повести «Последний перелет».

...Столкнулись пути вожака стаи козарок — редчайшего вида гусей, занесенного в Красную книгу — и начальника нефтегазоразведочной экспедиции, который являет собой тип, увы, не столь уж редкого для Севера руководителя, считающего, что «план все спишет». Авторский почерк Н. Дудникова еще не устоялся, но повесть, думается, привлечет внимание читателей актуальной проблематикой, бескомпромиссной позицией защиты природы. Эту позицию олицетворяет в повести ненец Варкаи.

Повесть Эрнста Бутина, возможно, кто-то из будущих читателей отнесет к жанру фантастики. Герой произведения в юные годы подавал большие надежды. В повести мы встречаемся с ним уже сорокалетним. Жизнь не удалась и герой хорошо знает почему: был крайне эгоистичен, предавал дружбу и любовь, не считался ни с кем и ни с чем ради будущей карьеры. И вот в результате дерзкого научного эксперимента, сместившего понятие времени, в повести одновременно действуют герои-двойники: разочаровавшийся и умудренный жизнью несостоявшийся писатель Юрий Иванович Бодров и юный, обуреваемый честолюбивыми замыслами Юра Бодров.

Каждая новая публикация нашего постоянного автора лауреата премий Ленинского комсомола и «Аэлита» Владислава Крапивина вызывает большую читательскую почву. Новая повесть «Тополиная рубашка» примыкает к известному циклу писателя «Летающие сказки». Как во всякой сказке, в ней действуют домовые и ведьмы, которые на поверку оказываются вполне земными людьми, сон, как это часто происходит у Крапивина, органично оборачивается явью, а сама сказка — былью.

В портфеле редакции — рассказы как реалистического, так и научно-фантастического плана. Читателям, как всегда, будет предложена новая НФ викторина. В каждом номере будет представлена рубрика «Поэтические маршруты».

Подписка на «Уральский следопыт» принимается «Союзпечатью» повсеместно. Наш индекс 73413. Подписная цена на год — 4 руб. 80 коп.